

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

Дурьсвѣтка

Этюдъ зъ натуры, въ 1-й діи.

Къ представленію дозволено. С -Петербургъ,
7 Сентября 1898 года.

Povnyĭ sbirnyk tvoriv

Marko Lukych Kropyvnytskyĭ

**INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY**

121

Марко Лукуч, Кропивницький

М. Л. Кропивницький.

Рознуї світук творів

**ПОВНИЙ
ЗБИРНИКЪ
ТВОРИВЪ**

ТОМЪ III.

<p>1. Доки сонце зйде—роса очи выість. 2. Вергилієва Енеида.
3. Дурысвітка. 4. Супротивни течіи. 5. Глумъ и помста.</p> |
|---|

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типо-Литографія М. Я. Дрейшпуля, Рыбная улица, № 23.
1903.

PG 3948
• K 73
1895
v. 3

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Апрелья 1902 года.

12-20-60

О Г Л А В Ъ:

	Стран.
Доки сонце зійде—роса очи выисть	1
Вергилієва Енеида	55
Дурысвитка	103
Супротывни течіи	127
Глумъ и помста	175

Доки сонце зійде,

роса очи

выість

Драма у 4-хъ дѣяхъ, выправлена наово.
Дієтця межы 1862—1863 роками.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ, 9 Іюня
1901 года № 4199.

ЛЫЦЕДІИ.

Дмитрій Мыколаевычъ Вороновъ, поміщикъ.

Наталія Семеновна, его жинка.

Борысь, ихъ сынъ, студентъ.

Владимиръ Петровычъ, сусидъ, прыятель Борысивъ.

Антонъ Завада, старый чоловикъ.

Оксана, его дочка.

Максымъ Хвортуна, пидстаркуватый чоловикъ, стрілець и швецъ.

Степанъ Кугуть, парубокъ.

Гордій Поваренко, парубокъ, городьскій швецъ.

Скубко, писарь, пидстаркуватый чоловикъ.

Текля, дивка у литахъ.

Соломія, дивчына, служыть у панивъ.

Катря, молода дивчына.

Парубки и дивчата.

Діетця на сели.

Д і я 1-а.

Ставокъ порослый очеретомъ, та кугою, въ киньци ставу—гребля; видъ греблю—розореный млынъ. На гребли вербы и березы. Смерка.

Я в а 1-а.

(За лаштунками ледве чутьно спиваютъ дивчата, дали спивъ наблѣжаетця; въ киньци писни дивчата боязко выходятъ на кинъ).

Текля, Соломія, Катря и дивчата.

КАТРЯ.

Охъ, сестрычки-матиночки, куды жъ мы оце забрелы? Тутъ такъ страшно!

ТЕКЛЯ.

Тю, нависна! Чы не страмовыще! Та ондочки жъ и слобода! Сотни ступенивъ не видойшлы видъ хать, а ій це здаетця вже за край свита!..

КАТРЯ.

Колы жъ я, Господы, якъ боюсь!

СОЛОМІЯ.

Воно такы і справди, дивчата, смеркомъ тутъ не безпешно. А все ты, Текле, идешъ, та і идешъ, а мы за тобою, якъ вивци за цапомъ, отъ ёй-Богу, що правда!.. За для чого ты насъ сюды завела?

ТЕКЛЯ.

Кажу жъ вамъ, що тутъ буде на гребли дыво.

ДИВЧАТА.

Та яке жъ дыво? Дыво, та і дыво, а яке?

ТЕКЛЯ.

Давайте спершу скупаемся, а потимъ роскажу.

ДИВЧАТА.

Оттакои выгадай, де жъ такы купатысь?

СОЛОМІЯ.

Тутъ же по захидъ сонця разъ у разъ водяныкъ бовтаетця.

ТЕКЛЯ.

Я водяныка не боюсь!

ДИВЧАТА.

Не бійся, та стережысь!

ТЕКЛЯ.

Отъ же на вдывовыжу вамъ буду его дратуваты. *(Гука).*

„Водяныкъ, водяныкъ,
Дамъ тоби медяныкъ,
Покажысь изъ воды
Ажъ до пивъ бороды!“...

Охримъ *(за лаштунками).*

Ось, я заразъ!

(Дивчата прожогомъ тикають).

Я ва 2-а.

Входить Охримъ.

Охримъ (*регоче*).

Ачь, якъ дременулы уростичъ, не-
наче козы! Ого-го, ажъ гупотыть!.. Тю-тю,
нависни! Вернитця-бо сюды! Це я,
Охримъ!

Текля (*за лаштунками*).

Чы й справди-то ты, Охримо?

Охримъ:

Тадже прыдывьсь! (*Дивчата зо
страхомъ наблыжаютця*). Водяныкъ
же зъ зеленою бородою и увесь у ку-
шыри, а въ мене нема ни борода, ни
вуса.

Текля.

Справди це Охримъ!

Соломія (*до Охрима*).

Оце жъ, нехай тоби всячына, якъ ты
насъ налякавъ! (*До Катри*). Заспокойся-
бо. Це жъ Охримъ, ось прыдывьсь!

Катря (*ледве промовля*).

Охъ, духъ мени зовсимъ забыло!

Охримъ (*узавъ їи за руку*).

И выгадають же чортъ-батька зна-
яки выграшки—одна одну полохаты? Пев-
но це Теклыни вытивкы?

Текля.

На вищо бъ-то мени здалося їи по-
лохаты?

Охримъ.

Це вже я знаю „на вищо!“

Текля.

Справди? Охъ, який же ты догад-
ливый! (*Регоче*).

Охримъ.

Та не поможетця!

Катря:

Я вже й не знаю, що я тоби, Текле
заподіяла?

Охримъ.

Якъ що! їй вси дивчата заважають.
Теперечкы ты сегодня зо мною стоишь,
учора й позавчора те жъ стояла. Ну, а
це їй голкы въ печинкы!

Текля (*регоче*).

Ой, який же хорошувъ! Охъ, рятуй-
те, сестрычкы, бо збожевелю видъ заз-
дросты!

Охримъ.

Ой, не регочы!

Текля.

Утры слыны свой крали, ондечкы
яки сережкы попускала черезъ губу! (*Ре-
гоче*).

Катря.

Сама ты слынява!

Охримъ (*Катри*).

Плюнь ты на неи.

Текля.

Заплачь, тонкослизко! Гляньте, сест-
рычкы, яка гарна пара стоить, мовъ на-
малевана! А вона, вона, якъ рожа! (*Ре-
гоче*).

Охримъ.

Видсахньсь ты, сатано! Чого въязнешъ
до дивкы? Жыдивьська ты помыйнице!

Текля.

А вона тоби винчана, чы якъ?

Охримъ.

Хочъ вона мени й не винчана, а тебе я й безъ попа сегодня звинчаю по потылыци кулакомъ.

Текля.

Руки покорчыть!

Охримъ.

Тьфу!

Текля.

И тобі тьфу!

Я в а 3 - я.

Ти жь, Степанъ, Гордій и парубкы.

Степанъ.

Бачъ, куды ихъ занесло! А все це певно Текля керуе? Це вона, Охрине, за тобою такъ зорыть: постерегла, що ты пишовъ у Купріянивку, дакъ вона вже и на зустрічь тобі.

Охримъ.

Хай вона пропаде, анахтема!

Текля.

Може й зорыла, докы дурною була!

Охримъ.

А теперь порозумничала? Ну, й слава Господеви, що хочъ однією дурною меньчь буде на сели!

Текля.

Не печалуйся, дурный заступивъ порожне мисце, якъ разъ буде у шчерть.

Охримъ.

Ну, й дивчинка, настояще срибно-золотце.

Текля.

И я жь кажу, що такы настояще! Черезъ губу плюе, черезъ голову врынае, до тебе ракомъ врынае.

Гордій.

Довольно остроумная барышня!

Степанъ.

Чы по знаку вамъ, дивчата, оця проява? (*Показуе на Гордія*).

Дивчата (*прыдывляютьця*).

Хто жь оце?

Текля.

А я видъ разу впизнала: це жь Гордій Поваривъ?

Гордій (*з гармонією пидъ пахвою*).

Онъ и есть—Гардей Мыкитовычь! Я сышчасъ толькы што зъ города прыкатыль зъ калаконьчыкомъ. Мое поштеніе, барышни! (*Тупнувъ ногою, протяга руку*).

Текля (*подае руку*).

Благодарымо васъ!

Дивчата.

Що? Поштеніе? барышни? Яки жь мы барышни?!

Гордій.

А то какъ же? Ну, меньзели, когда желаєте по немецькому. „Безъ привету, какъ адевету быть нельзя“. У насъ, у городи, значыть, какъ зберутця на промынажъ, чы по вашому—на юлыцу, сышчасъ одынъ другого за ручку: „мое поштеніе“; и зъ барышнямы такой тошно хвасонъ. Ну, у васъ на дерёвни овсимъ другой поднарядъ! Такъ не даромъ же сказано: „дерёвня, какъ деревня, а городъ, какъ городъ!“

Текля.

Видь нашихъ парубкивъ наврядь чы диждесея городянского звычайю.

Охримъ.

Ни, у насъ якъ людныи, то й людське, а свынн, то й честь свыннча!

Гордій.

Позвольте на споръ объ етихъ самыихъ словахъ. На чый щотъ вы отдыраете егій самыи категоріи?

Степанъ.

Мелы, бисе, чортъ тебе второпа!

Дивчата.

Сыдивъ бы тамъ зъ своимы мензелямы у городи! (*Регочуть*).

Гордій.

Вотъ такъ порадошна культура! Какъ паѣду въ городъ, въ тотъ же секундъ объясню всимъ кавалерамъ и барышнямъ, што какая, значыть, глупая полытыка на дерѣвни!..

Охримъ.

Чого жъ це ты прытетюрывся до насъ?

Гордій.

Такой я имиль свой капрызь, штобъ прыхать, изъ тѣмъ што жалая повыдаты тятеньку и мамашу и прыхаль!

Охримъ (*сміється*).

Тутъ тебе тилькы й бракувало.

Гордій.

Нечаво не кстати задаватьця, нечаво наводыть тѣнь на глянецъ!.. Мы, пожалуста, и самы зъ усами, толькы што носъ не абрось!

Степанъ.

Перестань вже белькотаты, выдко птыцю по облычю.

Гордій.

Я не белькачу, ну передь усякимъ смило можу оправдать свой авантажъ, и у разговорахъ усякому носа утру,—не то што, а вотъ што. Я имію аттестать, што можу батынки на коркахъ и на двойной падошви. Да хочъ и на мериканьской, дакъ не спужаимся! Вгодно, дакъ и бакфорты по новому хвасону, зъ бутылкамы. Я не халамыдныкъ какой!..

Степанъ.

Тебе возомъ зачепылы, чы якъ?

Гордій.

Я не какой небудь жулыкъ, а майстерной чалавекъ! Вы гнете на то, штобъ барышни ваши понималы объ мине на противъ и даже зъ насмешкой. Ну, дакъ мы тоже можемъ гаварыть не пахуже!..

Степанъ (*до всихъ*).

И языкъ ему не заскоче оттаке белькотаты!

Гордій.

Не карѣйтесь, пожалуста, и не задавайтесь!

Степанъ (*до всихъ*).

Дывы, якъ роспустывъ генбу!

Гордій (*до всихъ*).

Какъ вы не понимаете городского разговору, дакъ я при етомъ случаи не прычыною,---вотъ вамъ и вся процендура. Отъ барышни ваши, дакъ я такъ понижаю, што воны мой культурный разговоръ можуть объяснить,—правда? И барышни мальчяты? вдивытельно? Вотъ такъ воспытаніе!

КАТРИА.

Куды жъ намъ до городянокъ рив-
нятысь!

ГОРДІЙ.

Положымъ, што вы правыльно...

ТЕКЛЯ.

А звисно, такій якъ ты то зась;
а я все зрозуміла, що вони говорятъ.

ГОРДІЙ (*протяга руку Текли*).

Поздравляю васъ зъ цывылізаціей.

ОХРИМЪ.

Ты, коношне, городянкамъ пидъ масть!
Вона у насъ Гордію, уміе черезъ губу
кашлять! (*Сміється*).

ТЕКЛЯ.

Засмієся колысь на кутни!

ОХРИМЪ.

Слухай-бо, Гордію, Посватай у насъ
Теклю, вона зовсимъ на городянку закан-
дзюбылась!

ГОРДІЙ (*пидходе до Катри*).

Кажетця, Катерина, по батюшки,
звынитъ на томъ, не впомню, вы вдывы-
тельно покрасивелы! И потому, между
тимъ прочимъ, позвольте вамъ рыкумен-
довать меня!

КАТРИА (*до дивчатъ*).

Охъ, сестрычки, що жъ це винъ
зновъ забелькотавъ?

ОХРИМЪ (*злегенька одпыха его пле-
чмъ*).

Лыбонъ, ты не въ ти взвуся?

ГОРДІЙ.

Пачаму? (*Знову до Катри*). Пой-
мите одно толькы, што я, для новаго зна-
комства, хочю рекумендовать меня.

ОХРИМЪ.

Та кажу жъ-бо, що не въ ти взвус-
ся! Братця, що се на ему за одежда?

ГОРДІЙ.

Кажетця, повяты можна, што гедзеть,
а либо по вашому, по деревенському, джи-
геть! Обнакавенной хвасонъ на городсь-
кихъ кавалерахъ.

ОХРИМЪ.

А й прыстало тобі, якъ корови сидло!

СТЕПАНЪ.

Це жъ той каптанъ, що зветця:
пусты-вырвусь!

ОХРИМЪ.

Чепурный, якъ свынй въ дощъ!

ГОРДІЙ.

Не завдавайтесь на мелкіе макароны,
бо лапша зъ кармановъ сыплетця!

ОХРИМЪ.

Памъятаете, братця, на великденъ
нимецъ ходывъ по селу зъ каплямы, якъ
разъ у такій кацавейци?

ГОРДІЙ.

И што вамъ на эти глупые дураче-
ства объявуть? Болваны, одно слово, бол-
ваны! У насъ такой тытуль, штобъ ру-
башка зъ манышкою калингорова, або
сытцева, зонтыкъ въ руци и шчиблеты,
або бакфорты на рыпахъ... А безъ етихъ
документовъ въ хорошую канпанію не
пожалуйте!

ОХРИМЪ (*прыдвеляетця до его чо-
битъ*).

А чоботы, а чоботы! Тю, дывы! Глянь-
те, хлопци на его закаблуку, якъ винъ
нигъ не повыверта?

Гордій.

Тогда только сапогъ и иметь свой настоящей тытуль, когда подборъ высокый и стончоной на нѣтъ, штобъ слидъ отъ подбора бувъ не болшь двоигривенного. Какъ сапогъ у подъеми какурать, такъ вонъ и иміе свою надлежащу державу!

Охримъ.

А побижы, чы здорово заорешъ носомъ?

Гордій.

Пушай бигають дураки, но я, кажеться при своей памъяти! (*Почына грать на гармоніи и спивать*).

Яхъ ты бабка, ты ядгадка,
Ядгадай маю балестъ:
Гаварать, што лыхорядка
Треплетъ друга маево.
Но не долго протрепала
Тры недели усего.
На четвертую неделю
Сталь Ванюша адюжать.

Степанъ.

А що у васъ спивають парубкы, якъ зберутця на вулицю?

Гордій.

Случаетця, только што у насъ нѣтъ парубковъ, а усе кавалеры.

Де-яки парубкы.

А ну, кавалеръ, заспивай, може й мы переймемо?

Гордій.

Ну, только што у насъ на тверозую ногу не поють.

Охримъ.

Ачь якый, звикъ до могорычивъ!

Гордій.

Не въ томъ ращотъ... Пойдемъ въ пытейной, я самъ васъ вгашу.

Парубкы.

Та ну-бо, заспивай!

Гордій.

Запонть вамъ романца—не поймете. Одначе вотъ вамъ, напริมиръ. (*Спива*).

Сама я розочку садыла,
Сама я буду польвать!
Сама я друга полюбыла,
Сама я буду викъ страждать!..

Парубкы.

Ты заспивай намъ салдацьком.

Гордій (*сміється*).

Важна камерція. Ты имъ благородну, а воны салдацьку. Вотъ вже не даромъ сказано про деревеньскихъ хохловъ, што мазепы!

Охримъ.

Ты-бо не будь тимъ, що моркву рые!

1-й парубокъ.

Колы зъ тобою по чеськи, то ты не робы по песьки!..

2-й парубокъ.

Гляды, щобъ часомъ не пидборкалы тоби отіен кацавейкы?

3-й парубокъ.

Тай плюндры щобъ не трыснулы ныжче пояса.

Степанъ.

Ну й чого вы на него опудылись и не соромъ вамъ? Хиба не бачыте, що винъ на вика дурный? (*Регочуть*).

Гордій.

Нѣтъ, кажеться такъ, што я не дуракъ.

СТЕПАНЪ (*тихо до него*).

Мовчи, бо бытнуть! У насъ, братъ, по простому, такъ отдубасять, що ажъ пирья сыпатыметця.

ГОРДІЙ (*трохи злякався*).

Ну, пусть я буду дуракъ, только и вы не вочень вумніи!

СТЕПАНЪ.

А ну, братця, гайда на вулицю! Ходимъ, ходимъ, дивчата, бо сегодня вже паныча не побачите!

ДИВЧАТА.

Винъ такы намъ и потрібийи!

ДРУГИ.

Прытулы горбатого до стины!..

СТЕПАНЪ.

Та вже ничого, ничого!.. Другый тыж-день, якъ панычъ прыхавъ до дому, а воны, сердешни, ажъ попару не знайдуть.

ТЕКЛЯ.

Нехай вже Оксана вытрища на него свои банкы.

ОХРИМЪ.

Здрастуйте вамъ! Зновъ чортяка штрыкнула тебе у ребро?

ГОРДІЙ.

Такъ панычъ вже прыхавъ? Вотъ зъ панычомъ, дакъ я можу никоторой парадешной разговоръ... Нада будетъ ре-комендовать меня ему.

ОХРИМЪ.

Наврядъ, щобъ винъ зайшовъ въ па-тѣкы зъ такимъ разумнымъ дурнемъ.

ГОРДІЙ.

Мы знаемъ, што знаемъ, и я мало внимаю обращенія на ваши глупые анекдоты—вотъ што! Вотъ хотивъ васъ по-поштывать настоящимъ турецькимъ табачкомъ, а теперъ не покурите!

ОХРИМЪ.

Може коло турецького лежавъ?

ГОРДІЙ.

Верную правду гавару, што турецькой, настоящей, чесное слово, восемь капеекъ чвортка!

ОХРИМЪ.

Такъ дай попробовать.

ГОРДІЙ.

Зачимъ мене дуракомъ обозначаете?

ОХРИМЪ.

Тю, винъ вже й розгнивався! То жъ мы у шуткы.

ГОРДІЙ.

Парадошни шуткы, што чуть до интересного шкандалю не дошло! (*Дае табакъ*).

СТЕПАНЪ.

Справди добрый табакъ!

ГОРДІЙ.

А зъ какого жъ резонту я буду обманывать? Отъ же тутъ и цина подписана. (*Показуе папиръ, у котримъ табакъ*).

ОХРИМЪ.

Дай сюды, я прочытаю!

Парувкы (*регочуть*).

Ты такы й тямышь?

Охримъ.

Мій же дидь бувъ грамотный, а батько дрюкований. (*Бере папиръ и нбы чыта*).

„Тысяча висимьсотъ,
Зверху старый чортъ,
Въ городи Парыжи,
Въ Вороновій поблыже,
Сила собака на вовка,
Та боялась злизты,
Бо вовкъ хотивъ ии зысты!“
Аминь!

(*Хова табакъ въ кешеню*).

Гордій.

Куда жъ ты табакъ запрятавъ?

Охримъ.

Въ кешеню, твоя може продерта, а въ мене цила.

Гордій.

Вотъ такъ мошенство.

Охримъ.

Я тоби позаторикъ видкуплю! (*Парубкы регочуть*).

Текля.

Понесли бъ оттой папиръ до Оксаны, та бъ краще прочытала.

Степанъ.

О, та прочытала бъ! Оксана добре грамотна! Ии панычъ навчывъ грамоты, ще якъ вона служыла у панивъ пры горныцяхъ.

Текля.

Навчывъ и до розуму довивъ, а вона теперь косою свитыть.

Степанъ.

Текле! Плещы про кого ынчого, колы свербыть пидъ языкомъ, а про Оксану а ни пысны.

Текля.

Я своима очыма бачыла, якъ вона на тимъ тыжневи плоскинъ выберала, та все за поперекъ хапалася.

Степанъ.

Слухай, Текле! Я плохий, плохий, ну, якъ розлютуюсь, то й чортъ мени не свать!.. Кому ты оце все кажешъ, кому ты хочешъ бакы забыты твоимъ паскуднымъ пащекуваннемъ! Я Оксану знаю, якъ своихъ пъять пальцивъ; я зъ нею заразомъ служывъ у двори, и знаю; и бачывъ, якъ панычъ вчывъ ии грамоты, и якъ балакавъ зъ нею, и про вищо, —усе те я бачывъ своими власными очыма!..

Текля.

Знаю я, що й тоби Оксана запала въ око, черезъ те ты теперь и заступаеся за неи?

Степанъ (*почервонивъ*).

Про мене... Про мене инча ричъ, и це дило не твого розуму. А за Оксану я кожному въязы зкруту!

Де-яки парубкы.

Ну, кожному, чы не багато буде?

Степанъ.

Я головою за Оксану одвичаю!

Охримъ.

Стрывай, Степане, не горячись! Правда, братухо, якъ олыва на верхъ сплыне.

Степанъ (*Текли*).

Набыты бъ тоби губы такъ, щобъ ажъ порепалысь...

Текля.

Що жъ винъ визьме ии за себе, чы якъ?

СТЕПАНЪ.

Чы визьме чы ни, то ынча ричь, а ты языка не роспускай!

ТЕКЛЯ.

Кажуть, що вона що вечора до паныча у садокъ хсде.

ГОРДІЙ.

Такъ воно жь такъ и скрозь заведено! У насъ у городи, ежели есть кака камерція промежъ кавалера зъ барышнею, дакъ тоже завсегда ети дила позно у ночи, потому днемъ главно дѣло амбыція!..

СТЕПАНЪ.

Геть пидь тры чорты зъ своею амбцею, докы не бытый!

ГОРДІЙ.

Вотъ тебе и порадошной разговоръ!

СТЕПАНЪ.

Не лизь! Кола не до тебе пьють, не кажы й здоровъ.

ОХРИМЪ.

А цытьте, лыбонь, щось гомонять? *(Слушаютъ)*. Такъ и е! Ондечкы панычъ вертаеця зъ охоты.

ТЕКЛЯ *(прыдывляеця)*.

И Тытивський панычъ зъ нымъ, той, що кажуть, самъ соби істы варе, самъ и коняку запряга.

ГОРДІЙ.

Та не можеть быть? Вотъ такъ категорія!..

ТЕКЛЯ.

Гарни паны насталы! Запряже конячynu у якусь тарадайку, та й іде селомъ, та склыка людей на роботу, неначе

той паламарь, що у писть по пидь виконню курей та поросять клянчыть.

ГОРДІЙ.

Вотъ такъ воспытаніе!

ПАРУБКЫ.

Ходимъ, не звычайно у вичи лизты!

СТЕПАНЪ.

А ну, заводь хто псню!

ГОРДІЙ.

Я вамъ спою якъ разъ по вашому скусу. *(Застывуе)*.

Не зъ послиднихъ буль прыкащыкъ,
Я спою обь немъ расказъ:

Буль вонъ посланъ за получкой
денегъ,

Тошно було ето въ разъ!

(Говоре). А вы пидхлопайте дружницъ:

„Оны его маняты, и ёны его маняты:

„Пожалуйте, пожалуйте,

„Пожалуйте, купецъ. *(Пшлы)*.

Я в а 4 - а.

Борысь Дмитровычъ, Володымырь Петровычъ и Максимъ Хвортуна; вси вони зъ рушныцями и охотнычою прымусією.

МАКСЫМЪ.

Ну, панычи, вже якъ соби хочете, а вдруге выбачайте щобъ я васъ повивъ на охоту, шкода, теперь вже бильшь не пиддурите мене.

БОРЫСЪ.

Це новына! Чымъ же мы васъ пиддурылы?

МАКСЫМЪ.

Бачъ, ще й пытають! Вы жь такы розумни и, мовлявъ, вчени люде, то й

розмиркували бь, що цилісонькый день вы соби у двохь балакаете, а за вами слидкомь човга щось таке, котре нибы те жь скидаеця на людуну, а вы его маете чы за „прышый кобыли хвисть“, чы за дурного. . Бовкнете яке тамь до него слово, та й зновь промежь себе.

Борысь.

Наша балачка наврядь чы цикава вамь.

Максымь.

А чому жь и ни? Може и я такы розшупывь бы, хочь пяте черезь десято. може якесь тамь слово и розжувавь бы; а то...

Борысь.

До того, про вищо мы вдвохь розмовляемо вамь клопоту ще нема.

Максымь.

Ще бь-то якь? Стало быть, я не зрозумію, чы що? Хиба думаете нась не вчылы по всякому розумить? Вчылы. Вчылы по морди и по потылицы...

Борысь.

Ну, не сердьтесь, Максые. Видь цего разу, я завжды розмовлятыму и зь вами про те, про вищо розмовлявь заразь зь Володымыромь.

Горновь.

Вже розсився.

Борысь.

Я здорово ноги натомывь. (*Бруте цыгарку, дали дае тютюнз Горнову*).

Горновь (до *Максыма*).

А цикаво бь було колы небудь послухаты, якь вась вчылы и чому?

Максымь (*сміетьця*).

Якь! Та кажу жь вамь, що по морди; а чому, такь то хытра штука. Бачте: привезлы до нась поваря, хранцуза—своихь поваривь було мало, тилькы трое, такь ще треба й хранцуза. А потимь привезлы садовныка нимця... Ото взяли й мене на кухню у навуку. Якь забалака хранцузь, я й вывалю очи на него; а винь заразь копысткою мене по лобови. Щось зь мисяць подержалы мене на поварни, та й прогналы. И хто его зна, що воно за знакь? Оце нибы вже и розумію, що те зветця такь, а те такь; а на завтра вже и забудь. Оце гука: „доне муа кюветь“. Це бь-то: дай мени кастрюлю; а я ему подаю сыто, або ополоникь. Винь мене заразь по лобови копысткою... Писля того, виддалы мене до садовныка. А той те жь, якь забелькоче, та вже по инчому... Чы правда тому, що кажуть нибы-то опричь нашего государства та е ще ажь симьдесятъ шисть государствь, а зь нашимь симьдесятъ симь и симьдесятъ симь языкивь?...

Борысь.

Бильше государствь и бильше языкивь?

Максымь.

Невже? (*Борысь подае ему тютюнз*). Та вы вже, будь ласка, сами мени зкрутить цыгарку, бо мои пальци, мовлявь, не до тонкого паперу зроблени. (*Сивз*). А яка чудова ничь: тыхо, тыхо, мовлявь, якь у вуси! (*Закурюе*). Чы воно на дощь оце затыхло, чы на витьерь?

Горновь.

А вамь якь здаеця?

Максымь.

Та хиба жь вась цему не вчать?

Горновъ.

Ни не вчать.

Максымъ.

Якъ-то можна? Воно жъ повинно стояты у тихъ книжочкахъ, що вы вчите?

Горновъ.

Не додывлявся я.

Максымъ.

Глузуете надъ дидомъ? Це мабуть така правда, якъ колысь хотили забыты мени бакы, що нибы гримъ видъ того, що хмара объ хмару. стукаетця...

Горновъ.

А чы вамъ е годъ зъ шістьдесять?

Максымъ.

О бильшь. далеко бильшь. Я вже парубкомъ бувъ, якъ хранцузъ наступавъ.

Горновъ.

Ну, то вамъ теперь однаково: чы той гримъ зъ тучи, чы зъ кучи.

Максымъ (*сміється*).

А бодай васъ, шуткуете. Дай Боже, мовлявъ, шутковаты, абы не плакаты... А отъ нашъ пьсарь, такъ той вгадуе: чы годына буде, чы негода; тилькы на хвылыну загляне у книжочку и заразъ вгада.

Горновъ.

То жъ книжочка вгадуе.

Максымъ.

Эге жъ, калынтыр.

Горновъ.

Не калынтыр, а календарь, котрый и вгадуе.

Максымъ.

Ой ни, не кажить! Винъ и ружо може замовыты!.. Чы вирьте, що разъ якъ замовывъ мени оцю рушныцю, дакъ ничогисенько не вдіешъ: чвыркъ та й чвыркъ... Мусывъ вже постановыты ему пивкварты.

Горновъ.

И направывъ?

Максымъ.

Ще й якъ направывъ!

Горновъ (*звѣхнувъ*).

Довго ще по селахъ отаки мудріи, якъ вашъ пьсарь, морочытымуть мырянъ!

Максымъ.

Отъ же вы й не вирьте?

Горновъ.

Годи вже й того, що вы вирьте.

Борысь.

Отъ про це мы зъ вами и распочнемо балачку, якъ вдруге пидемо на охоту.

Максымъ.

Колы бъ швыдчъ. Я хоча и старый, а ще цикавистъ мене не видцуралась.

Борысь.

А якъ тутъ чудово! Я бъ оттакъ до самисенького свиту просыдивъ!

Горновъ.

Выгадай пивтора людського: Що тутъ красотного? Жабы квакають, видъ ставка муломъ несе, пидъ ногамы вохко, ажъ джвякотыть; а нежита тутъ такого здорового можна схопыты...

Максымъ.

Еге! що й въ тыждень, мовлявъ, не вычхаеся.

Горновъ.

А бисови комари ажъ печуть!

Максымъ.

А вы обкурюйте себе. Оттакъ навкругы пускайте дымъ, та колы бь ще цыгарка зь махоркы, то та погань и не наблызытця, втикатыме, якъ чортяка видь ладану.

Борысь.

Ты, Володька, не любишь поэзи.
(*Деклямуе*).

„Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо, звѣзды блещуть,
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ“...

Горновъ.

Що ничь? день по моему краще!
Та то жь куды не споглянешь, скризь чаруе и захоуе тоби очи роскишна прырода и скильки сягне поглядь, геть зеленіе и квитчаецця круговидь у тысячахъ одминныхъ фарбь! Споглянешь на нывья и не мовь зачаруеся и ввипеся очыма и не видорвешь ихъ видь рясного колосу, що нобы нальваецця и спіе спильно зь твоею думкою!

Максымъ.

Все то видь Бога! (*Зитхнуе*). А конешне, день краще.

Горновъ.

Станешь у обидню добу посередь поля: сонечко прыпека, а надь головою и навкругы спивь, щебетанне, вылыскуванне, стогинь и смихь... И нобы той сумь и весилле побылыся обь закладь и

намагаютця переважыты одно другого! И бачышь ты и чуеть, якъ кожна пташка, кожна кузочка, навить, комашка манисенька, незрозумилою, але чаривною писнею хвалыть Божый мирь, кохаючысь у его тепли... Чы такъ, Максиме?

Максымъ (*задумався*).

Ще такъ, ыменно. що такъ!

Горновъ.

А доводилось тоби, Борысе, бачыты колы небудь такой малюнокъ: страшенна спека. Сыдыть на обнижку мужыкь— гречкосій, стомлений винь, якъ мрія безнадійного хворого, зашмаленый, якъ негръ, груди ему здіймаютця шыроченно и часто, мовь у пидстреленого орла, а поглядь, то блыскавкою замыготыть, то згасне?.. А на вкругы его спильный колось чужой ныви гчетця и шелестыть и нобы голосно промовля: „Годи, сиромо, спочываты, вставай!“..

Максымъ.

Еге, вставай, косы!.. А свое нехай хочь высыплетця.

Борысь.

И все ты вернешь на сумни малюнкы.

Горновъ.

И кожный интелегентъ повиненъ вернуты свій розумь у цей бикъ. Ще по поэзія, а проза, и ии я, люблю и ий присвячую вси мои знання, сылы и думкы... Одначе, пора вже до дому, бо я и справди скоро чхатиму.

Максымъ.

А пора, пора, бо ничь, мовлявъ не жде... А мени ще треба до свита вставаты та за косу прыймагысь, тамъ треба, выксыты смужку ячменю шынкареви...

БОРЫСЬ.

За позыку?

МАКСЫМЪ.

За процента: чотыри карбованьци позычывъ у него въ осены, дакъ це за процента.

БОРЫСЬ.

Це здырство!

ГОРНОВЪ.

Ни, це сельска новомодня поэзія. Пожывешъ на сели, то й побачышь... Отоди-то вже запевне довидаеся, що цикавище: чы ничъ зъ жабьячымъ кваканнемъ, чы що инче?..

МАКСЫМЪ.

А чому имъ и жабъ не слухаты? За молоду и жаба за соловейка здастця, а пидъ старистъ и соловейко не розваже. Хиба имъ прыйдетця гирко працювати за батьковими плечыма?

БОРЫСЬ.

А вы думаете, що я цилый викъ сидитому та дывытумусъ, якъ други на мене роблять?

МАКСЫМЪ.

А чому-бъ вамъ и не сидиты?

БОРЫСЬ.

Ни, це въ стыдъ було бъ мени. Я, щобъ вы знали, наважывся самотужъ спробуваты усяку тяжку роботу, наумисне за для того, щобъ на власныхъ плечахъ зважыты усю ту вагу й працю, пидъ котрою згынаетця нашъ хлиборобъ.

МАКСЫМЪ.

Далеко заіхалы! Не сылкуйтесь, шкода и заходу, не здолаете.

БОРЫСЬ.

Не покоштувавшы, не скажешъ на гирке, що воно гирке. И зновъ, якъ кажуть: піймавъ не впіймавъ, а погнатця можна.

МАКСЫМЪ.

Хиба! Воно може спершу и сцикавытця, а дали остогыдіе. Вы думаете, що то шуточки, хочъ бы й косою попомахаты циле лито? Якъ прыпече зверху й зъ середины, то й косу жбурнете геть.

БОРЫСЬ.

Побачымо!

МАКСЫМЪ.

Якъ то можно чоловикови не прызвычайному?.. (*Далеко чутно парубоцькый співъ*). Онъ, чуєте, якъ хлопци задерають? Здаетця, що у литку такъ вже воно тоби наробытця, що ажъ попухне ему тамъ въ середины, то спало бъ краще такъ ни,—якъ тильки ничъ прыйшла: выгукуе та выспивуе!... И колы воно спочыва?

БОРЫСЬ.

И я колысь оттакъ выгукуватому.

ГОРНОВЪ.

Дай Боже нашему теляти, та вовка зысты!

МАКСЫМЪ (*сміетця*).

О, бодай васъ! Такъ спершу жъ треба его впійматы, а зысты не штука!

ГОРНОВЪ.

Онъ якъ я, такъ вже чотыри роки ламаю того вовка на угонкахъ, та ни якъ за вязы не вхоплю. А отъ, якъ спроможусь скинуты зъ шыи двадцять тысячъ довгу...

МАКСЫМЪ (*ажъ крикнувъ*).

Двадцять тысячъ? Сума!

ГОРНОВЪ.

Було бильшь, це вже тильки решта.

МАКСЫМЪ.

Якъ же це вы таку сылу зачепылы!

ГОРНОВЪ.

Не я зачепывъ, а опекуны. Доки я вчывся, та въ книжочку задылявся, а опекуны мои хазяиновалы, та й дохазяиновалысь до того, що мало-мало не впекры земли зъ аукціону?

МАКСЫМЪ.

Якъ то зъ авкціону?

ГОРНОВЪ.

Стало быть, зъ молотка...

МАКСЫМЪ.

Скажи, голубчыку.

ГОРНОВЪ.

Ну, та теперъ вже мени далеко лехче; а згодомъ дасть Господь и зовсимъ выкручусь. (*До Бориса*). Отъ, братухо, якъ поїдемо завтра до мене, побачышь мою школу. Яки е розумни хлопчакы, душа радіе, дывлячысь на той роскышний первоцвить.

МАКСЫМЪ.

Вчылы й мене ззамолоду те жъ на каларнети граты, якъ ще у насъ у двори була своя капелія. Багато лозы зопсувалы на мойй шкури, смугъ, та цурупалкывъ до биса на тили позаставалось; а я таки якъ затявся однимъ лыцемъ: не хочу, та й годи!.. Та такъ и вытурылы зъ школы.

ГОРНОВЪ.

И погано зробылы, що не вывчылысь.

МАКСЫМЪ.

Невже?

ГОРНОВЪ.

Чому бъ чоловикъ не навчывся, на кларнети граты, чы якому ремеслу—воно никоы ему не зашкодыть.

МАКСЫМЪ.

У насъ добра була и пивча: спывалы не тильки такыхъ писень, а и по Тыльянскому... Ще й теперъ е де хто зъ пивчыхъ, то якъ зберутця де у беседи, за разъ и спывають... якось такъ вона н слова: „зукъ унилы харькопляны“... (*Глянувъ ненарокомъ у бикъ и побачывъ Оксану, котра, побачывши его, зупынылася на гребли и нобы прылытла до сербы*). Онъ воно що!.. (*До Бориса*). Ну, пора вже до дому, бо либоны вы комусь ынчому теперъ бильшь у прыгоди станете, нижъ мени.

БОРИСЪ.

Що вы кажете?

МАКСЫМЪ.

Та то я... Я иноди зо стару таке плету, що й самъ до купы не зберу.

ГОРНОВЪ (*спыва*).

„Ой, пора, вже пора, намъ, братця, до дому!“...

МАКСЫМЪ.

Вже й вода, мовлявъ, скоро засне. Отъ же дывчына та й до зори очей не заплюще, все ждатыме чорнобрывого.

БОРИСЪ.

Яка дывчына?

МАКСЫМЪ.

А моя старенька! Це жъ я про свою зозулечку! (*Борисъ простяга ему ру-*

ку). Отъ же я й не вмію по вашому чоломкатысь. Якъ здавлю, бува, билу та пухку ручку, то щобъ часомъ не розгнивалысь. (*Бере его руку злегенька*). Ачъ, яка выкохана! Шкода зъ такымы руками та до плута! (*До Горнова*). Що жъ и зъ вами чоломкатысь, чы якъ?

Горновъ (*протяга руку*).

А звычайно!

Максымъ.

Оця вже рука трохы на мужычу скидаецца: кистлява, та въ пухыряхъ. Ну, спасыби жъ вамъ, паныченькы, що вы не гребуете нашымъ братомъ, сыволапымъ хохломъ...

Борысь и Горновъ.

Спасыби й вамъ, що пополювали зъ нами.

Борысь.

Такъ вы, Максыме, все жъ такы не ймете мени виры?

Максымъ.

Де жъ та, панычу, вира у мене визметца, колы я ін давно выгнавъ зъ своего двору? А ну, чы не сила, бува, яка качечка на плеси? (*Кашляе*). А тась до дому, бо лысычка голову видгрызе! (*Дыгытия на Оксану*). Ачъ, яка не полохлыва!.. (*Пишовъ*). Чы я жъ ото?

Борысь.

Пидемо жъ и въ ту недилю на охоту, приходьте тилькы раниць!

Максымъ.

Може тоди, якъ старецъ зъ десятого сола вернетца?

Борысь.

Ни. до зори!..

Максымъ.

Добре, прийду! (*Борысь и Горновъ идучы на греблю спивають; имъ на зустрічъ Оксана*).

„Ой, пора, вже пора,
Намъ, братця, до дому!“..

Борысь.

Бачъ, про яку качечку Максымъ натякавъ, чы й не хытрый же дидуганъ?

Я в а 5-а.

Ти жъ и Оксана.

Оксана.

Чы не дыво? Я й чую, що балакають та ни якъ не розберу—хто и зъ кымъ. Ажъ це ось хто! (*Протяга руку Горнову*).

Горновъ.

Давненько мы зъ вами не бачылысь.

Оксана.

Хочъ бы одвидалы и не соромъ вамъ? Було заіздыте частенько, а це вже зовсимъ насъ зацуралы. Хочъ бы забиглы за кныжкамы що понадавалы, я вже ихъ вси перечытала.

Горновъ.

Ніколы було, теперъ робоча пора. Та на-що намъ вже й одвидуваты вась, колы краци видъ насъ прыхалы?

Оксана.

Вы краци зъ одного боку, а ти, що прыхалы—зъ другого.

Горновъ.

Чы не по телятко оце вы йдете?

Оксана.

По яке телятко?

Горновъ.

Та це жь у инчыхъ дивчатъ така одмовка, якъ зустринетця зъ парубкомъ, заразъ и каже: „теляты шукаю“.

Оксана.

Ни, я кого шукала, того знайшла.

Горновъ.

Тобъ-то мене?

Оксана.

Та й васъ...

Горновъ.

А кого бильшь бажалось бачыты?

Оксана.

Почнить дратуваты!.. Обохъ однаковисенько!

Борысь.

А мы оце, Оксанко, думалы до тебе зайты.

Оксана.

Мабуть? Чую, гомоняты, та й гомоняты, та все на однімъ місцеви, ще хтось почавъ и спиваты?

Горновъ.

То я пробувавъ голоса. А правда чудовый голосокъ? уси жабы замовкы и въ кушырь поховалысь, якъ зачулы... А татусь вашъ дома?

Оксана.

Ни, нема, пишы зъ вьятирамы по рыбу.

Борысь.

Це шкода! Якъ же це мы не зустріли его по течіи?

Оксана (*показуе рукою*).

Воны у той бикъ пишы. А хиба, якъ батька нема дома, то й у хату не можна зайты?

Горновъ.

У ночи? А поговиръ, а людське пащекуванне?

Оксана.

Повно вже й такъ того поговору, вже бильшь и нукуды...

Горновъ.

И вамъ це ничего?

Оксана.

Це вже моя печаль. А васъ, Владымырь Петровычъ, и пизнаты не можна: бороду запусыты та зашмалылыся, якъ цыганъ...

Горновъ.

Наважывся вже у диды-пасишныкы запысатысь! (*Чае*). Оттуды! (*Борысови*). Бачъ, я жъ тоби казавъ, що нежита зхоплю... (*Чае*).

Борысь.

Шпычка въ нись!

Горновъ.

Хай ему бись! (*Ще чае*). Ну, годи, або що! Дайте жъ, Оксанко, надывытыся на васъ! Давненько, давненько не бачылысь... Змарнылы... (*Дывытыця ій у вичи*).

Оксана.

Та годи-бо вамъ вдывлятысь, ще зглазыте! (*Сміетця*).

Горновъ.

На те Богъ давъ мени очы, щобъ закохуватысь тымъ, що красуе поглядъ.

ОКСАНА.

Це бь-то я така красуня?

ГОРНОВЪ.

А то жь и ни?

ОКСАНА.

Годи вже вамъ шуткуваты!

ГОРНОВЪ.

Туть не шутки, я маю вамъ сказаты шось тако, що и ворожка не вгадала бь.

ОКСАНА.

Цикаво!

ГОРНОВЪ.

Воно й давно вже належало бь вамъ про це довидатысь... Слухайте жь, сегодня я вже зовсимъ переконався, що Борысь у вась души не чье.

ОКСАНА (*ховае очи*).

О цего, то вже зовсимъ не слидь казаты... Можна шутковаты, а це вже... Що вони, спасыби имь, мене жалують...

БОРЫСЬ.

Тилькы жалую?

ОКСАНА.

А бильше ничего не повинно буты... и не слидь, и не до речи!..

ГОРНОВЪ (*глянувз на ставокз*).

Отъ же й справди пара качокъ прылетила! (*У бикз*). Я тутъ зайвий! (*Хутко пишовз*).

БОРЫСЬ.

Ты мене бьшь у сердце циею одповиддю.

ОКСАНА.

Колы що й розцвита у сердцеви, то нехай воно тамъ соби й заглшытця.

БОРЫСЬ.

Ни, Оксанко! не зьялю и не заглушу я въ своимъ сердцеви тией рожевой квиткы, що такъ любо и роскишно розцвита.

ОКСАНА.

Мусыть завьянуты! Не слидь хвыльннымъ поломнемъ души, котре згасно видь малого подыху витру, розжевриваты мову; не слидь вльваты у слово мымолетючий рай души, бо те слово влетьть въ ухо тий людныи, котра повинна боятьсь его, якъ смерты!..

БОРЫСЬ.

Де жь та смерть?

ОКСАНА.

Якъ де? У вашй оций мови! Жалувалы вы мене до цего часу, и я була щаслыва... Не одіймайте жь у мене вашой ласкы?

БОРЫСЬ.

Колы мы любимо одно другого?..

ОКСАНА.

Оттуть-то й горе! Не треба, не треба!

БОРЫСЬ.

Чому жь не треба?

ОКСАНА.

Вы пытаете? Ну, колы вамъ не шкода мого сердца, шматуйте его!

БОРЫСЬ.

Я не розумю твоихъ полохлывыхъ ричей! Не вже жь ты дывысса на мене, якъ на паныча—дурьсвита?!

ОКСАНА.

Знаю, що вы не дурите мене... а тилькы такъ не слидь, не приходьтця!.. Колысь ще давно сказалы вы мени одне слово,

и тоди воно страшнымъ мени здалось и не зрозумилымъ; а тепера воно здаеця мени ще страшницымъ!.. Сказали вы: я тебе люблю! Два роки боролась я зъ собою, доки здолала видсахнуты те слово видъ своєї души... Не розворушуйте жъ того ще теплого попилу, бо якъ розжевриетця—горе мени буде!

БОРЫСЬ.

И ты хочешъ сыломиць зупыныты половодде почуття?

ОКСАНА.

Зупыню!

БОРЫСЬ.

Не вирю! Хто зможе забороныты нашому коханню? Де та сыла, що зможе загардувати намъ шляхъ до щастя?

ОКСАНА.

Е сыла страшенна, не здоланна сыла!

БОРЫСЬ.

Де вона? Яка сыла? Чы... може... ты ынчого кохаешъ? Ну, тоди...

ОКСАНА (*дывитьця ему вгъ вичи*).

Панычу! Надъ умираючымъ и ворогъ во знущаетця!

БОРЫСЬ.

Просты мене, Оксанко, я може не такъ спытавъ, я...

ОКСАНА.

Охъ, на вищо жъ та сыла, мовъ муръ, стала про межъ насъ стиною високою, безкетюю глыбокою!..

БОРЫСЬ.

Що я панського роду, а ты простогъ?

ОКСАНА (*зарыдала и кынулася ему на шыю*).

Люблю, люблю, люблю!.. Губить, або мылуйте, я въ вашій воли!..

Я в а 6 - а.

Текля и Соломія (*здалеку*).

Текля (*тыжо*).

Бачышь, бачышь, якої вона грамоты вчытця! Ходимъ же мерщій и всимъ розскажемъ! А ты бижы у горныци и усе розскажи пани!.. (*Шислы*).

БОРЫСЬ (*цилуе Оксану и туле їи до серця*).

Щасте мое! Свите мій! Зоре моя! Оксанко, Богъ свидокъ, що я твій! Въ тоби одній вся моя сыла, вси задумани й закохани мон мрін!.. Ты те ясне проминне, котре освичуватыме вси мои замиры! Ты та довичня и мицна сыла, котра свижытыме и окрылятыме мон надї!..

ГОРНОВЪ (*вернувся и каже у бижъ*).

Оттакъ бы й давнищъ! (*Голосно*).
Сторожки каналськи качата и на пивторста ступенивъ не пидпустылы!..

ОКСАНА (*видсахнулася*).

Не знаю, куды заведе мене мое сердце?.. На его волю теперъ здаюсь! Я довго зъ нымъ пеклувалась, нехай же й воно теперъ догляда мене!..

БОРЫСЬ.

Я буду твоєю ненею, твоимъ поводаремъ!..

ГОРНОВЪ.

А я дывлюсь и радїю! Чого? Мабуть того, що е за для кого въ свити жыты!.. Оксано, дайте вашу руку! Борысе! (*Взявъ ихъ за руки*). Дывитьця

мени въ вичи, прыдывляйтесь пыльно, якимъ безкраймъ щастемъ вони запалалы! Пры-слухайтесь до мого серця, якъ воно чуло бьетця!.. Я щастливый, щастливый чужымъ щастемъ! Ни, не чужымъ: людське щасте—мое щасте. О, колы бѣ такі хвылыны оберталысь у часы, чоловикъ бы бувъ безсмертнымъ!..

Оксана.

Яка вы щыра душа, яка жъ щыра людына! Тилькы теперъ я довидалась. Я вже й не знаю, якъ васъ найлюбище звельчаты, хіба братикомъ? Братіку любый, братіку дорогой.

Горновъ.

Це слово святе! Такъ, стало бытъ, сестра?

Оксана.

Щыра и вирна!

Горновъ.

Заховаймо жъ, сестро, цей заповидь въ серцяхъ нашихъ глыбоко! Такъ идемо на боротьбу и працю, не зъ пидорванными силами, а зъ веселымъ посмихомъ на устахъ, зъ серцями повными святой виры и надіи?

Борысь и Оксана.

И Богъ намъ допоможе!..

З а в и с а.

Д і я 2 - а.

Черезъ тыждень пился першом.

Вулиця на сели. Зъ правого боку хата Антона Завады, дали хаты й повиткы. Смеркає.

Я в а 1 - а.

Соломія и Текля (*идуть вулицею*).

Соломія.

Не спорь, сестрычко! Вже я добре знаю, що паныча зкрутятъ! Що дня пани й панъ грызуть ему голову! „оженись, кажуть, на ривни, то мы тоби й слова у поперекъ не скажемо“. Кажуть: „беры хочъ голу й босу, тилькы щобъ не зъ простого роду“... Черезъ те панычъ, мабуть, и зъ дому поіхавъ, що обрыдлы вже вони ему своими уреканнями.

Текля.

Куды жъ панычъ поіхавъ?

Соломія.

Та до свого жъ прыятеля, до Володомыра Петровыча. Поіхавъ, та й сыдытъ тамъ.

Текля.

Та невже жъ Оксана такъ здорово засила панычеви у думкы?

Соломія.

Ще й якъ засила! Сегодня пани поклыкалы мене у спальню, зачынылы двери, щобъ нихто не пидслухавъ, та й кажуть: знайды мени на сели яку—чы знахарку, чы знахара,—щобъ що небудь поробыты Оксани таке, щобъ панычъ видъ неи видсахнувся, щобъ вона ему спротывылась. Я заразъ и подумала: побижу до Текли,

Текля мени найкращу пораду дасть. Пани раднищи дати дві сотні карбованьцівъ, щобъ тильки Оксану видлучити видъ паньча. До кого бъ мени кнутысь изъ знахаривъ, якъ ты думаешъ?

Текля.

Дві сотні карбованьцівъ? А колы паньча сподиваютьця до дому?

Соломія.

Сегодня не одинно прыіде, сегодня жъ и сподиваютьця.

Текля.

Сегодня! Дві сотні карбованьцівъ?.. Ну, скажи, голубко, чымъ та Оксана такъ уподобалася паньчеви?

Соломія.

Прямо дывына!

Текля.

Чы у него очей нема, чы що? Не-хай бы винъ за тобою впадавъ, то инча ричъ, бо ты жъ и зъ лыця краща видъ Оксаны и зъ постати!..

Соломія.

Чымсь вона его прывабыла.

Текля.

Сегодня, кажешъ, сподиваютьця паньча?..

Соломія.

Прышло пьсьмо, що сегодня прыіде.

Текля.

Чы не отой прыятель паньчивъ, Володымырь Петровычъ, и е прывидця до всего? Не даромъ винъ Оксани разъ-у-разъ кнужкы прывозе, га?

Соломія.

Якъ тильки прыздытъ до нашихъ паньвъ, то першъ до Оксаны заіде, а потимъ вже до панивъ. А иноди до панивъ зовсимъ не заіздытъ, а тильки до Оксаны.

Текля.

Такъ двисти карбованьцівъ пани дасть?

Соломія.

Але я забалакалась зъ тобою, а мени треба бигты на зустричъ паньчеви, на той шляхъ, що зъ Тытовой йде, черезъ млакы. Пани звелилы бигты туды и дожидаты, ажъ докы не іхатыме. „Якъ, каже, побачышъ, що іде, то й гукай, щобъ поспишавъ до дому, кажи, що я недужа?“ Боитця пани, щобъ винъ не заіхавъ до Оксаны. У насъ теперь гости—Басюрыха зъ дочкою. Лыбонъ, стари паны мадыкують оженыты паньча на Басюривни? Прощай! (*Побигла*).

Текля.

Що жъ-бы таке вчыныты, щобъ паньчъ видсахнувся видъ Оксаны? Така жъ репана мугырка якъ и я та хоче збытысь панею, ачъ куды потетюрылась!.. Ни, цего не повинно буты. Розбира мене злисть на неи!.. Чы не видимського вона кодла? Певно зиллемъ паньча прычарувала?.. Бо що въ ній хорошего? Та ій до мене, якъ курци до павы!.. Прямо—горытъ мое+серце на неи, не доведы Господы, якъ горытъ!.. Пани дасть дві сотні карбованьцівъ, щобъ паньча видъ Оксаны видсахнуты!.. Що жъ-бы таке поробыты Оксаны? А що, якъ я пидведу таку машину, що Оксану парубкы покрываютъ на смитныку, щобъ вона не свитыла косою!.. Оце найкраще буде!.. Антонъ все зробе, що ему загадаю! Колы коха, нехай и робе по моому. Скажу ему, щобъ намовывъ парубкивъ на Оксану...

Я в а 2-а.

ОКСАНА (*выйшла з хаты и, постеригшы Теклю, гука*).

Здрастуй, Текле!

Текля.

Здрастуйте—не застуйте! Спасыби, що прывиталысь, докы ще не зовсімъ запышалысь!

ОКСАНА.

Гниваеся на мене, чы що?

Текля.

Ба ни! А хочъ бы й гнивалась, то вамъ яка печаль?

ОКСАНА.

А я вже скучыла за дивчатымы и оце думала на вулицю питы!

Текля.

Справди? Ну, спасыби вамъ, що хочъ разъ на рикъ и про насъ простыхъ згадалы!

ОКСАНА.

Не часто я буваю на вулицы, це правда, бо работы, сестрычко, багато на моихъ рукахъ. Сама жъ знаешъ, що и хозяйствечко у насъ, слава Господеви; а я одна у батька, якъ палець—и въ хаты, и въ подвирри сама... А сегодня такы чогось мени скучно стало!

Текля.

Стало быть, вже въ волю и начыталыся и напысалыся?

ОКСАНА.

Зъ якои це речи ты мени выкаешъ? Титка я тоби, чы дядына? (*Смітця*).

Текля.

А якъ же я могу казаты вамъ „ты“, колы вы барышня?

ОКСАНА.

Неподобне выгадуешъ. Лыхо зъ тобою.

Текля.

Зоставайтесь здоровеньки, ваше высокомордіе!

ОКСАНА.

Та ну-бо, не дурій, Текле! Чого це вона такъ люте проты мене?.. Лютуй соби скильки хочешъ, байдуже мени!.. (*Прыклада долоню надъ очыма, дывытця у подовжъ села*). Нема и сегодня, не выдко, не іде. Сказавъ: „у середу вернусъ“, а вже и четверъ, и пятаинка мынула, сегодня вже й неділя, а его нема!.. Шість день нема его!... Дивно и нибы ажъ страшно!.. Николю жъ ще не траплялось такъ, щобъ якъ сказавъ, що тоди-то прыбуду, та щобъ не додержавъ слова. Яка жъ прыгода трапылась? (*Зитхае*). Щось зо мною діетця, то й не зрозумію? Мовъ манія яка, мовъ шаленна хожу и не могу зупынытыся ни на жодній думци: мовъ курява круте вси думкы на вкругы головы!.. Тыснутця думкы въ голову якисъ все не знаеми, не зрозуміли!.. Може винъ злякався свого коханпя? Самъ признався, а потимъ злякався!.. (*Помовчала*). Ни, я догадуюсь, це лукавый побратымъ, Володомыръ Петровычъ, вытворя таке: зупыня Борыса, щобъ мене подратуваты; завизъ его до себе, та й не пуска. Винъ не зна, яка то страшенна отрута закоханному серцеви, колы его хочъ на хвыльну одурять! А колы бъ винъ довидався, яки иноди страшенни думкы посідають бидну голову, який темный острахъ обгортае душу,—не зважывся бъ винъ у друге шутковаты зъ закоханнымъ серцемъ!.. (*Задумалась, а дали усмихаецця*). Яки мы дурни закохани дивчаты, яки мы божевильні!.. Та ось хочъ бы й я:

сама, доброхить и наумисне полохаю свое сердце. Не бачыла жъ я Борыса два роки, якъ винъ ще вчывся у Кыиви, то жъ два роки, не шить день!.. Два роки не бачыла его и не страждала, а теперь, колы винъ мій, колы я власнымы устами вымовыла передъ нымъ свою душу, власнымы рукамы виддала ему свое сердце—сумую!.. И справди, яки мы дурни закохани дивчата! (*Задумалась*). Чы я така заздритна у коханни, чы ревныва? Чого жъ першъ николы й на думку мѣни не спадало его ревнуваты, а теперь я нибы хочу, щобъ винъ неодризно сыдивъ поручъ зо мною, хочу вдвлятысь въ его любви очи, слухаты его палку мову! (*Замовкла*). Якъ рыбонька весело хлюпошетця у свижий водыци, такъ и я колысь кохалась у своихъ мрїяхъ, николы не загадуючы, що дали буде, и ни якои надїи, ни якого незбутнего бажання не виховувала я въ свойй души; а теперь ти бажання не наче зкаламутылись и ажъ заклекотили?.. Що ихъ внесло въ мою душу, що ихъ навїяло? (*За лапштунками застукотили колеса*). Борысь?! (*Схопылася и вдвляється у темряву*). Винъ, винъ! Ондечкы винъ їде и побратымъ лукавый зъ нымъ. Охъ, сердце жъ мое, яке ты щаслыве! (*Кыва головою и нибы кланяється и тыхо промовля*). Пора, пора вамъ показаты свои ясни очи!.. Ага, и вы скучылы? Що то поручъ зъ нымъ сыдыть за людына? Пани якась, чы панна!.. Хто жъ вона? Але винъ обмынае нашу вулицю!.. Завжды їздывъ нашою вулицею, а теперь другою поїхавъ!.. Винъ не дывытця сюды!.. (*Гука*). Борысь Дмытровычъ! (*Побигла, потимъ вернулась*). Поїхавъ! Це щось дывне!

Я в а 3-я.

Входьтъ Гордїй.

Гордїй.

Добрый вечеръ вамъ, барышня! Поз-

вольте для новаго знакомства вамъ рекумендувать меня. (*Простяга руку*).

Оксана (*у бикъ*).

Поїхавъ и не глянувь!.. (*Подает руку*). Зъ якои жъ речи ты мене барышнею звелычавъ?

Гордїй.

А какъ же ыначе, когда вы пукеть изъ белыхъ розъ? (*У бикъ*). И штобъ етакую красотку можна було отвергать?.. Вдывтельно! (*Голосно*). А вы мене позналы? Гордей Мыкытовычъ!

Оксана.

Торикъ, здаетця, бачыла я тебе въ городи. (*У бикъ*). Що то за панна зъ нымъ?

Гордїй.

То есть, позаторекъ, такъ ето вѣрная ваша правда. Ну, одначе я выдоу, што вы все жъ такы не забыли мене!

Оксана.

Памъятаю! (*У бикъ*). И не глянувь и не привитався!..

Гордїй.

Можна присисты?

Оксана.

Сидай, колы маешъ зайвый часъ. (*Сидаютъ*).

Гордїй (*у бикъ*).

И такую красоту, штобъ проминять на какую нбыудь другую? (*До неи*). Я все мое времня, даже занятое, готовъ одпысать у расходъ, потому, какъ значыть, теперь усе мое чувствїе на лыце!..

Оксана.

Яке чувствїе?

Гордій.

А то, што какъ только увидивъ и страждаю, какъ рекрутъ на часахъ.

Оксана.

Ты про Катрю кажешъ? Чула я, що ты и сватавъ...

Гордій.

Тутъ вже не Катря, а другая лыходейка-злодейка! Катря, ето була моя глупая обшыбка!.. Позвольте вамъ объяснить, Оксанія, по батюшки, звенить на томъ, не впомню, но впрочемъ кажеться, безошыбочно, што Антоновна?

Оксана.

На вищо: „Антоновна?“ Эъ малку звавъ мене Оксаною, такъ и теперь звы...

Гордій.

Невозможно, потому што не авантажно и не культурно!.. Когда я исчо бувъ не воспытаной, тогда и понятие мое було мужыцкое!

Оксана.

А теперь ты запанивъ, чы якъ?

Гордій.

Разви не видно мово воспытанія?

Оксана.

На вищо мени ты оце все кажешъ?.. Морочышь мене!..

Гордій.

Оксанія Антоновна! Позвольте вамъ объявить опись моихъ стражданій: што теперь вже другой мой предметъ, а не Катря; што я чесно слово, и въ мысляхъ не имивъ, штобъ какой двушмышленной шкандалъ, чы какъ... Какъ увидивъ сышчасъ васъ и такъ себя теперь понимаю,

што согласенъ помереть и пуцай меня покладуть у розовой гробочокъ и на кладбыще одвезуть.

Жысть калейка,
Когда въ любви лыходейка
Абъ мине такъ понимаетъ,
Што эъ свита зжываесть!

Понятно вамъ, какая ето мука безответная любовь?!

Оксана.

Не второпаю я тебе! Чого тоби?... У мене голова дуже болыть...

Гордій.

Какъ не болить голови? Ето верная ваша правда! Тутъ увесь корпусъ заболить!..

Оксана.

Нибы щось палке и чуле говорышь, тилькы мова твоя якась хымерна?..

Гордій.

Што жъ, когда я не вмю говорыть по простому, по мужыцкому? Разви вы не можете понимать образованого разговору?

Оксана.

Того, що ты говорышь я не розумю.

Гордій.

Вотъ, когда мени горко, дакъ горко, што вы не можете понять мене... Одначе, позвольте поднести вамъ для времяпровождения канхветовъ? (*Дае канхветы*).

Оксана.

Я не жадна на ласочи.

Гордій.

Кушайте, наслаждайтесь, сколько влиз... сколько завгодно. Какъ я теперыча, зна-

чуть, на собственномъ жалуванні, дакъ етотъ супрызъ намъ пустякъ, и я каждой день готовъ зъ моимъ вдовольствіемъ на всяки сладки вещи!.. Кушайте, кушайте... Ну, только подумайте объ моемъ несчастію!

Оксана.

Адже ты бачывъ, то панычъ поіхавъ заразъ вулицею?

Гордій.

Ничаво я не выдавъ! Я свиту Божого не выдю! Ну, выдю только свое горе! И што только я горости терплю пры своемъ совокупномъ разужасномъ чувствіи, дакъ ето даже вдывытельно! Позвольте вамъ подарыть кольцо залатое?

Оксана.

Зъ якои речи?

Гордій.

Такъ значыть вы безъ никотораго вниманія понимаете объ мине?.. Ни канхветовъ не хочете кушать, ни подарка золотого не берете, за што жъ такая вжасная тыранія? Забросаю жъ я ето кольцо, когда такъ, въ Дунай быстру риду!.. Пущай погыбаеъ тры съ полтыною! Мине теперъ до такого иронія доходить, што пущай други какъ хотять объ васъ понимаютъ, ну, я, когда на то идетъ, готовъ въ огонь и въ воду!..

Оксана (*у бикъ*).

Шо винъ такъ плете? (*Встае*).

Гордій.

Я слышалъ сыпчасъ отъ одной деревенской барышни, какъ объ васъ никотори люде скверно понимаютъ, што готовы бросыть васъ на безславіе и все прочее... Ну, одначе, хоча мы и не зъ дворапъ, а на такой пассажъ, штобъ имить у

своихъ мысляхъ такое вальварское понятіе—не согласни!..

Оксана.

Кажы-бо товкомъ, щобъ я тебе хочъ зрозумила!

Гордій.

Разви вамъ исчо не объяснялы?

Оксана.

Шо таке?

Гордій.

Уся тепера деревня гаворыть, што гаворыть, нашъ панычъ женыця на какойсь памещыцькой барышни, такъ вотъ какая симпатія!

Оксана.

Шо-о? Ты пьяный, чы?.. Видъ кого ты це чувъ? (*Схотылася*).

Я в а 4-а.

Ти жъ и Текля.

Текля.

Видъ кого? Дивно! Усе вже село гвалтуе, невже ты не чула?.. И не бузувирь! Звивъ тебе сердешну зъ ума, а теперъ сватае вже другу!.. Я, якъ почувла це, ажъ заплакала!.. Знаешъ що, бижы ты заразъ прямо въ горныци и мовъ кишка скажена кынся ему въ вичи!..

Оксана.

Та вы це умовылысь мене драгувати, чы серце мое вамъ здалось на выграшку, чы жылы зъ мене хочете тягты? Одынъ плете якусь нисенитныцю, друга сычыть якъ гадына!..

Гордій.

Ну одначе, до свиданія! Я пры етакихъ беседахъ не намирень присут-

ственно быть. Но когда заспокоитесь, Оксана... такъ вспомнить, што есть одынь такой человекъ у вашимъ предмети, што въ огонь и въ воду!.. (*Пишовъ, граючы на гармоніи и тыженько подспивуючы*):

Я всю Хранцію объездылъ,
Не найшовъ своей мылой,
И въ Расею возвратывся,
Не заставъ ее живой!..

ОКСАНА.

Текле! Кажы правду, шо ты чула про паныча?

ТЕКЛЯ.

Оце тебе, Оксанко, Богъ карае, щобъ не чарувала паныча, щобъ не ходыла до схидъ сонця по непочату воду, щобъ не носыла у пазуси любыстку и всякого зилля!..

ОКСАНА (*нетерпљиво*).

Це все я, я таке коила?.. Ну, добре, нехай я... Такъ, я видьма, я чакливыця?.. Яка жъ мени кара за це?

ТЕКЛЯ.

А така, шо панычъ Борысь посватывся на панночци, на Басюрышынній дочци!

ОКСАНА.

Ха, ха, ха! Це ты все нарочыто? Ну, ну, шо жъ дали?

ТЕКЛЯ.

Регочешъ? Такъ знай же, шо панычъ ще позавчера посватывся. Завтра й до виньця ідуть! Не вирышь? Ходимъ заразъ до горныць, сама побачышь. Тамъ вже такой бенкетъ иде!.. (*Тягне ии*).

ОКСАНА.

Ходимъ!.. Ходимъ, нехай я своимы очыма побачу... Очамъ не повірю, одно

тыльки сердце!.. (*Идутъ. Тилькы шо видійшылы видъ хаты, якъ зъ за тыну набига юрба парубкивъ и заступамъ дорогу*). Це шо таке?

ТЕКЛЯ.

Якъ шо? Це жъ тебе заразъ звинчають!

Я в а 5 - а.

ПАРУБКЫ (*хапають Оксану*).

Годи тобі, красуле, дивуваты!

ОКСАНА.

Пустишь, пустишь мене!

ТЕКЛЯ.

Затулить мерщій ій рота, щобъ не гвалтувала... (*Парубкы завязують ій рота. Текля зныкае*).

1-й ПАРУБОКЪ.

А въ кого той очипокъ, шо на смитныку знайшылы, давай его сюды! Давайте мерщій мазныцю, вымажемо ій голову, щобъ не свитыла косою.

2-й ПАРУБОКЪ.

На, осьдечкы! (*Подае на пальцы забрудненый очипокъ*).

1-й ПАРУБОКЪ.

Мерщій несить мазныцю! (*Наважаетця надить на Оксану очипокъ, вона кусае вму руки*). А, ты ще й кусаеся? Ахъ ты жъ чортова нехлюя, хвойда всеевитня! Де мій нижь? Я ій заразъ видчекрыжу косу, по саму рыпыцю!.. (*Выйма зъ кешени ножа*). Спывайте, братця, весильнон!.. (*Парубкы спывають, регочучы*).

„Свадьба иде,
Ракъ у дудку дме,
Черепаха сваха,
Бузынова дудка“...

ОКСАНА (*зирвала хустку зъ рота и не своимъ голосомъ галаснула*).

Гвалть! Рятуйте, хто въ Бога вируе! Братники, толубчыкы, Бога вы не боитеся?!

1-й ПАРУБОКЪ.

Що жъ це мазныци й досы не несутъ?

Я в а 6 - а.

Степань, Охримъ и ще парубны биять вулицею.

СТЕПАНЬ.

А хто тутъ гвалтуе?

1-й ПАРУБОКЪ (*регоче*).

А осьдечкы паню хочемо покриты, такъ пручаетця, бисова тинь!

СТЕПАНЬ (*пизнавъ Оксану*).

Катюгы! За що вы знущаетесь надъ дивкою?

1-й ПАРУБОКЪ.

Не знущаемось, а хочемо честь ий воздаты по заслуги!

СТЕПАНЬ.

Геть, ыроды! (*Выхоплюе у першого парубка ножа*). Черева вамъ распанахаю! Охрине! Гей, братци, дайте помочи! (*Степанъ тимъ часомъ выхопывъ зъ тыну килка*). Геть, бузовиры, собаки! Головы розчавчу!..

ОХРИМЪ (*зъ килкомъ*).

Ребра перетрошу!

1-й ПАРУБОКЪ.

Ну, ну, не дуже! Мы и васъ зкрутимо!

СТЕПАНЬ.

Мене зкрутите? Ахъ, вы блазнюкы, щенята шолудиви! (*Борюкаютця*).

ОХРИМЪ.

Ще той на свить не народывся, щобъ мене зкрутивъ? (*Беркецнувъ одного до долу, а потимъ и другого*).

ОКСАНА (*вырвавшись бижыть до своей хаты, але не добигшы, пада зомлила*).

СТЕПАНЬ.

Ходимъ, катюгы, до старшыны!

ОХРИМЪ.

Анахтемы! Въ холодну васъ! Пьянюгы чортови! (*Вси гвалтуючы пишы селомъ*).

Текля (*пидходе до Оксаны*).

Ага, зомлила?.. Ой, що це у неи иде кровъ зъ рота? Невже прыбылы, бороны Боже ще и дуба дасть? Щось рыпнуло дверыма! (*Побачившы Заваду, втикла*).

Я в а 7 - а.

ЗАВАДА (*вийшовъ зъ хаты, позиха*).

Що воно неначе щось гвалтувало? Чы то може мени зъ просоння такъ показалося? Де жъ це Оксана? Отъ того вже я не вхвалывъ, щобъ у ночи тынятыся по городахъ, та по садкахъ! Сыдила бъ соби у подвирри и любисенько... Що це паныча Борыса такъ довго нема, кудысь поихавъ, та и загостювався, а Оксана безъ него неначе сама не своя... Колы бъ, бороны Боже, вона не закохалася. Треба бъ зъ нею про це побалакаты... Побалакаты?.. Та хто его зна, якъ его и балакаты? (*Гука*). Оксано! Оксано! Ни,

не чуть! (*Иде и натыкаецця на Оксану*). Шо це лежить? (*Прядывляецця*). Оксана?!

ОКСАНА (*шепоче*).

Охъ, не знущайтеса жъ надо мною!

ЗАВАДА (*пидводе и*).

Господь зъ тобою, моя дытно! Кто жъ надъ тобою знущаетця? Та шо це зъ тобою? Ты вся закрывавылась!..

ОКСАНА (*озыраецця*).

Бачте, яка правда на свити!

ЗАВАДА.

Шо таке, доню?

ОКСАНА.

Посватавса, а мене бьютъ!.. Я ще жыва... Мою душу, мое сердце взяли и кынули ворогамъ на поталу...

ЗАВАДА.

Шо-бо ты, доню, говорышь?

ОКСАНА.

Очипокъ на мене надилы, покрылы... и косу одризалы... голова моя въ смоли!..

ЗАВАДА.

Якый очипокъ?.. И коса твоя цила!.. Богъ зъ тобою! Чы це ты у снi, чы збожевилила?

ОКСАНА.

Я покрытка!..

ЗАВАДА (*зъ жахомъ*).

Покрытка?! Такъ ты осоромыла мою сиду голову?!

ОКСАНА.

Осоромыла?!.. Покрытка я, покрытка!..

ЗАВАДА.

Зтыла ты мою голову, живцемъ поклала мене въ домовыну! Спасыби, донечко! Спасыби моя утихо, моя порадыце... Одячыла за хлибъ за силь и за науку! (*Оксана кыдаецця до него*). Геть видъ мене, гадыно!..

ОКСАНА (*не розуміючы*).

Гадына?.. За шо вы мене взычаєте?

ЗАВАДА.

А шо жъ, хвалыты мени тебе, чы якъ? Клады жъ мене мерщій у домовыну, копай задалегидь яму!

ОКСАНА.

Посватавса, посватавса! Згубывъ мене... Я вже не жыва, я въ домовыни... (*Крычить*). Выймить, выймить мене зъ домовыны, страшно тутъ, темно!.. (*Ухотылась за груди и зомлила*).

ЗАВАДА.

Боже мій! Шо жъ це зъ нею? Зомлила! (*Несе и въ хату*). Охъ горенько, горенько! Видкиля жъ ты несподиване зъявылося на мою голову?.. (*Понисъ и въ хату*).

Я в а 8-а.

Гордїй (*засмученый выходе и зупынився посередъ шляху*).

Есть пѣсня, у которой гаворытця: што гаворыть... визьмы въ ручку пидсталеу, разстрельны ты грудь мою!.. И какъ вжасно много мучительной горосты у етой самой пѣсни, какъ будто вона зъ мого стражданія описаніе! Оксанія Антоновна, какъ будто и въ резонъ не взяла мово чувства?.. И невжели жъ я должонъ быть погыбнутой чалавекъ? На какомъ основанїи?.. Ахъ, какъ вжасно мое сердце горыть! (*Помовчавъ*). Скольки я етаво

мамзельского товару не выдавъ у городи, ну кажетця такъ, што не одна исчо не завдавала моему сердцю такой тоскы-муки? Пущай у городи барышни и свою хвынозюю имеютъ въ красывомъ содержаніи, пущай будетъ въ настоящомъ хвасони и ихъ воспытаніе какуратное; и пущай вони и на речахъ бойки... Ну, тольки нѣтъ у нихъ етого самого вдывительного взгляду, одъ которого сердце кыпять!.. Тятенька говорылы, што за Оксанію Антоновною и прыданое **довжно быть какуратное и денежной капиталъ**... Ну какъ же не страждать? Што Оксанія мало воспытана, такъ ето мы поправымъ!.. А вотъ што кальца золотого не прыняла, такъ значыть: аминь и шабашь!.. (*Задумався*). Тамъ, чы була у неи кака камерція зъ паньчомъ, чы не була, такъ ето пустякъ вниманія, мы у городи до етого безобразія прыравнодушылись. Главно дило денежной капиталъ. Чалавекъ безъ капиталы, што швецъ безъ колодокъ, чалавекъ зъ капиталомъ всегда иментъ настоящий свой тыпъ у хорошей канпаніи. Аженився бъ соби, сышчасъ бы встругнувъ майстерську, взялъ бы подмастерна, двоухъ малчыковъ, кватырю на большой вулицы и жывы въ своемъ авантажи, какъ порадошной гаспадынь! Бульваръ тутъ, гостынныци, канпанія зъ воспытанными людмы и получай благородное образованіе: на бильярти, у картъ, у кегли, кахвешантанъ... За пустякомъ все дѣло: капиталъ денежной надо иметь! Ахъ, какъ я страждаю, какъ я страждаю!..

Я в а 9 - а.

Степанъ (*иде вулицею, дуже згертований, постеригъ Гордія и зупинився*).

Хто це стовбычыть?

Гордій.

Свой чалавекъ! А ты обхадной, чы какъ?

Степанъ (*идийшовъ*).

Чого ты тутъ тыняеся?

Гордій.

А ежели у меня есть такой капрызь, што я не намѣрѣнь усякому объяснять?

Степанъ.

Вже ничъ давно, а ты вештаеся?

Гордій.

А хочъ бы й свить, тоби що?

Степанъ.

Ты бачывъ, яка тутъ була веремія?

Гордій.

Ничаво я не выдавъ и не хочу выдать!

Степанъ.

Онъ яки ыроды повылуплювзлись!

Гордій.

Ето ты про паньча? Да, неприятной шкандаль! Но ето случаетця не тольки въ деревни, а и въ городи. Тольки ето овсимъ не такъ надобно було, треба було хоть денежное награжденіе.

Степанъ.

А я думаю, що треба бъ було усимъ въязы поскручувать!

Гордій.

Каки въязы?

Степанъ.

А по твоему жъ якъ?

Гордій.

Кажетця, што мы розмынулись у понятіяхъ? Я гавару, што денежнымъ копыталомъ усяки такн дила можна зама-

затъ... А какъ мени вона нравытця... нравытця такъ, што хочъ сышчасъ въ Дунай быстру рику сторчъ головою...

СТЕПАНЪ.

Та що ты верзешъ?

ГОРДІЙ.

Гаварать, котри люде есть зъ понятіемъ, такъ гаварать, што гаварать: лехче чалавеку на души, какъ вонъ другимъ объ сваѣхъ печаляхъ объявять. Значыть, какъ теперь выходыть такой предметъ, што, значыть, Оксанія Антоновна въ любви получыла ремызъ, дакъ какъ ты думаешъ, я черезъ егое самое возлюбывъ ии и страждаю безатветно-чыжало!..

СТЕПАНЪ.

Ничого не второпаю, що ты мелешъ?

ГОРДІЙ.

Выновать я, што ты такой безпоятлывой? Ну, я по простому скажу тобі, што я хочу сватать Оксану.

СТЕПАНЪ.

Що-о? Ты хочешъ ии свататы?!

ГОРДІЙ.

Отчево жъ нѣтъ? Разви я такой непристойной, чы безъавантажной?.. Ежели панычъ теперь отказався.

СТЕПАНЪ.

Ты хочешъ ии свататы? Та ты зъ роду дурный, чы оце свижо скрутився?

ГОРДІЙ.

Какъ вона, значыть, була полюбовныця панычева.

СТЕПАНЪ (*вызвирывся*).

Полюбовныця? Анахтемо! Замовчы, бо тутъ тебе й чортяка злыжо!

ГОРДІЙ.

Што жъ ты крычышь, што ты командуешъ?

СТЕПАНЪ.

Якъ ты посмивъ сказаты на дивку таке гыдке слово? Та чы тямышь, що таке для дивкы честь? А. де тобі знаты! Колы ты у городи звыкъ хвоськаты своимъ нечестывымъ языкомъ, то тутъ не до речи твои городянськи норовы!..

ГОРДІЙ.

Дакъ я ничаво не пойму? Ежели жъ теперь уси гаварать?

СТЕПАНЪ (*дражнючи*).

„Гаварать, гаварать!“ чортова ты гаварака! (*Тыка его пальцемъ у лобъ*). А о тутъ у тебе, у цій тыкви, клочче, чы пире?

ГОРДІЙ.

Нѣтъ, кажысь, я пры своемъ понятіи!

СТЕПАНЪ.

Брехня, не вирь соби! Тебе, мабуть, ще зъ малку обикрадено! Колы бъ у тебе свій розумъ бувъ, то ты бъ першъ розмиркувавъ, що яка то мусыть быты страшенна врази, колы людыну чысту якъ скло, взычають лыхимъ словомъ?

ГОРДІЙ.

Такъ значыть, ето олынъ тольки скверной разговоръ?

СТЕПАНЪ.

Я жъ кажу, що тебе дурнемъ охрестылы! Тьфу! (*Плюнувъ и пишовъ*).

ГОРДІЙ.

Што жъ ты тьфукаешъ, за што ты ругаешся? Отъ такъ хороший фельетонъ!

(*Степанъ зайшовъ вже далеко*). И я тобі скажу: тьфу! Важна особа!

СТЕПАНЪ (*вернувся*).

Ты-бо слухай, Гордію, що я тобі ще скажу!..

ГОРДІЙ (*одступає з лякомъ*).

Та то я плюнувъ у шутки!

СТЕПАНЪ.

Ты, мабуть, справди кручений? Я тобі скажу, послухай мого совиту: не бий ты даремно чобить, бо тильки підметки почовгаешь!

ГОРДІЙ.

Ну, у меня бакфорты на тройной подошви.

СТЕПАНЪ.

И языка зацепны на петельку, бо оддубасю такъ, шо ажъ пирье зъ тебе сыпатыметця!

Я в а 10 - а.

ЗАВАДА (*засмучений*).

Не знаю по яку бабку й кинутьсь? До пьсаря хіба пити, якъ що винъ ще й дома! И що таке зъ нею подіялося, ни якъ не розберу?

СТЕПАНЪ (*підійшовъ до него*).

Добры-вечиръ, дядьку!

ЗАВАДА.

Це ты, Степане?

СТЕПАНЪ.

Куды це вы налагодылись иты?

ЗАВАДА.

Охъ, хочъ и не пытай, сынашу! У мене у господи таке лихо зкоилося, а зъ чого воно?..

СТЕПАНЪ.

Я все знаю... ходимо, я вамъ доро- гою роскажу! (*Пшилы*).

ГОРДІЙ (*провисши изъ очима*).

Одначе за што вонъ двечи обьявивъ меня дуракомъ? Ну, сколько живу, кажьсь, ништо исчо изъ товаришывъ не обозначавъ мене дуракомъ прямо у глаза!.. Сказано, какъ мужыкъ, дакъ и ни кото- рого воспытанія! А я тобі скажу, што самъ ты дуракъ двоухъэтажный, вотъ што! (*Пшиовъ*).

Я в а 11 - а.

Текля и Гордію.

Текля (*оглядаючысь*).

Ходыла до горниць, шепнула Соло- мии про Оксану, щобъ сказала пани про мою послугу. Пани дасть мини дви сотни карбованцьивъ!.. Я не знаю що й робы- тьму зъ такими гришмы, я й переличы- ты ихъ не зумію? А ну, що то теперь зъ Оксаною діетця: чы одійшла вона, чы захворила?.. (*Загляда у викну*). Ни- чого не выдко. свитло горить и нибы никого нема въ хати!.. Ни, ондечкы Окса- на на вколюшкахъ стоить, Богу мольтця... А слезы, якъ градъ котятця!.. Та невже жъ вона такъ коха паньча?.. О, встае!.. Иде зъ хаты. (*Ховається*).

ГОРДІЙ (*підкрався до Текли*).

Здрастуйте, барышня!

ТЕКЛЯ.

Охъ, якъ же вы мене злякалы!

ГОРДІЙ.

Чаво жъ пужатця? Я не зверь дыкой какой! По какимъ такимъ диламъ?

ТЕКЛЯ.

А вы?

Гордїй.

Я по своимъ унутреннымъ... А вы навѣрно какогось кавалера ыскалы!

Текля.

Якого? Вы може натякаете, на котрого зъ нашихъ свинопасивъ?

Гордїй.

Будто вамъ не одынъ зъ вашихъ кавалеровъ не ндравытця?

Текля.

Хай вони уси хочъ и заразъ повыздыхають!

Гордїй.

Одначе жъ я слыхаль, што вы зъ Ахремомъ любовь крутылы?

Текля.

Бачъ, бачъ! Я жъ кажу, що я усимъ кисткою въ горлянци засила! Господы, Господы, здаеця никого не зачепашъ, никому не заважаешъ!..

Гордїй.

Полно печали-тоскы, не стоить на ето внимать никоторого обращенія.... Такъ кого жъ вы ыскалы?

Текля (*сорожно*).

Ще й пытають?!

Гордїй.

Неужели меня?

Текля.

Догадайтесь! Якъ прїхалы вы въ село, якъ побачыла я васъ... Ни, не хочу казаты, бо мени стыдно!.. А для чого бъ я васъ передъ усима выхваляла?.. Отъ, кажу, парубокъ, настоящий кавалеръ, не нашимъ замазурамъ ривня?

Гордїй.

Такъ неужто я вамъ индравлюсь?

Текля.

У него, кажу, и поглядъ соколыный, и хода молодецька, и хватка, и речи его улесльви та прыятни!.. Коль чую, вы задумалы посылаты старостивъ до Катри... Якъ почувла я це, то мало-мало не зомлила!..

Гордїй.

Ахъ, не досадуите вы меня Катрею! Какъ вона есть глупая, такъ я больше не дуракъ и ето просто була моя глупая обшыбка.

Текля.

Знайшлы кого свататы! У неи разъ-у-разъ зъ рота слына котытця, а на плечахъ та на стегнахъ оттаки чырякы; вона зъ чырякивъ николы не выгоуетця?

Гордїй.

Будто? Вотъ такъ категорія! Ну, благодарю вамъ, што вы мени глазы одкрылы! Позвольте предложыть вамъ канхветовъ?

Текля.

Ни, спасыби! (*Бере*).

Гордїй.

Возьмитъ, возьмитъ исчо. (*Текля бере*). Ето намъ не вбытокъ.

Текля.

Люде, якъ спизнають, що я беру видъ васъ гостыньци, що скажуть?

Гордїй.

А што жъ вони? Вони ничаво не магутъ.

Текля.

„Не магутъ“? Та якъ тильки дивляютьця, що я васъ люблю!.. Охъ, що жъ оце я сказала?

Гордій.

Повторить! Сдилайте исчо разъ репетицію етимъ довольно прыятнымъ сценамъ...

Текля (*закрываетя рукавомъ*).

Охъ, соромъ же який!

Гордій.

Никоторого сорому! Когда такъ, то позвольте васъ спросить: какое у васъ прыданое?

Текля.

Яке прыдане! Насъ дви у батька. Я та меньча сестра, Мокрына. А мы люде заможни...

Гордій.

Дастъ вашъ папаша пятьсотъ рублей? Або на худой конецъ чотыреста?.. Нынче главна статя, штобъ свою майстерську!.. Ежели дастъ хочъ трыста пятьдесять и въ тотъ сикундъ я уже у васъ улюбленъ!

Текля.

Я знаю одне тильки, що у мене своихъ буде пивтораста карбованьцивъ, барыня подарують.

Гордій.

Не можеть быть? Ей-Богу, я въ васъ уже улюбленъ! Позвольте вамъ подарыть кальцё залатое!

Текля.

Не хочу, не хочу! Ни за що на свити!

Гордій.

Какъ же вы можете дѣлать такой равнодушный отбой улюбленному чалавеку? Гавару вамъ, што я вже страждаю объ васъ и што сердце мое кыпытъ и пузырентъ, какъ настояща шевська смола на вогни!..

Текля.

Охъ, якъ же вы палко, та хорошо говорыте! (*Змыляетя до его груди*).

Гордій.

Вамъ индравлютця мои речи? Я васъ тоже воспытаю, Текля... какъ васъ по батушки, звыныть на томъ, не впомню?

Текля.

Свырыдивна.

Гордій.

Свырыдя, значыть, буде по благородному: Спырыдоній? Текля Спырыдонивна! возьмите кальцё залатое, бо какъ не возьмете, забросаю его въ Дунай-быстру рику, пушай погыбаить тры съ палтыною!

Текля.

Я жъ стыдаюсь! Надиньте его сами на мій палець! (*Гордій надивъ*).

Гордій.

Теперь позвольте васъ неравнодушно рощилувать, какъ собственноручную невесту!

Текля.

Охъ, який стыдъ! Не хочу, не хочу! (*Гордій цилуе и*). Що-бо вы робыте?

Гордій.

Не скисняйтесь, потому што это отъ вжасного, не равнодушного чувствія!

Текля (*цилуе его*).

Охъ, шо жъ це я зробыла? Я й цилуватыся до ладу не вмю!..

Гордй.

Одначо вашъ поцилуй сладкой, какъ карамель!

Текля.

Це я уперше на своимъ вику цилую парубка!.. Цытьте, цытьте!.. Щось гомонить, чуєте? Ходимо, ходимо мерщй звидцы!

Гордй.

Ну, я вамъ теперыча объясню, што я васъ зперначалу должно быть не розглядивъ, кака вы ость красотка!.. Но теперъ выдю, што вы, какъ настояща хватаграфія, масляными красками спысана, чесно слово! Толькы бь хочъ 300 рублевъ пры васъ авантажу и сишчасъ провзойдетъ между намы по закону церковной процессы!.. (*Пшлы*).

Я в а 12 - а.

Завада и пысарь.

Пысарь.

Шкода, шо це трапылось не на молодыку. А свячена вода о въ васъ?

Завада.

А якъ же? Я для бджиль держу, ще позаторишню!

Пысарь.

Це ще краще. Тутъ вся сыла, щобъ свячена вода и вискъ зъ страшною свичкы; а вже касательно останнего, то все мы побачымо у цій кныжци. У цій кныжци про весь мыръ спысано и вздовжъ и впоперекъ и я, якъ гляну у цю кныжку, то бачу увесь мыръ, якъ на своей долони... А ну, подождить, глянемо на

небесни свитыла и движеніе соотвиственное таковымъ. (*Прыклада руку до лоба и дывытця на зори*). Одна, друга, третя у купи... шість зверху, одна ясна зъ боку, одна захмарена зъ исподу... (*Щось шепче и сплелуе на бикъ трычи*). О, бачыте, ондечкы одна покотылася... Ага, леты-леты поподали видциля... Котысь котысь, не докотысь, перекотысь, зупынысь... Одъ молитвенной, рожденной, хрещеноной... тьфу, тьфу, тьфу!.. (*Знову шепоче*). Ну, о теперъ ходимъ, може й допоможе. (*Идутъ и зновъ зупынылыся*). Памъятайте, мылостывый государю мій, шо якъ увйдемю у сины, то мерщй заприть двери, а главне—каглу затулить, щобъ не втыснулся за намы той, шо не въ ночи згадуваты! (*Пшлы*).

Я в а 13 - а.

Выходыть Степань.

Степань.

Не вирю я, щобъ панычъ насміявся надъ Оксаною! Двичи вже я ходывъ до горныць, пытавъ де-кого зъ двирьскыхъ, чы посватався панычъ? Все кажуть: „здаецця, посватався“... Здаецця... Та хто жъ мени правду скаже? Ну, посватався, такъ посватався! Нихто тоби не боронить жённытыся на кому хочешъ, тилькы першъ выправъ передъ людмы ту, зъ котрою кохався, видсахны видъ неи лыху славу!.. Не вже жъ нихто не сказавъ ему про те, шо зконлося зъ Оксаною? Я жъ прохавъ де-кого сказаты, а найпаче Соломію прохавъ и вона запевняла мене, шо скаже заразъ панычеви... Чого жъ винъ не йде провидаты Оксану? Невже винъ насміявся надъ Оксаню и стоптавъ ии честь? Ни, ни!.. А якъ?.. Страшно й подуматы!.. Бильшь двоухъ рокивъ я про паныча слова лыхого никому не дававъ вымовыты, бакы всимъ забывавъ, а теперъ?! Шо жъ

теперь? За вищо бь паньчъ насміявся надь дивкою?.. Мана якась, страшенна мана!.. Пиду ще до панського двору и якъ той звірь тынятымусь, докы не підстережу кого такого, що всю мени правду выявить... И колы, бороны Боже,

паньчъ выненъ передь Оксаною, то... То я вже й не знаю, що выйде зь наших розмовы!.. (*Пишовъ*).

З а в и с а.

Д і я 3 - я.

На другый день, у досвита.

Велька кимната у панськимъ будынку.

Я в а 1 - а.

Соломія и друга дивчына (*несуть видъ столу до дверей посуду и пляшкы*).

Соломія.

И я може не меньчъ тебе хочу спаты, а якъ треба товктысь, то й товчусь... Що свитае вже, такъ щожь? Выспымось и въ день: не щѡ-дня бенкеты, поспіемъ видпочыты!.. (*Соломія однесла посуду и вертаеця*). Ну, заварылы наши паны кашу!.. Бидного паньча зовсимъ заморочылы. Спершу посадовылы его у картъ граты, щѡбъ не урвавъ часу, та не провидавъ Оксаны, а дали такъ підпонлы его, що ледве дійшовъ до лажка и якъ снийъ звалывся.. Чогось Степанъ приходывъ, такый зьеретованый, прохавъ, щѡбъ я выкыкала паньча; якъ глянула я на него, та ажъ затремтила... Може у него що лыхе на думци?.. Що тамъ парубкы зрѡбылы зь Оксаною? Якъ тилькы упораюсь, побижу та развдаю.

Я в а 2 - а.

Текля и Соломія.

Текля.

Соломіе, де пани?

Соломія.

На вищо тоби?

Текля.

Я підвела парубкывъ, щѡбъ Оксану на смитныку звинчало: ій надылы на голову за мисьць очипка постиль, смолою косу вымазало и пирьемъ обсыпало; а ворота дегтемъ вымазало...

Соломія.

Ой, Текле, на вищо жь ты оце наколола?

Текля.

Де пани? Нехай мени дають гроши?

Соломія.

Яки гроши, за вищо?

Текля.

Тоби дамъ пивсотни, а соби визьму пивторы сотни!..

Соломія.

Що це ты торочышь, про яки гроши?

Текля.

Хиба жь не ты казала, що пани дасть ажъ дви сотни?

Соломія.

Такъ то жъ знахарови, або знахарци,
а тоби за що?

Текля.

Якъ?!

Я в а 3-я.

Т и ж ь и Степань.

Степань.

Де паньчъ?

Соломія.

Паньчъ вже спыть...

Степань.

Спыть?

Текля (*у бикъ*).

Якый винь страшный!.. Утекты мер-
щій. (*Зныка*).

Степань (*до Соломіи*).

Розбуди паньча!

Соломія.

Та хйба жъ я смію це зробыты?

Степань.

Невже не можна? Скажы мени прав-
ду: посватався паньчъ?

Соломія.

Ни!

Степань.

Ты правду кажешъ?

Соломія.

А чого бъ я мала брехаты?

Степань.

Слава Господеви, ще не все дійшло
до краю, ще е надія!.. (*Хутко пи-
шова*).

Соломія.

Що це зъ нымъ?.. Якъ по правди ска-
заты, то я й сама не розберу, чы вже
засватався паньчъ, чы ни? Щось бала-
калы-балакалы, стара Басюрыха все пид-
сидала до паньча; потимъ паньчъ сы-
дивъ довго поручъ зъ барышнею, щось
розмовлялы, реготалы... Потимъ пылы
выно за вечерю и гукалы: „вуря!“.

Я в а 4-а.

Входыть Оксана.

Соломія (*углядчила їи*).

Оксано, ты?

Оксана.

Цыть! Скажы мени, Соломіе, е у тебе
у сердцеви Богъ?

Соломія.

Я, ей-Богу, сестрычко, я...

Оксана.

Я тебе пытаю: е у тебе у сердцеви
Богъ? Чы здіймалысь колы-небудь твои
груды пидъ вагою невымовного смутку?
Чы зъявлялысь колы-небудь слезы у тво-
ихъ очахъ?..

Соломія.

Я... я... не камьяна!

Оксана (*ухопывши їи руки*).

Не камьяна? Ты правду кажешъ?

Соломія.

Хочъ и запрысягы!..

Оксана.

Скажы мени, якъ передъ Богомъ: по-
сватався паньчъ?

Соломія.

Не знаю, не втямлю, сестрычко!...
Достомитно довидатысь не можна. Не

розберу я панських заручинъ. У насъ, якъ посватають, заразъ молодыхъ на рушникъ становлять, молоді кланяютця образамъ, батькови й матери; а въ панивъ мабуть не такъ?

Оксана.

Выкличь мени паныча!

Соломія.

Винь, сестричко, пьяный, спыть!..

Оксана.

Пьяный? Ты мене обдурюешь?..

Соломія.

Ей-Богу, ни! Тамъ такой пьяный, що й на ногахъ не встоявъ!.. Може его нарочыто напоили?

Оксана (*похытнулась*).

„Пьяный!“ „Напоили!“.. И це сама-стайня людына! Остання надія захмарюетця и згаса!.. Проведи мене до него... Мій жаль его розбудыть, мое горе его вытверезыть!..

Соломія.

Пострывай! Може я его й розбуркаю... Тильки, сестричко, иды зъ горныць, тамъ у садку пидожды, знаешь, бесидку?.. Бо якъ пани постереже тебе, лыхо буде,— вона ще не спыть!

Я в а 5 - а.

Входыть Наталья Семеновна.

Наталья Семеновна (*побачыла Оксану*).

Ты?

Соломія.

Що жъ це буде? (*Зныкае*).

Оксана.

Я!.. Не полохайтесь! Це не манія моя, а я, живисенька... Не полохайтесь и мене не лякайте, бо не злякаете!..

Наталья Семеновна.

Якъ ты носмила ввійты?

Оксана.

Не крычить, соби тильки сорому наробыте, а мени однаково... Двери не заперти, я и ввійшла. Пани! Не зъ пожемь въ руци я прийшла до васъ и не зъ докорамы, а принесла вамъ свое сердце, щобъ вы его добылы!.. Жывуче скажене, ни якъ сама его не здолаю!..

Наталья Семеновна.

Я не душогубка!

Оксана.

„Не душогубка?“... Чому жъ у васъ такой страшный поглядъ? Чула я, правда, видъ людей, що бува й такъ: „поглядъ вовчий, а душа янгольська“... Прымустье жъ вашу душу, щобъ вона хочъ на хвылыну засяла у вашимъ погляди и може та мала хвылына надасть мени сылы й одвагы... Я смилыво йшла до васъ, а теперь острахъ даве мою душу и сковуе мои уста... Хочъ одну жъ искру жалю у погляди... молю васъ!..

Наталья Семеновна (*тыхше*).

Чого тобі треба? Чого ты хочешъ видъ мене?

Оксана.

Чого я хочу? Ха-ха-ха! Чого я хочу? И це пытае маты, его маты?! И справди, чого я хочу? Я, мабуть, зовсимъ вже збожевилила?.. Вы колысь казали мени, якъ ще я була пры васъ за горнышну...

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

О! я що дня проклянаю той часъ и годину!..

ОКСАНА.

Чудно! А тоди мени здавалося, що вы сами тишылысь, дывлячысь, якъ панычъ залыцявся до мене? Тоди вамъ це здавалось за выграшку, чы може въ очахъ вашихъ жыла тоди ваша янгольска душа?..

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Я не встероглася, яку гадыну въ пазуси зогрила!..

ОКСАНА (*не слухаю*).

Вы якось росказували мени, що вы й сами не зъ гысокого колина, що й вашъ отецъ бувъ простый мужыкъ-мищаньнъ, що вчывъ винъ васъ на мидни гроши; а на решти прыйшлося вамъ павувать... Чого жъ теперь вы такъ пышаецесь? Але, стрывайте, що це я плету?.. Чы воно до речи?.. Я не те зовсімъ хотила сказаты... (*Подумала*). Що жъ таке я хотила сказаты?.. Що жъ таке? Хиба те, що вашъ сынъ любывъ мене, що вашого сына и я любила?

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

А теперь мынулося!

ОКСАНА.

„Мынулося?“ Справди: „мынулося?“ А я наважылася була у однимъ слови вымовыты передъ вами всю мою душу, всю мою печаль... Хотила сказаты таке слово, у котрымъ вы побачылы бѣ, якъ у чыстий прозорій води, вси мои муки, вси раны мого сердца!.. „Мынулося!“... И вы такъ спокойно и тоди сказаты бѣ „мынулося“, колы бѣ побачылы у труни своего едного сына?.. А я вже лежу въ труни, а мое сердце—его сердце, а моя душа—его душа, а мое жытте—его жытте!.. Винъ

померъ за для мене, и я вже не жыва... И все жъ такы, а ни ыскоркы жалю у вашихъ очахъ?.. Пани! Я кохала вашого сына!.. У его кохання я кохала увесь мыръ Божый!.. Винъ бувъ моею думкою, моею молитвою, моимъ свитомъ!.. Однялы у мене его... Однялы не душогубы, а люде зъ янгольскою душею!.. Охъ, страшно жъ мени, страшно! Серце мое: чы е ты въ грудяхъ, чы нема—я не чую тебе!..

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Мени жаль тебе, Оксана!

ОКСАНА.

„Жаль?“ Вамъ жаль мене, вамъ жаль?!. А!.. Не треба, не треба мени вашого жалю! Ни, ни!.. Я васъ зобидыла, я не те сказала, я васъ зневажыла?.. Пробачте мени!.. Скажить, скажить, промовте ще разъ те живуче слово: „мени жаль тебе!“.. Вмирай, сердце!.. Слипнить мои очи, глухнить мои вуха!.. Це не матерына мова!..

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Иды соби зъ Богомъ... пора вже тоби, не въ пору ты... (*Хочетъ йти*).

ОКСАНА.

Правда ваша! Я вже надто забарылася...

НАТАЛЬЯ СЕМЕНОВНА.

Ну, то иды жъ соби!..

ОКСАНА.

Стрывайте! Кажуть, що я чарувала паныча?—Правда!.. Кажуть, що я видемського кодла?.. Охъ, яка правда! Кажуть, що я хотила буты павею, дворянкою?.. Отъ за це, то вже й самъ панычъ прысягне, що правда!.. Бачте... я все це вамъ кажу и не червоню, щобъ вы за певне знали, шо й справди нема у мене стыда, а ни крихоты... шо я вже така

непутяща зародылася, така хвойда, що й соромъ не ість мени очей!.. (*Хапаетця однією рукою за одвирокъ, другою за голову*).

Наталья Семеновна.

Ты ледве на ногахъ стоишь?

Оксана.

Ничого, осылю себе!..

Наталья Семеновна.

Присядь, Оксано, спочынь!

Оксана.

Де жъ такы я сяду передъ панею?.. Мы до цего не привычаени. (*Помовчала трохы*). Бачте, вже й одійшла. Жывуча я, якъ гадына!.. (*Здійма зъ пальця перстень*). Це его, панычивъ перстень. Хотила жбурнути въ воду та пошкодувала, що золотый. Натє!... Принесла вамъ все ваше добро... (*Поклала перстень на стілз*). Ото жъ всіен розмовы, ото жъ и всіен порады! (*Иде до дверей*).

Наталья Семеновна.

Стрывай, Оксано!

Оксана (*зупынилась*).

Пора жъ и честь знаты! Сами мене выгонылы, а теперъ зупыняете, на вищо?

Наталья Семеновна.

Я хочу тоби видячыты за те, що ты безъ гвалту и огласу, розвьязала моему сынови руки.

Оксана.

Якъ видячыты? Хиба вы ще не видячылы?

Наталья Семеновна (*выйма хутко зъ шухляды гроши*).

Це тоби на прыдане!

Оксана (*зъ призиствомъ*).

Що-о? Дякуйте, пани що вы его маты! Виддайте ци гроши на подзвинне, та на церкву, щобъ що-дня выймалы часточку „за здравіе“ вашои янгольськои души!.. Пани, пани! Не въ кожного й душоуба здійметця рука на умираючого, а вы... вы выняли зъ моихъ грудей сердце и, сміючысь, краите его на моихъ очахъ на шматкы!.. Не Богъ вамъ, пани, душу давъ, не маты васъ породила! (*Пишла*).

Наталья Семеновна (*зпершу не мовз остовпынила, а дали прожогомъ кынулась*).

Оксано, верньсь! (*Одбига одъ дверей*). Що це я роблю, чы я не збожевила?.. Щобъ я згодылась на неривный шлюбъ?.. Ни, ни, не погублю я свои дытны!.. О, чомъ ты, Оксано, неривня моему сынови?!.. Яка щыра, яка чула душа!.. На що ты, Оксано, въ крепацтви зародылася?.. Жаль мени тебе, а сына ще бильше жаль!.. Ни, ни! не невистка ты мени!..

Я в а б - а.

Скільки хвилынь нема никого на кону. Розвядняетця, проминне сонця пробываецця у вишна. Згодомъ входять: Горновъ и Максымъ.

Горновъ.

Невже тутъ вси ще сплять? Побачытысь-бы зъ Борысомъ, та й до дому ршуть. (*До Максима*). Такъ выходить, мы зъ вами у цини зійшылысь?

Максымъ.

Де жъ, мовлявъ, не зійшылысь: я ще й рота не вспивъ роззявыты, а вы вже й цину поклалы, та що й яку, мовлявъ, цину! Але жъ глядять, чы не помылылысь вы, бо я швецъ такый, що тилькы пидъ

завязь умію чоботы шыты, а вамъ може треба городняньскаго?

Горновъ.

Ба ни, мени такого й треба до школы..

Максымъ.

Теперь вже повелоса такъ, що шыють чоботы на дви колодки та ще й на шпылькахъ; а я все на дратви, пидъ завязь. Отъ, що вже дратву, то на вдаху чы хто высуче проты мене?

Горновъ.

Я хочу щобъ мои школяри зпершу навчылися шыты прости чоботы, а тамъ вже, котрому зкортыть городськихъ чобитъ, то нехай самъ добера способу, якъ ихъ змайструвати.

Максымъ.

Еге! Нехай вже, мовлявъ, само домадыкуеця!.. Я ще мавъ дещыцю вамъ сказати, та тилькы не знаю зъ якого боку й початы? Ще якъ скажете: „отъ старый, почавъ вже выгадувати?“..

Горновъ.

Що жъ таке?

Максымъ.

А те, що я ще зъ роду-вику не бурлакувавъ, а оце, мовлявъ, вже нибы прыходитця покыдаты стару... Тамъ такого репету наробе, що не тилькы въ хати, а й у пидвирри, мовлявъ, буде тисно...

Горновъ.

Чому жъ не взяты й бабу зъ собою?

Максымъ.

Чы й справди? (*Зрадывъ*). Вона у мене, Владимиръ Петровичъ, така що й хвылыны безъ дила не сыдытyme. Тамъ така працювати, що й сказать!.. (*Смѣт-*

ця). А якъ работы нема, то зо мною сарытця, а вже безъ дила не всыдыть!..

Горновъ.

Знайдемо и ій дило... А за цину певно не будемъ торгуватись?

Максымъ.

Та яка вже цина беззубій?

Горновъ.

Часомъ беззубый краще зубатого.

Максымъ.

Та воно такъ... Оце вже вы мене зовсимъ, мовлявъ, якъ на свить народылы!.. А то, якъ сказалы мени про цину, а я зъ опалу погнався за гришмы та й про бабу забудь. Оце жъ и чудесно! У хату свою впустиу Матвія, тутъ у насъ е такый бидолаха зъ двирськихъ, безземельныхъ, що дитей, мовлявъ, повнисенькый зачипокъ, а хаты дасть Богъ... Нехай соби живе, та хлибъ жуе, та двору догляда...

Я в а 7 - а.

Ти жъ и Борысь.

Горновъ.

Ну, ты й спышь! Я вже зъ города двадцять верстовъ пробигъ, а ты...

Борысь.

У мене голова страхъ якъ болыть!.. О, я й не бачу. (*Чоломкаетця зъ Максымомъ*). Що жъ, договорылысь?

Максымъ (*усмихаеця*).

Вже, мовлявъ, и печать прыклады.

Горновъ (*дывлячысь на годинникъ*).

Ого-го, пора іхаты!..

Борысь.

Чого хапаеця? Поснидавъ бы...

Горновъ.

Скільки ще въ тебе тієї панськон пыхы, якъ подивлюсь я на тебе! Безъ спиданку, або безъ кохвію, не можна гостя видпустыты; и хочъ бы тому гостеву дила було, якъ кажуть, по завязку, а винъ сыды, та жды того кохвію... У мене тамъ дило кыпытъ: я купывъ оце у городи молотылку и заразъ треба установыты ии... Ну, у васъ гарни порядки! Прихавъ: уси паны й слугы сплять, двери видчынени, хочъ забирай усе на возы, та й возы, куды хочешъ...

Борысь.

Мы свитомъ тилькы полягали.

Горновъ.

Що це въ тебе таки червони очи?

Борысь.

Пьяный бувъ.

Горновъ.

Зъ якого побыту?

Борысь.

Тадже жъ учора бувъ день нарождения батька.

Горновъ *(тихо)*.

О, а я й не знавъ!.. Стало быть, ты до Оксаны и не навидувася?

Борысь *(засоромився)*.

Нн!..

Горновъ.

Отъ такъ молодець!

Борысь.

Та якось такъ воно вышло, що я й не розберусь!.. Але я черезъ годыну, або черезъ пивторы...

Я ва 9-а.

Ти жъ и Соломія.

Соломія.

Паничу, пожалуйтє, васъ маменька клечуть. *(Голосъ за дверыма: „Боря!“)*.

Борысь *(гука)*.

Я заразъ!.. *(До Горнова)*. Пидожды мене. *(Пишовъ)*.

Горновъ.

А йдите сюды на хвалыну, Соломіе!..

Соломія.

Не хочу, бо вы заразъ почнетє роспитуваль, а мене заказано мольчать, отъ Ей-Богу, што правда! *(Голосъ за дверыма „Соломіе“!)*. Ось заразъ! *(Побигла)*.

Горновъ.

Лыбонь, щось тутъ зативають?

Максымъ *(тимъ часомъ роздывлявъ патреты, що висять на стинахъ)*.

Владымыръ Петровычъ, що воно ото царя чы онорэлы?

Горновъ.

Хиба жъ де-котри зъ ныхъ вамъ никого не прыгадують? Це жъ Борысивъ батько, а це дидь, а той третій: генераль Суворовъ.

Максымъ.

Бачте, я такы вгадавъ, що онорэлы!

Горновъ.

Одынъ же тилькы генераль... А батько Борысивъ копытань; а дидь, то хто его зна?.. Це, бачте, на нему старосвितський

мыльціонный козакынъ! Доки цей дидокъ ще не бувъ у службы, то прозывався Ворона, а якъ здобувъ мыльціонного чыну, то ставъ уже прозыватись Вороновъ, стало быть, прычепывъ хвостыка до своего призывща...

Максымъ.

А оти. жыночи парсуны, то чьи вонь?

Горновъ.

Це жъ маты Борысова, а це ін маты, стало быть, бабка Борысова, по матери.

Максымъ.

Такъ, такъ, вона, вона!.. Оце, лыбовъ, пиде дванадцятый, чы трынадцятый рикъ, якъ померла. Проста була людыва, зовсимъ проста... Царство тоби небесне, старушечко!..

Горновъ.

Вона жъ и вынянчыла Борыса; винъ завжди згадуе про неи зъ великою пошанабою.

Максымъ.

Правда, правда, все було зъ нымъ нянчытця. Конешне, доброго чоловіка усяке добромъ помъяне. Ахъ ты старушечко!.. Пиду лагодытись у дорогу, доки вы тутъ... (*Зновъ до картыны*). Ну, старушечко, прощай!

Горновъ.

Я не забарюсь тутъ.

Максымъ.

И мене не прийдетця вамъ чекаты. (*Выйшовъ*).

Горновъ.

Якъ-то Борысъ зъ своимы старымы уладнае дило, про Оксану, мабутъ, сегодня буде розмова... Казавъ, що не хоче вже звоникатись... Молоде ще хлопья, мянке. Не

обмынуты ему сваркы та ще й великой!.. Стрывай, чы я взявъ запасни пидчипныкы? (*Дывытця у паперы*). Я жъ, лыбовъ, веливъ покласты? Ни, осьдечкы е. (*Чытае*). Олеонавту два пуда, бычевы трыдцать пять фунтивъ, станъ колись воровыхъ, чотыри...

Я в а 9-а.

Входять Борысъ, дуже встревоженный.

Борысъ.

Оказія, брате! Чуешъ, маты запевня мене, що нибы-то вчора, будучы пиднылымъ, я обьяснився передъ Басюривною...

Горновъ.

Удравъ штуку! Котра жъ то Басюрина?

Борысъ.

Ты познакомыся зъ нею ще на тимъ тыжневи: бияленька, таки великы очи...

Горновъ.

Великы очи? Не прыгадаю!..

Борысъ.

Ну, якъ попавъ я вчора на домашній банкетъ, вси вже гости были, якъ кажуть, на взводи; батько й маты почалы прымушуваты мене, щобъ и я выпывъ: „який ты, кажуть, мущына, що не хочешъ выпыть?“.. Я й уризавъ и такы здорово... Може зъ пьяныхъ очей и справди пагородывъ панны нисенитныци, якиххъ харькивъ-макогонькивъ?...

Горновъ (*узавъ картуза*).

Одначе мени николы. Adio mio caro!..

Борысъ.

Побачывся бъ зъ моимы старымы, а то розгниваютця. И вчора ты и въ хату

не плюнувь; а сегодня заіхавъ въ хату и не поздоровкався...

Горновъ.

Воны жъ кажутъ, що я хамъ; а видь хама якои имъ звычайности?

Борысь.

А, не терплю я, якъ чоловікъ на себе почне плескаты!..

Горновъ.

Та я жъ чувъ не разъ своїмы власнымы вухамы... Стривай, стривай!.. Чы не ото Басюривна, котрій я колысь радывъ у куколь гратысь?

Борысь.

Та вона жъ, вона.

Горновъ.

Маты ии те жъ хамомъ мене звелычала! (*Сміється*). А терпкою я здався ий кыльцею: вже вона пробувала кусаты мене зъ усихъ бокивъ, та тилькы оскомыну набыла!..

Борысь.

Бо ты такы обомъ имъ—и матери и дочки, наливъ тоди цилисенькый ворохъ чепухы!.. Матери радывъ, щобъ нагуляты аппетыту,—полоты городыну; а дочки сказавъ, що вона уміе тилькы воду въ ступи товкты.

Горновъ.

Сказавъ правду! То жъ не люде, а якись куклы!

Борысь.

Але все жъ такы казаты и у вичи панночци?..

Горновъ.

Що жъ ты вдіешъ зо мною, колы въ мене така натура.

Борысь.

И батько мій на тебе розгнивався.

Горновъ.

Знаю, знаю!.. Черезъ те жъ я и не вчацаю до него, якъ тебе дома нема. Винъ те жъ колысь шпыгонувъ мене по панськи. Мени треба було тутъ побалакаты зъ однимъ чоловічкомъ. Я и сказавъ ему: позволте мени, Дмитрій Мыколаевычъ, прынять у вашій кимнати одного мого знакомого... „Кто жъ этотъ вашъ знакомый?“ спытавъ. Вашъ, кажу, временно-обязанный, Прохоръ!.. „Для такихъ, каже, вашихъ знакомыхъ у меня есть канюшня!“.. Чудакъ старый!.. Ну, слухай. Ты жъ теперь тверезый, то гляды, не напыйся знову и не забувай, що тоби сегодня треба де-куды навидатысь.

Борысь (*зъ серцемъ*).

А, не нагадуй мени! Симъ день я ий очей не навернувь, симъ день—свынство!..

Горновъ.

Свынство, та ще и патентоване. Я оце забиху туды, та заспокою. Сказаты, що ты сегодня будешъ?

Борысь.

Звычайно, неодминно буду, черезъ пивъ годыны. Колы бъ тилькы гости швыдчъ убралысь. А я сегодня зъ своїмы старымы доведу дило до кыпця, такъ якъ казавъ тоби, такъ и зроблю.

Горновъ.

И Басюрыха ще тутъ?

Борысь.

Тутъ.

Горновъ.

Ну, такихъ гостей наврядъ чы скоро здыхаеся. Гляды, стережысь, не пый вже сегодня.

Борысь.

А, не нагадуй мени, протывно!

Горновъ.

Ага! „не лубышь?“ Заспокойся, друже. Кто зъ молодыхъ людей не впывався на своимъ вику? Пый, кажутъ, та ума не пропый!

Я в а 10-а.

Входить Дмитрій Мыколаевычъ.

Вороновъ (*не подае руки Горнову*).

Вы ужъ успѣли изъ города вернуться?

Горновъ.

Якъ бачыте!

Вороновъ.

Вчера въ городъ, сегодня обратно? Вотъ какой вы рьяный дѣлецъ!.. Намъ за вами не угоняться. Изволили вчера подкатить къ крыльцу, точно къ гостинницѣ, или къ заѣзжому двору, и не только не удостоили насъ чести личнымъ присутствіемъ, но даже и заочнымъ поздравленіемъ?

Горновъ.

Сердешне прошу пробачыты мени. Вирьте, що колыбъ я знавъ, що учора такой бувъ дорогой для васъ день, я не обмынувъ бы вашои хаты. Якъ глянувъ, що у васъ гостей повно, а я у простій одежи, и подумавъ: ще скажутъ, що наумысне такъ зодягся, щобъ зневажить...

Вороновъ.

Да, да, понятно!.. Либералы, либералы!..

Горновъ.

Про кого це вы кажете?

Вороновъ (*ставъ протывъ него*).

Скажите, того-того, правда ли, что вы подарили вашимъ бывшимъ крестьянамъ дополнительный платежъ?

Горновъ.

Справжня правда?

Вороновъ.

Либерально, очень либерально и гуманно!.. (*Знову хODE*). Ссуду какую-то тоже у себя изволили открыть!

Горновъ.

Открывъ.

Вороновъ.

Гуманно, очень гуманно! Ну, а я того, того не открою! Слышите-ли? Я не открою!

Горновъ.

Чую, чую! Я не глухой! Вы не открываете?

Вороновъ.

Да-съ, не открою! И школа тамъ у васъ?

Горновъ.

И школа тамъ у мене.

Вороновъ.

Но для чего все это, я васъ спрашиваю, для чего?..

Горновъ.

А вы не знаете?

Вороновъ.

Знаю-съ, очень хорошо знаю-съ, отлично знаю-съ!..

Горновъ.

Ну, а колы мы обое знаемо, то для чого жъ вы пытаете? Хйба щобъ перелываты изъ пустого въ порожне?

Вороновъ.

А затѣмъ-съ, что вы подобными поступками развращаете мнѣ сына!

Горновъ.

То вы не велите ему водытись зо мною. Пошлите его хочъ до Басюрныхъ у навуку, тамъ винъ навчтыця у куколъ гратысь.

Вороновъ.

Что-сь? Вы забываетесь, милостивый государь!

Горновъ.

Що це на васъ нашло?

Борысь.

Я слушаю и только удивляюсь всему тому, что вы, папа, изволите говорить: васъ эти два года такъ измѣнили, что я, право, не узнаю!..

Вороновъ.

Помолчи, дружокъ, съ тобой я послѣ поговорю.

Борысь.

Тошно даже слушать! (*Пишооз у свою кимнату*).

Вороновъ.

Что? Какъ? Видите?.. Это все ваше вліяньє!.. Онъ у меня прежде не смѣлъ этакъ разговаривать!

Горновъ.

Колы? Тоди, якъ ще бувъ малымъ?

Вороновъ.

Нѣтъ-съ, всегда!

Горновъ.

Та винъ же два роки пидъ рядъ не бувъ дома, а два роки для молодон людныи це не малый часть!..

Вороновъ (*ходыть по кимнати*).

Да вы философъ! У васъ вѣдь на все готовъ отвѣтъ...

Горновъ.

Мени здаеця, що й у кожного чоловіка розумъ завжды повышенъ буты на сторожи.

Вороновъ (*передразнює*).

„Здаеця!“ Философъ, философъ! И если я васъ спрошу зачѣмъ вы говорите со мною по малорусски, у васъ также найдется отвѣтъ?

Горновъ.

А звычайно.

Вороновъ.

Любопытно-сь?

Горновъ.

Мени лехче говорыты по малорусски, — во первыхъ черезъ те, що я разъ-у-разъ маю дило зъ простымъ народомъ, зъ мужыкомъ, и одвыкъ якось видъ російской мовы; а вдруге и черезъ те, що знаю, що й вы цю мову розуміете. Краще балакаты гарно по украиньски, нижь погано по російски... Е багато й такихъ людей, котри знаютъ пять-шисть фразъ по французьки и вдають зъ себе французивъ, такъ я жъ не зъ тии компаніи.

Вороновъ.

Однако жъ вы читаете русскія книги?

Горновъ.

Чытаю и дуже люблю російску литературу. Я чытаю и нимецьки книги и французьки, навить, и латыньски. Але жъ чытаты и говорыты це дви речи зовсимъ рижни, якъ полякы кажутъ: *to cos innego!*

Вороновъ.

Вѣдь я и самъ малороссъ, а говорю съ вами по русски.

Горновъ.

Ото жъ я й кажу, що знаю, що вы добрѣ розуміете по украинськи, що колысь и сами розмовлялы... А теперъ не злюблы, чы що? Дайте жъ волю и мени, може згодомъ и я залышу цю мову.

Вороновъ.

Это одно только ломань!..

Горновъ.

Якъ хочете, такъ и думайте! Вы, Дмитрій Миколаевичъ, маєте видносныны зъ мужыкомъ черезъ трете лыце—черезъ прыкащывъ, черезъ экономивъ; а я вношусь зъ нымъ непосредственно, якъ кажуть: самъ панъ, самъ и прыкащывъ!.. Вы про межъ панамы разъ-у-разъ, а я вештаюсь про межъ мужыкамы, стало быть, тутъ дило навыку; а прывычка друга прырода. Отъ, якъ бы наша розмова прыняла характеръ надто спеціальный, ну, тоди и я може спасувавъ бы и перейшовъ на россійску балачку... А докы мы перекидаемъ словамы, збываючы тилькы пину въ роти...

Вороновъ.

Но вѣдь вы, полагаю, будете слушать?

Горновъ.

Ни.

Вороновъ.

Могутъ же дворяне избрать васъ въ какую-либо должность?

Горновъ.

Чы выберутъ, чы не выберутъ—на вищо намъ задалегидь обь цему мирку-

ваты? Ця наша балачка прыгадуе пословицю: „на губи вже жыто, а въ головы ще й не орано“.

Вороновъ.

Что-съ? Но вѣдь вы дворянинъ, а ведете себя не по дворянски.

Горновъ.

Якъ то не по дворянськи?

Вороновъ.

Вы ведете себя не по дворянски.

Горновъ.

Якъ хто розуміе людське поводженне. Я чоловікъ робочый, не мотыга, не пьяныця, не роспутныкъ... Осъ чого я пыльную; а на якисъ тамъ примхы: наплювать!...

Вороновъ.

Какъ наплевать? На кого наплевать? Вы дерзки, милостивый государь!.. Справедлива пословица, что яблочко отъ яблоньки не далеко откатится. Знаете-ли, милостивый государь, кто былъ вашъ отецъ?

Горновъ.

Вы хотите натякнуты на те, що я зъ мужычого роду? Що мій отецъ, изъ солдативъ дослужився до полковничого чыну и здобувъ дворянство? Натякайте, натякайте, я видъ цего не почервоню. Николы я не одречусь видъ своего роду. У мене ще й досы е живи дядькы по батькови: одынъ простой гречкосій, другый солдатъ, и я нымы не гордую.

Вороновъ.

Правду говорятъ, что...

Горновъ.

Що зъ хама николы не буде пана? Я й не лизу въ паны.

Вороновъ.

Нѣтъ-съ, лезете! Вы у меня бываете, вы... (*Неначе щось прыгадавъ, забигавъ по хати*). Да-съ, того, того... Знаете ли, что я вамъ могу посовѣтывать?

Горновъ.

Розумный совѣтъ прѣйму зъ подякою.

Вороновъ.

Зъ подякой? Вотъ что-съ. Вы займитесь сочиненіемъ прожектовъ, знаете, этакого либеральнаго свойства...

Горновъ.

Вы не туды, добродію, заіхали! Соchnняйте вже вы таки прожекты, вамъ и книги въ руки; а я за такую раду й спасыби вамъ не скажу. Соромъ вамъ, Дмитрій Мыколаевичу, що вы, въ моимъ звычайнимъ поведженіи зъ людьмы, хочете вбачыты якусь провину передъ цилымъ сословіемъ, жбуряете болотомъ въ мое честне дило?..

Вороновъ.

Такъ ваше дѣло честное?

Горновъ.

Хочъ передъ Богомъ!

Вороновъ.

А я думаю, что напротивъ.

Горновъ.

Ни! И вы также точнисенько думаете, тилькы боитесь розумови сказаты те, що думае ваша душа.

Вороновъ.

Никогда!

Горновъ.

А я вамъ кажу, що именно такъ!

Вороновъ.

Вы начинаете трунить надо мной?

Горновъ.

И на думци цего не маю.

Вороновъ.

Вы... очень дерзки!

Горновъ.

Схаменитця!

Вороновъ.

Вы... Вы!..

Горновъ.

Хамъ? Це вже я чувъ не разъ видъ васъ. Позвольте жъ и мени на розлученни сказаты вамъ одну пословицю: насміялася верша зъ болота, оглянулася ажъ и сама въ болоти!“

Вороновъ.

Какъ?

Горновъ.

Ворона зробылась Ворономъ.

Вороновъ.

Что-съ? (*Входитъ Борысъ*). Я, милостивый государь, съ вами болѣе не знакомъ!

Горновъ.

Якъ вамъ завгодно!

Вороновъ.

Да-съ! Слышите-ли, не знакомъ! (*Пишовъ*). Чтобы нога ваша больше не была въ моемъ домѣ... Этакій... Либераль... новаторъ! (*Побигъ*).

Борысъ.

Що це зъ нымъ? Зъ якого це дыва вы збылы такую бучу?

Горновъ.

Ты жъ прохавъ, щобъ я попрощався зъ твоими старыми? Отъ вже зъ батькомъ попрощався?

Борысь.

Та що це зъ нымъ вчынылося?

Горновъ.

А Богъ зъ нымъ. Прощай! Призды жъ до мене... А може батько вже не пусте?.. Мене, звычайно, не прыкажутъ допускаты до вашои персоны.

Борысь.

Бо-зна що выгадуешъ! Я догадуюсь: це, чы не Басюрыха нацькувала его на тебе?

Горновъ.

Може. Але жъ молодому чоловікови, колы винъ блукае ще думкамы и видсахнетця сегодня видъ того, чымъ вчора закохувався,—якъ що я постережу, що то въ нему зъявляецця власный процесъ змышлення,—я могу выбачыты; ну, колы старый чоловікъ, зъ сывою головою!.. (*Мажнувъ рукой*). Прощай! (*Почоломжавшысь, питовъ*).

Борысь (*одынъ*).

Це щось несподиванне зъявляецця у мой семьи!.. (*Помовчавъ*). А тутъ ще голова трищты писля вчорашнего, и я ничего не збагну... Якъ я учора согласывся сисы за той проклятый ералашъ?.. Потимъ напывся, якъ скотына!.. О, будьте вы прокляты вси прымхы, що выдумалы лежебокы: хвалышывый этикетъ, брехлыва звычайнисть, лысыча почтывнисть!.. Ни, пора вже всему цему покласты кинця. Сегодня въ останне скажу батькови й матери... И якъ що вони сперетчатымутця, я зроблю по своему... Владымырь вража мене, кажучы, що я безхарактерный. Винъ правду каже, о, яку правду! Докы жъ я справди буду, якъ цуцыкъ той на веревочци?

Я в а 11-а.

Входять Вороновъ.

Вороновъ.

Что, уѣхалъ этотъ либераль?

Борысь.

За что вы отказали ему отъ дому?

Вороновъ.

Негодяй онъ, вотъ за что!

Борысь.

Негодяй?

Вороновъ.

Да, негодяй! Я и тебѣ запрещаю съ нимъ дружитья!

Борысь.

Ну, это ужъ...

Вороновъ.

Что?

Борысь.

Впрочемъ, это пока на второй планъ... Я долженъ вамъ сказать, что у меня есть болѣе серьезное дѣло.

Я в а 12-а.

Ти жъ и Соломія.

Соломія.

Пане! Тамъ Гордій Поваривъ прыйшовъ.

Вороновъ.

Что ему надо? Зови! (*Соломія тишла*). Поди къ гостямъ... я послѣ готовъ съ тобой потолковать.

Борысь.

Вы выслушаете меня?..

Вороновъ.

Да... чрезъ пять минутъ. (*Борысь тишовъ*). Ну, что жъ онъ тамъ? Эй, кто тамъ такой?

Я в а 13-а.**Входить Гордій.**

Гордій (*топнув ногою*).

Мое поштеніе! Позвольте вамъ препоручить (*Подает запечатанный листь*).

Вороновъ.

Что это такое? (*Распечатавъ листь, чита*). „Отъ 1862 года, отъ Сентября месяца, приглашаютъ васъ, Ваше Высокоблагородіе, майстеръ сапожной, што бъ вы пожалували своєю персоною изъ фамилію на брачной процессъ, у етое воскресенье свадьба. Будить на благородную ногу, вина и музика зъ города и перожное шпаньской ветеръ, што папаша сами зготовляють, собственоручно Гордей Мыкытовычъ Поваренковъ, сапожный майстеръ и кавалеръ“

Гордій.

Такъ тошно: „и кавалеръ“. Такъ какъ исчо у первой законной бракъ поступаю, а потому й кавалеръ.

Вороновъ.

Я не понимаю, что это такое?

Гордій.

Брачной процессъ буду получать зъ барышнею Теклею Спырыдоніевной. Хотивъ хоть трыста рублей авантажу, ну, кажетца такъ, што помырмыся на двохсотъ. Значыть, подумавъ: „пропадай моя деревня, вси чотыри колеса!“..

Вороновъ.

Да ты скажи толкомъ, что тебѣ надобно?

Гордій.

Разви я непонятно объявувъ у былети? Кажетца, што очень симпатично!.. Предлагаю вамъ на свадьбу до миня.

Вороновъ.

То-есть, какъ къ тебѣ на свадьбу?

Гордій.

И што какъ можыть согласни будоте поступокъ совершыть объ некоторомъ подарку, хоть двадцать пять цилковыхъ серебромъ, такъ я зъ моимъ равнодушнымъ вдовольствіемъ получу.

Вороновъ.

Пошоль ты прочь, дуракъ!

Гордій.

Вотъ такъ категория! Кажетца, я по ошибки не въ ти руки всунувъ документъ?.. Одначе жъ, моя невеста помогла у этому самому шкандалю, што зъ Оксаниєю?..

Вороновъ.

Вонъ, говорятъ тебѣ!.. (*Рве листь на шматкы и жбурля ему въ вичи*).

Гордій.

И съ тимъ до прятнова свяданія! (*Пишовъ*).

Вороновъ.

Да это, это... Что же это такое творится? Мужикъ, сапожникъ, осмѣливается просить къ себѣ на свадьбу, да еще по пригласительному билету. До чего жъ это мы дожили?..

Я в а 14-а.**Входить Борысь.**

Борысь.

Вы свободны?

Вороновъ.

М-мъ, да, свободенъ!.. Кстати, согласился-ли ты ѣхать въ гости къ Басюринымъ, онѣ тебя приглашали?

Борысь.

Да, приглашали, но я рѣшительно отказался.

Вороновъ.

То-есть, какъ же это? Вѣдь ты почти сдѣлалъ предложеніе Аннѣ Андреевнѣ.

Борысь.

Не далека жъ она, если повѣрила пьяной болтовнѣ.

Вороновъ.

Ты хочешь насъ компрометировать?

Борысь.

Вы обѣщали выслушать меня. Время не терпитъ и я долженъ съ вами говорить.

Вороновъ.

И вѣроятно вновь о какихъ нибудь дикихъ намѣреніяхъ?

Борысь.

И въ послѣдній разъ. Я прямо возвращусь къ вопросу, на который вы не отвѣтили мнѣ въ прошлый нашъ разговоръ. Я спрашивалъ васъ: зачѣмъ вы, зная и видя мои ухаживанія за Оксаною, ухаживанія, продолжавшіяся болѣе года, смотрѣли на нихъ не только сквозь пальцы, но даже снисходительно?

Вороновъ.

Отвѣтъ такъ простъ, какъ не можетъ быть проще. Она была горничной, а ты, какъ молодой человѣкъ, оно и понятно...

Борысь.

Ага!.. вы предполагали, что это съ моей стороны интрижка, по части клубнички? А между тѣмъ вы жестоко ошиблись! Я полюбилъ Оксану и теперь рѣшилъ жениться на ней.

Вороновъ.

Что-о? Я объявлю тебя сумасшедшимъ, и тебя посадятъ въ желтый домъ!

Борысь.

Да хоть и въ тюрьму! Я далъ слово Оксанѣ, и она моя невѣста. Слышите: я женюсь на ней!..

Я в а 15-а.

Ти жъ и Наталія Семеновна.

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Завтракъ уже поданъ... Парасковья Петровна и Анеточка просто покою мнѣ не даютъ: „просить, говорить, та й просить, щобъ Боренька іхавъ до насъ погостыты?“

Вороновъ.

Нѣтъ, ты послушай, что онъ говоритъ?

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Що такъ?

Борысь.

Я прошу вашего благословенія на венецъ зъ Оксаною.

Вороновъ (*передразнивая*).

„Благословенія!“..

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Якъ? Це той сыночокъ, котрый учора присягався, що все зробе за для матери, а сегодня вже й назадъ?

Борысь.

Въ чимъ же я присягався?

НАТАЛІЯ СЕМЕНОВНА.

Ты давъ мени слово, що пойдешъ до Басорыныхъ въ гости,—це разъ, а потимъ...

Я в а 16-а.

Ти жъ и Степанъ.

СТЕПАНЪ (*за дверыма*).

Я сылоку ввійду, и ништо мене не зупыныть!

Вороновъ.

Кто тамъ?

СТЕПАНЪ (*вбѣга*).

Це я, пане!

Вороновъ.

Какъ ты осмѣлился войти безъ доклада?

Степанъ.

Та хочъ и вбѣйте, а ввійшовъ!

Вороновъ.

Вонъ!

Борысь.

За что же вы его прогоняете? Що скажешъ, Степане?

Степанъ.

Вы пытаете? Це дивно, паньчу, надто дивно! А я завжды мавъ васъ за чесну людину... Дійшла до Оксаны звистка, що вы посватали якусь панну...

Борысь (*зъ жиромъ*).

Якъ?

Степанъ.

Хтось оганьбывъ Оксану, надъ нею знущались парубки!.. Теперъ вже, може, вы Оксану на столи побачите!..

Борысь.

Годи, годи! Зпала полуда зъ очей, туманъ розійшовся! Такъ ось вопо що! Такъ ось зачимъ мене учора удержали и пидпоили?.. Такъ ось за для чого мене и теперъ запрошують у гости до Басюриныхъ? Такъ ось видъ чого ваша хвористь, мамо?.. Такъ це та любовъ ваша святая, котрою вы такъ похвалялись, и котрою, мовъ въ ланцюгахъ залізнихъ, такъ довго держали мою волю? Такъ ваша та щырая и тыхая мова: „женись, сынку, на кому захочешъ!“ була кривда, одна облеслыва кривда и неправда?.. О, мамо, мамо! Що жъ ты зробила зъ моею душею, зъ тією душею, въ котрій образъ твій завжды бувъ на ривни зъ Богомъ?..

Батьку, батьку ридный... (*Дмитрій Миколаевичъ видвертувся*). О, що жъ теперъ на свити не зрадливе, колы ридный батько й маты?.. (*Прожогомъ выбигъ, за нымъ Степанъ*).

Вороновъ (*бѣжить за нымъ*).

Остановись, мерзавецъ! Я тебя!..

Наталя Семеновна.

Сынку, сынку! (*Рыдаеть*).

Вороновъ.

Вотъ онъ твой мазунчикъ, тѣшься имъ!

Наталя Семеновна.

Ты жъ чого дывывся? Не я его выховувала, а ты; я тилькы любила его, якъ маты!.. Я жинка проста, не освичена. Де я була? Що я бачыла, чому вчылася?.. У чотырехъ стинахъ викъ изжыла!.. Ты завжды мене за дурну мавъ, завжды похвалявся, що ты вчений и всезнаучый!.. Я не тямуца була по твоему: що не скажу—все не въ ладъ, що не зробию—не впопадъ; себе жъ ты цилый викъ мавъ за розумного, а сына единого не зумивъ до пуття довести!.. Охъ, я несчастна, несчастна!.. (*Зъ слизьми не може говорити*).

Вороновъ (*мовъ ошалылый*).

Что жъ это? Сколько я, того-того, читалъ, сколько... Но этакаго случая... Читалъ въ журналахъ и газетахъ... этакаго не начитывалъ? Да какъ-же въ самомъ дѣлѣ стѣснять чужую свободу, когда свобода... должна быть свободна?.. Ну, и пусть его женится хоть на чортовой дочери!.. Я... Я... я знать его не хочу!.. (*Хутко пишовъ*).

Зависа.

Д і я 4-а.

Середына хаты Завады.

Я в а 1-а.

*Зависа, за кэтрою лежыць недужа
Оксана.*

Горновъ (*выходе изъ за зависы, тыхо
говоре*).

Трохы заспокоилась, може сонъ иі підкрепыць. Не людське дило вчынылы, а дьявольське!

Завада.

Такъ вже, мабуть, судылося мени зостатись на старосты одынокымъ, безъ втихы, безъ жодной радосты! Булы й сыны, булы й дочки—усихъ Господь прынявъ, лышывъ дочку-мезыночку, сыритку по шостому годочку... Пестывъ, выховувавъ, доглядавъ, якъ око въ лоби, а на рэшти чого дждавъ? Ни, я выненъ!.. Не слидъ було мени потураты на іі хить. Захотила вывчытись грамоты, послужыць у панивъ, отъ и... Люде теперъ радять скарытись на парубкивъ громади. Що жъ ти скаргы, чы вернуть вонч жытте мой дтыни?..

Горновъ.

Шкода, що не встерегли вы іі въ хати, що вона пisleя колотнечи выйшла и забрела бо-зна куды!..

Завада.

Я побигъ по пысаря, щобъ той порадывъ що небудь... Вернувся, ажъ дывлюсь, іі вже въ хати нема. Кынувся по неі и вже якъ зовсимъ розвяднылось,—знайшовъ на греблі, бiля розореного млыну.

Горновъ.

Тамъ вохко, сыро, вона и простудылась!.. Але не сумуйте, може Господь поможе, що все обiдетця благополучно!

Завада.

Спытавъ іі: чого суды забрела? Вона й одмовыла: „ходыла, каже найняты людзей, щобъ яму мени выкопалы“.

Горновъ.

Чому вы учора не дали звисткы Борысови, що таке зкоилося?

Завада.

Ай, чудно вы миркуете! Якъ бы я полнзъ у хоромы оповищаты про свое лыхо?.. Я жъ це тилькы видъ васъ уперше почувъ, що вона закохалася въ панычеві, мени и въ голови такэ не ворупылося...

Я в а 2-а.

Входыть Борысь.

Борысь.

Де вона? Що зъ нею, зъ моею любою?

Горновъ (*зупыня его*).

Тыхше, Бога рады, тыхше! Вона спыть, ты іі можешъ сполохаты!

Борысь (*ломае рукы*).

О, я несчастный, безталанный! О, я безхарактерный чоловік!

Завада.

Я не мигъ звернуты іі зъ того маііного шляху, усіянного терномъ колючимъ, каминнемъ гострымъ... бо я любывъ іі безъ миры... и николы не мигъ я подуматы, щобъ такъ видплачувалы за щыре та вирне коханне!..

Борысь.

Батьку, батьку! Не вражуй мого сэрця въ край твоимы докорамы... Не выдавлюй зъ старыхъ своихъ очей слизъ, котри падають на мою душу важкимъ, гарячимъ ольвомъ... Хиба ты не бачышь, якъ мени тяжко? Передо мною тилькы замыготивъ вогонекъ щастя, до котрого я лынувъ, мовъ до ясноі зиркы и тилькы що наблызвыся до него, винъ вже згаса!.. Охъ, мое горе, пекло паляюче, море клекочуче!.. (*Рыда*).

Горновъ.

Радывъ тобі пыльнувати того щастя, бо воно инчому тилькы разъ на вику и зъявляеця.

Оксана (*за зависою*).

Борысь...

Горновъ.

Вона прокынулася, тебе клыче.

Борысь (*кынувся до неї*).

Боже! Святе небо и земля!.. Вона мене клыче... Я тутъ, моя Оксанко, тутъ!.. (*Пиднима завису*). Боже, за що таки муку?.. Дай же жыты и прославляты Твою мылость!..

Я в а 3-я.

Ти жъ и Максымъ.

Максымъ.

Та що тутъ у васъ, нехай Богъ бороне, трапылось?.. Кажуть люде, що у Антона щось непевне зкоилось, такъ я не понявъ виры.

Завада.

Карае насъ Господь, за грихы наши!

Борысь (*до Оксаны*).

Мое щасте, моя зоре, мій рай!..

Максымъ.

Не люде ин одіймають у васъ, а Богъ; Богъ давъ їй жытте, Богъ и бере! Винъ одынъ властвуюць надъ нами и мы не повинни ремствуваты на Его святу волю...

Борысь.

Не ремствую я, я очеvyдячки загыбаю!..

Максымъ (*до Антона*).

А чы таке лыхо мы бачылы на своимъ вику, адже перетёрпили? Чого, чого на нашихъ очахъ не діялось? Отъ же все те мы терпили, вповаючи на Бога Мылосердного!..

Антонъ (*зитае*).

Боже, Твоя свята воля надъ нами!

Оксана.

Хто померъ?.. Дзвоняты десь... Борысь!..

Борысь.

Моя зоре, мое жытте!.. Оксано, Оксанко, просты мене! Порадуй же мене хочъ поглядомъ ласкавымъ?.. Це жъ я, твій любый, твій сужений!..

Оксана.

Любый... сужений... Лягай мерщій въ домовину!..

Борысь.

Де жъ ты, серденько, бачышь домовину?

Оксана.

Перстень це его... бильшь ничего нема... Души нема, вынялы и роздавылы... Не лякайтесь... Хочъ одну жъ искру жалу!.. Не треба грошей... На. подзвинне... Гадючий поглядъ, страшный!.. Повзе, повзе гадюка до мене!.. Захуйте мене!.. Повзе, впывастця въ мое сердце... Геть, геть!.. Одрывить, одрывить!.. (*Умирае*).

Борысь.

Що це зъ нею? Оксано, Оксанко!.. Зомлила... Ни, вона не вмерла!.. (*Одскакуе одъ неї*). Рятуйте, рятуйте мене!.. Вона мертва!.. О, дежъ ты, смерте моя, де жъ ты забарылася?.. (*Упавъ била мертвої рыдаючи*). Охъ, не зарывайте ин въ землю, дайте мені надывытысь на мою мылу!..

Завада.

Донечко, донечко, а хто жъ закрые мои стари очи?

Горновъ.

Замовкла на вику щыра душа! Зклепылысь уста, погасъ свить ясныхъ очей, втомылось безсыле тило, пидъ вагою чулон и щырон души!..

З а в и с а.

ВЕРГИЛІЕВА
ЭНЕИДА

Комычна феерія-оперетта у 5-ты діяхъ и
16-ты одминахъ.

Перелыцевана зъ поэмы И. П. Котляревскаго
М. Л. Кропивницкимъ.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ,
30 Апрелья 1899 года. № 3140.

Дія 1-а.

Дієви люде.

Богиня Юнона.
Геба, прислужниця.
Эоль, богъ витривъ.
Нептунъ, богъ моря.
Эней, царевичъ Троянський.

Борей
Зефиръ
Эвръ
Нордъ
Троянци.

} витры.

Веранда въ покояхъ Зевеса, въ глыбыни, кризь колонны, выдко море.

Ява 1-а.

За лаштунками здалеку чутно хоръ Троянцівъ.

Ой бре море, бре,
Витеръ зручный дме,
Зъ осмалеными Троянцами—
Эней зъ Трои пре!
Вже жъ зъ тіеи Трои
Сталась скырта гною,
Черезъ сварку очмарилыхъ—
Чортъ-ма супокою!

Ой бре море, бре,
Витеръ зручный дме,
Тожъ Эней, панычъ моторный,
Всімъ передъ веде!

Ява 2-а.

Геба (выходить зъ боку, несучы въ коновкахъ нектаръ и амброзію).

Дять та пьютъ все наши боги,
Вже, служачы, пидбыла й ноги:
Знай, смажъ млынці, шашлыкъ имъ
шкварь,
Несы амброзію, несы нектаръ!.. (*Прислухається*).

Що воно реве такъ,
Мовъ бурлива хвилья?
Наче хто справляе
Бучнее весилле!
О, ни! якись то гультапаки
Човнамы навпростоць плывуть. (*Жахнулась*).

Чы ба! Це жъ грецкіи бурлаки
И панъ Эней самъ зъ нымы тутъ!
Оце жъ Юнона, якъ спогляне,
На весь Олимпъ кудахкать стане:
Эней Юнонына болячка,
Вона его не любить страхъ! (*Усмихається*).

То жъ бидну нападе чухрачка,
Его якъ вздрить на поромахъ!
Наибільшъ за те їй не злюбився,
Що винъ у Трои народився;
Що й дядько ще его, Парысь,
Пріамивъ сынъ, уже помершый,
Якъ на Венерю задывивсь,
Винъ яблучко пиднисъ їй першій,
А не Юнони... Буде лыхо,
Эней їй гирше видъ бешыхъ!..
Нектаръ скоріше виднесу,
На закуску дамъ ковбасу
Та заразь же й шепну Юнони,
Хай дасть Энею макогона!.. (*Побігла*).

ХОРЪ ТРОЯНЦІВЪ.

Ой бре море, бре,
Витеръ зручный дме,
Тожъ Эней, панычъ моторный,
Всімъ передъ веде!..

Ява 3-я.

Юнона (выбига прожогомъ).

Мени щось Геба наплескала,
Що, каже, нибы-то впизнала

Энея!.. (*Дивытця на море*). Винь,
це винь, той ланець!..
Стривай же, чортивъ обидранець!..
(*Гука*).

Гей! А хто тамъ на подвирри?
Невже хрупуть вси по обиди?
Якъ пролежнивъ у васъ нема?

Голось (*зъ подвирря*).

А що намъ пролежни?.. Дарма!..
(*Позихае*).

Та що тамъ треба вашій мосци?

Юнона (*прыгрожуе на море*).

О, мацапура, ланцю, гыре!..
Втоплю тебе не въ мори въ ложки!..
Спровадю въ пекло, въ самый вырй!..
(*Гука въ подвирре*).

Впряжы мерщій мени павычку!
Помчусь къ Эолу, якъ оса. (*Чепу-
рытця*).

Сховаты пидъ кибалку мычку,
Щобъ не свитылася коса...

Гей, Гебо, вирная служныце,
Неси швыдчъ кубову спидныцю,
Запаску, дукачи, шнурилку,

Неси хлибъ зъ силлю и тарилку.

(*Геба прыносе пуделко зъ жиночою
прымусією и тарилку зъ хлибомъ-
силлю*).

Дай, блейвасомъ накрасю губы,
Щобъ вышкиривъ Эоль видъ жагы
зубы!

Пидмажу купервасомъ бровы...

Теперь якъ разъ все до вподобы.

(*Пидгиздыть павычъ, запряженный въ
зрынджолы, Юнона сида и бере
вижкы*).

ГЕБА.

Бажая тоби, пани, щасливой дороги..

Юнона.

А ну, мій павычу, расправляй лышь
ноги. (*Поихала*).

Перемина.

*Скалы и пещеры. Эоль, сидячы на
скалы, куняе*).

Я в а 4-а.

Эоль.

Якъ почалы ставыть водяни млыны,
То зразу зменьчылысь зарибкы мои.
Весна жъ якъ настане—зовсимъ бо-
сый ходышь,
Часомъ на табаку за день не заро-
бышь!.. (*Труссе зъ рижска*).
И на понюшку вже чортъ его ма!..
(*Бъе себе по носу*).

Гуляй посудыно, гуляй дарма!

Я в а 5-а.

Юнона (*хутко вбига*).

Здоровъ, Эоле, пане свату!
Ой якъ ся маешъ, якъ живешъ?

Эоль.

Спасыби, що забигла въ хату,
Сидай.

Юнона.

А що, гостей ты ждешъ?
(*Стивляе тарилку передъ Эоломъ*).
Ось тоби, батьку, бухыночка свижа,
На стареньки зубы це смачненька іжа.

Эоль.

Сидай же, свашко, сидай на ослинъ.
Яка жъ чепурна ты, нехай тоби хринь!..

Юнона (*лебезуе*).

Будь ласкивъ, сватоньку, старыку,
Избый Энея зъ пантельку,
Якъ разъ плыве на мори винь.
Ты знаешъ, то якый суцыга,
Пальвода и горлоризъ,
По свиту винь якъ ще побига,
Чынихсь багато вылле слизъ.
Пошлы ты въ море злую тучу,

Щобъ всю Энейську челядь сучу
Пустыть изъ нымъ на дно къ чортамъ!..
За цю жъ дивку уродлыву,
Смачную, гарну, чорноброву,
Тоби я далеби, що дамъ!

Эоль.

Гай, гай! Ой дей же его кату!
Колыбъ же це я перше знавъ,
То все зробывъ бы за цю плату,
А то витры пороспускавъ...
Борей недужъ лежить зъ похмиля,
А Эвръ поїхавъ на весилле,
Зефиръ же, давній негодай,
Зъ дивчатъмы десь заженыхався,
А Нордъ въ поденщыкы нанявся,—
Якъ хочешъ, такъ и помышляй?

Юнона.

Ой, сватоньку, зроби ты ласку,
Потишъ на сей разъ свою свашку.

Эоль.

Та вже для тебе обицяюсь,
Эневи я ляпасъ дамъ;
Я хутко, мыттю постараюсь
Загнать его въ багно къ чортамъ.
Прощай же! Швыдче убирайся,
Обицянкы не забувайся!
Бо писля, чуешъ, ни чычыркъ!
Якъ збрешешъ, то хоча надсядся,
Писля на ласку не повядся,
Бо вдруге визмешъ въ мене чвыркъ.
(Показуе їй дулю).

Эоль.

РАЗОМЪ. { Зроблю тоби вже цю ласку,
Потишу свою любу свашку.
Юнона.
Ой, сватоньку, зроби ты ласку
Потишъ на цей разъ свою свашку.

(Чмокнувши его въ губы, пишла).

Эоль.

Ну й чепурна жъ превража молодыця,
И такъ вже гарна, ще й бадерытьця!
Смачно такъ поцилувала,
Не мовъ горчышныка прыклала.

(Гука).

Аговъ, аговъ! Борю! Эвре!
Мовъ провалылыся у дебри!..
Де ты, Зехвыре, де ты Норде?!
А ну-жъ, зъявите свои морды!..
А ну-жъ, вертайтесь до двора,
Вже нагулялысь въ волю, годи!..

(Маха жезломъ).

Поганій заразыть быть погоди!.. (Дале-
кый гримъ).

Ага, на мори и гора! (Витры
зъявляютьця).

Борю, Эвре, Нордъ, Зехвыре!..
Ну жъ дмухонить, не въ мою миру,
Щобъ раптомъ море спузырило,
Водю, мовъ въ ключи забыло!..

(Витры надымають щокы и дмутъ.
Гримъ, блискавка, дощъ, градъ, буря.
Море почына бурхатъ, Эней зъ то-
варыствомъ выздытъ на човнахъ,
нидъ парусамы).

Троянцы (хоръ).

Тай бурхае жъ сыне море,
Не мовъ бы що его сказыло,
Зростають раптомъ хвыли-горы,
Колы бъ ще насъ не потопыло.
Ой гвалтъ, ой гвалтъ, панове!
Що маемо подіять?
Колы бъ замисць вшанобы
Намъ не прыйшлося два помирать?..

Эней (згеретованно).

Чы я безъ доленькы вродывся,
Чы я на свити вже нажывся,
Що мушу нагло погыбать?...
Чы боги хочуть занедбать?..
Прокляти витры роздулыся,
А море зъ лыха, ажъ реве,

Охъ певно що вже намоглися
 Боги занапастыть мене!
 Гей, де ты водяный гетьмане?
 Чы въ подушкахъ лежышь, мось пане,
 Чы ты оглухъ, чы спышь, Нептуне?
 Я жменю грошей тоби суну,
 Абы на мори штурмъ утыхъ!..
 Це хтось наславъ на насъ сто лыхъ?

Я в а 6 - а.

Нептунъ (*вырына зг моря верхы на
 ракови*).

Не вспивъ до дила й одягтысь,
 Якъ бувъ у лижку такъ схопывсь!..
 Фартухъ напыавъ замисць куртынкы,
 На ноги жъ—жинчыни патынкы,
 Бо хтось тутъ надто галасае,
 Неначе й справди потопае,—
 Завывъ, зовсимъ якъ на жывить!
 (*Пыта*).

Хто владу кримъ мене тутъ мае,
 Мовъ вершу роспускать свій рить?

Эней.

Це я гукавъ. На, хапаныну—
 Пивкопы грошей. А якъ мало,
 То дамъ ковбасъ ще, дамъ и сала...
 Тилькы утышь цю хуртовыцу! (*Дае
 ему гроши*).

Нептунъ (*взявз гроши, почына тре-
 зубцемъ махаты*).

Гей, дармоіды вы губати,
 Якъ смилы тутъ порядкуваты?
 Ачь, роздулысь, та якъ ще гризнс:
 А до млынивъ геть, тамъ завизно,
 А тутъ вамъ заськы, бовтать воду.
 Глянъ, завелы яку вже моду!..
 Идить пидъ тры чорты, свынота.
 Имъ ыграшкы, мени жъ работа!..

(*Витры, втикають одынз по одному,
 а Эолз, тыхенько засовуетця за
 скалу*).

Гей, принесить сюды мителку,
 Зроблю я море, якъ свителку,
 Хай сонце выгляне на свить.

(*Море стыха. Щука прыносить
 митлу въ роти; Нептунъ мете мо-
 ре, сонце почына свитыть*).

Эней.

Теперь, лыцарство помолимся,
 Поклоны быймо та хрестимся
 Та въ берегъ коженъ правъ байдакъ.
 Верны собъ-тпру на мисци, такъ!

Нептунъ.

Прощай землякъ, не згадуй лыхомъ,
 Не бійся, все тутъ буде тыхо.
 (*Пирнае зг море, щука за нимъ.
 Троянцы прыстають до берега и
 плыгають зг човнивз*).

Эней (*на берези*).

Скорище лагодьте обидъ,
 Вже пидвело мени жывить.
 Замисць столивъ кладить шаловкы,
 Стелить вже рядна та циновкы,
 Варить изъ саломъ галушкы,
 Кулишь шповяный, пампушкы...
 Тимъ часомъ, выпыймо по одній,
 Мовлявъ, на зубы на голодни,
 Та за бративъ-неборакивъ,
 Що годують въ мори ракивъ.

Хоръ.

Нехай на тимъ свити имъ легко гык-
 нетця,
 Та нехай щаслыво имъ тамъ пове-
 детця,
 Все булы завзяты, щырын волякы,
 Теперь пишлы бидни годуваты ракивъ.
 Та й хто зъ насъ, панове, смерти не
 впизнае?
 Тилькы лышь безсмертныхъ вона не
 чепае,
 Такъ будемо жъ жыты, докы намъ жы-
 ветця
 И будемо пыты, докы въ горло летця!..

З а в и с а.

Дія 2-а.

Дієви люде.

Богъ Зевесъ, винъ же Юптеръ.
 Венера, богыня красы.
 Меркурій, Олимпскій машталиръ.
 Дидона, Карфагенська цариця. Удова.
 Ганна, її сестра, дивчына.

1)	} Троянці.	1)	Бандурысть.
2)		2)	Кухаръ Дидоны.
3)		3)	} Карфагенянки.
4)		4)	
5)		5)	

Троянці, Карфагеняне и Карфагенянки, музыкы, слугы и народъ.

Картына 1-а.

*Хмары, на котрыхъ сидыть Зевесъ, передъ нымъ стоить изъ блискавки
 столыкъ, на стольку штофъ и кубокъ.*

Ява 1-а.

Зевесъ (*допыва кубокъ и заіда ма-
 ковныкомъ*).

Краще нектару льбонь, горилка
 Та ще якъ перчивка, чы калганивка!..
 (Пье).

Мицна каналська, та вже мало
 И закускы зовсимъ не стало!..
 А хто тамъ, гей! вточить ще зъ кварту,
 Я нахыльцемъ всю выпью зъ жарту.

Ява 2-а.

Венера (*въ грызетовому очитку, въ
 кунтуши зъ усами и въ намыстахъ,
 входе хлыпаючи*).

Чымъ предъ тобою, мылый тату,
 Сынъ заслужывъ мій таку плату?

Зевесъ.

А що вчынылось, дило въ чимъ?
 Бо я недавно тилькы вставъ
 И ще леспортивъ не чытавъ.

Венера.

И ёнь, мовъ въ свынкы грають нымъ!
 Куды уже ему до Рьму?
 Хыба якъ здохне чортъ въ рови!

Якъ вернетця панъ ханъ до Крыму,
 Якъ женятця сычъ на сови?
 Хыба бь-то вже та не Юнона,
 Щобъ не вказала макогона,
 Що й досы слухае чмеливъ?
 Ты бь ій робыть такъ не звеливъ.

Зевесъ (*допыва*).

Охъ, доню, ты моя голубко!
 Я въ правди твердый такъ якъ дубъ.
 Та щобъ мени ввесь вылизъ чубъ,
 Щобъ не допыты цього кубка,
 Колы збрешу я, чорноброва.
 Ось слухай, доню, мого слова.
 Эней збудуе сылне царство
 И заведе свое тамъ панство,
 Не малый буде винъ панокъ,—
 Всему якъ слидъ винъ дасть тамъ
 товкъ...

Заіде до Дидоны въ гости
 И буде тамъ бенкетувать,
 Полюбытця ін винъ мосци
 И стане бисыкы пускать.
 Иды жь, небого не журыся,
 Попонедилкуй, помолыся,
 Все буде такъ, якъ я сказавъ.
 (Венера нызько кланяетця Юп-
 терови, а винъ іи цилуе).

Венера.

Спасыби, татуню, мене звесельвѣ,
Неначе ты масла на душу наливѣ.

Юпѣтерѣ.

Иды жѣ не журыся, буде все якъ
слюдѣ.
Я жѣ-бо довожуся Энееви дидѣ.

Перемина.

(Въ хоромахъ Дидоны).

Я в а 3-я.

Дидона *(сидитъ била вѣкна, вышива рушныка).*

„Тече ричка невелычка
Зѣ пидѣ кориня-дуба,
Не зазнала видрадоньки
Видѣ свого нелюба.
Присудылы замижѣ иты
За нелюба люде,
Не зазнала зѣ нымѣ я доли,
Мабуть вже й не буде“...
Любо рушныкъ дивци
Шовкомѣ вышиваты,
Бо вона нымѣ мыслыть
Старостивѣ вѣязаты;
А якъ бидній удови,
Отъ такій хочѣ, якъ мени:
Рушныкъ на те лышѣ готувать,
Щобѣ дрибни слезы вытырять.
Що зѣ того, що я й працевыта,
Що я и весела, гарна й сановыта,
Що й постиль биленька?..
Такъ стина жѣ нименька...
Вона не прыгорне, скилько не тулысь.

Голосѣ *(за вѣкномѣ).*

Кажу жѣ не впизнаешѣ, скилько не
дывысь.

Дидона *(дывытия у вѣкно).*

А що жѣ воно ото за люде
Идутъ вѣ хоромы? Мовѣ заблуды!..

Я в а 4-а.

Входять Троянци.

Дидона.

Видкиль таки це гольтипаки,
Чы зѣ Дону рыбу везете?
Чы може выходци бурлаки.

Троянци.

Та мы не те, зовсимѣ не те!..

Дидона.

Якый васѣ бисѣ сюды направивѣ
И хто до берега прычалывѣ?
Яка жѣ ватага розбышакѣ! *(Троянци
падають на вколюшки).*

1-й троянецѣ *(уклонившись нызенько).*

Дозвольте вымовыть намѣ такѣ.
Мы вси, якъ бачѣ, народѣ хрещеный,
Волочымся безѣ талану.
Мы вси у Трои порожденни,
Эней пустывѣ на насѣ ману,
Далы намѣ грекы прочухана
И самого Энея пана
Вѣ тры вырвы выгналы звидтиль;
Звеливѣ покынуты намѣ Трою,
Пидмовывѣ плаваты зѣ собою...
Теперь ты знаешѣ мы звидкиль.
Помылуй, пани благородна,
Не дай загынуть головамѣ!
Будѣ мылостыва, будѣ незлобна,
Эней спасыби скаже самѣ.
Чы бачышѣ, якъ мы обидралысь,
Убранне й постолы порвалысь...

Дидона *(гирко зарыдала).*

Ой горенько жѣ, яки нещасни!
Звычайно, вы вѣ биди не властни.
На все е вѣ свити вышча воля,
Кому яка судылась доля!..

1-й троянецѣ.

А вже жѣ що е, е вышча сыла.

Останни троянци.

Розумно пани розсудыла!

1-й троянець.

Утры жь ты слизонькы зь лыця,
Та привитай насъ неборакнвѣ,
За що заслужышъ вичну дяку!..

Дидона (*вытира слезы*).

Колыбѣ скориче молодця
Энея вашого злупала,
Ну, вже жь тоди й весела бѣ стала,
Тоди великдень бувъ бы намъ.

Я в а 5-а.

Ти жь и Эней.

Эней.

Ось плюсь и я, неначѣ зь неба,
Ось, ось-де я, колы вамъ треба!
Дидони поклонюся самъ.

(*Уклонившысь Дидони у поясъ, обнимаю и цилуе*).

Дидона.

Якый же смилый и хороший,
Превражый хлопецъ, хочъ куды!..
(*Цилуе его*).

Эней.

Яка жь красыва ты, Дидосю!

Дидона (*ни бикъ*).

Зъ такымъ не довго й до биды! (*Ему*).
Хвалы товаръ, а руку видно.

Эней.

Оскомына бере й завьдно!..
Бо зъ роду-вику вперше бачу
Таку красу жиночу й вдачу!..

1-й троянець.

И завелы вже баландрасы,
Почалы точыты ласы!

Дидона.

Охъ, выбачайте гости любви,
Ось заразы и порядокъ буде.
(*Заметушылась и почина плескаты въ долони*).

Подайте що тамъ выпыть, зысты!
Просю васъ гостонькы прысисы.

(*Слугы несутъ горилку въ глекахъ и суляхъ, юрду и макуху*).

Сидайте по лавкахъ, на пиль,—
Кому де хороше и мыло.
Колы бѣ же вамъ я догодыла?
Ось пьйте, покы що—сывуху,
Закусюйте ось юрду та макуху,
Покиль клыкнемо васъ за стиль.

Троянци.

Оце такъ дило не погане,
Мы дякуемо, мосци пани! (*Сидаютъ*).

Дидона (*слугамъ*).

Готуйте кращѣн потравы
И сами гарнии прыправы!
(*Слугы ставляютъ тариллы, посуду и мыскы*).

Кухарь (*до Дидоны*).

Промовыты дозвольте слово.
Ось що у мене е готове,
Найвелькояснѣйша наша пани:
Плацынды зь сыромъ до сметани,
Свыняча голова до хрину
Та локшына на перемину;
Потимъ зь пидлевою гындыкъ;
На закуску: кулишъ и каша,
Лемишка, путря, хлякы, кваша,
И зъ макомъ медовый шулыкъ!..

Дидона (*Эневи*).

Чы любышъ ты таки потравы?

1-й троянець (*до товарищивъ*).

Цей кухарь мабутъ изъ Полтавы.

Эней.

Иства смачни, булы бѣ —смачнищи,
 Колы бѣ теперъ бувъ часть вильнищый,
 То я побигъ бы на охоту...
 Тутъ, мабутъ, дычны доволи?

Дидона.

Е звиря сыла—въ лиси, въ поли...
 Ось тутъ близенько е болото,
 Гусей тамъ сыла, лебедивъ...
 А ну лышь вдвохъ туды майнимъ?

Эней.

Хиба?.. До дила!

Дидона.

Я дуже смилала!

Разомъ. { Мы вдвохъ тамъ зробимо обלאву
 { И пополюемо на славу,
 { У мене справа не плоха.

1-й троянецъ.

Ой, буде тамъ не безъ гриха!.. (*Эней
 и Дидона побиглы*).

(*Налыва*). Стривайте, братця, ось
 вышниква!

Другый (*налыва зъ другою сулію*).

Медь!

Третій.

Пыво!

Четвертый.

Сиривець!

Пятый.

А ось Опошнянська дулипка!

Слуга (*ставляе ялывецъ*).

1-й троянецъ.

Ага, для духу ялывецъ!

2-й троянецъ.

О, бандурыста йде сюды!

1-й троянецъ.

Сопилка, бубонъ и скрышыця!

3-й троянецъ.

Выходьте, будемъ веселыця!

Я в а 6 - а.

Входятъ бандурыстый и музыкы.

1-й троянецъ.

А ну, слипенькый, заведы
 Якоись намъ такои,
 Щобъ сердце раптомъ заспоконть
 И щобъ горилка лехшь пылась.

Бандурысть.

Такъ шашоль въ горли завелась,
 Доки не выпью, клята точыть;
 Якъ горилашъ ии намочыть—
 Замовкне, наче не жыва.

1-й троянецъ.

Зо мною тежъ оттакъ бува. (*Частуе
 бандурыстого*).

Бандурысть.

Звеселысь же швидче немощна утроба!
 (*Выпывъ*).

На, тоби жывыци, дявольська худобо!
 Ага, замовкь, злякавсь катюго!..

А ну, хлюпны на него й другу?

(*Выпывъ, почина гратъ и спивать*).

Д у м а.

Ой на мори бурльвому,
 Тожъ на мори на сынему,
 Добрый молодець,
 Эней Троянецъ,
 Байдакомъ-чайкою керуе вправляе,
 До своихъ бративъ, бидныхъ сироманцивъ,
 Осмаленыхъ, якъ гыря Троянцивъ—
 Зъ тыха щыренько промовляе.
 „Ой вы мыли мон братци,

Преславни лицари Троянци,
 Мене послушайте
 Та про тее дбайте.
 Що якъ намъ на свити Божому про-
 жыты,
 Що не маемо на плечахъ свитыны,
 А ни сорочки зайвон, ни кожушыны...
 Що жъ мусымо, братця, по сему
 вчыныты?

Ой якъ загулы, якъ загомонили,
 Лицари Троянци обгорили:
 Хай думае гадае,
 Та про добре дбае,
 Самъ панъ Эней, бо винъ же мо-
 торный,
 Завзятищый въ свити видъ усихъ
 бурлакъ,
 На всяке дило вдатный и проворный,
 Бо винъ же лицаръ, хочъ куды ка-
 закъ.

Ой якъ защебече, мовъ бы въ лузи
 птахъ,

Добрый молодець,
 Эней троянець.

Гей, не сумуйте въ обидраныхъ латахъ,
 Зпершу пийте, братця, добре гуляйте,
 Мене Энея, лицаря послушайте:
 Якъ Богъ допоможе—будемъ ходыть
 въ шатахъ.

Будемъ оксамыты та едвабы драты,
 Та сути грезеты въ онучахъ топтаты.
 Всему панству-товарыству и всему
 поспильству (*Кланяетця*).
 На добре здоровлячко та на многи
 лита.

Троянци (*плаксыво*).

Ой хай тоби хринъ изъ перцемъ,
 Дойнявъ ажъ до самисенького сердца!

1-й троянець.

А ну жъ, веселон ушварь,
 Хто побойчищъ, выходи та вдарь!

(*Выходятъ двое, чы трое троян-
 цивъ и танцюють*).

Хоръ.

Ой дивчына горлыця
 До козака горнетця,
 А козакъ, якъ орель,
 Якъ побачышь такъ и вмеръ.
 Умеръ першый байдуже,
 Умеръ другый байдуже,
 За третего молодця
 Почала я журытця.
 Журылася, журылася,
 Трычи на день молылася.
 Де не взявся молодець:
 „Ходимъ сердце у танець!“
 Танцювала-дриботила,
 Доки нижокъ не втомыла;
 Сила трохи видпочыты,
 Щобъ и знову дриботиты...

Я в а 6-а.

Вбигають Эней и Дидона.

Дидона (*обтрушуецця*).

Ну тай прыдбалы жъ мы роботу,
 Тилькы що выйшлы на охоту,
 Ажъ це гримъ зъ неба: торорохъ!

Эней.

Та й загнавъ насъ въ темный лехъ!..

1-й троянець (*до другого*).

А що въ леху тамъ вдвохъ робылы?

2-й троянець.

А намъ до того, що за дило?

Дидона.

За стиль, за стиль просю гостей!
 Я сяду тутъ, а тутъ Эней. (*Сидаютъ*).
 А вы сидайте, до хто вхвале.

Эней (*дывуетця*).

Та скилькы жъ тутъ пытва и стравы?..

Я в а 7 - а.

Входят Ганна и карфагенянки.

Дидона.

Осьдечкы й Ганнуса, любая сестрычка;
А зъ нею дивчатка й наши молодычкы.

Эней (*чоломкаетця*).

Оце такъ до речи, що загостювалы.

Дидона.

Сидайте, будь ласка! Скыньте пры-
чандалы!

(*Карфагенянки скидають верхню
зайву одежу*).

О тутечкы сидай ось, Ганно.

Эней (*на бикъ*).

Яке жъ дивчатко враже гарне!

Дидона (*огляда ю*).

Въ червоній юпочци баевій,
Въ запасци гарній фанелевій,
Въ стричкахъ, квиткахъ та у намысти!

Карфагенянки.

Щобъ за столомъ сидить та істы,
Це бъ-то за тымъ прийшлы мы въ
гости?

Нехай іство вже вашій мосци,
А намъ музыки хай заграють;
Нехай соби ти кулыкають
Кому кортыть пытво кружать,
А намъ кортыть потанцювать.

Эней.

Оце то справди ричъ до дила.
А ну, Ганнулько чорнобрыва,
Потанцюй лышь выкрутасомъ
Передо мною, выхылясомъ!..
И я вже врижу гайдуга!

Дидона (*до Ганны*).

Ну жъ, хай пидкивки забрызчатъ,
Жыжки видъ танцивъ задрижатъ,
Розворушы лышь юнака!

(*Музыка гра. На першимъ плану
Эней зъ Ганною танцюють, други
въ глыбыни. Дидона выйшла*).

1-й троянецъ.

Энею, шпарчъ! Оттакъ, оттакъ!
Зберы мерщій матню въ кулакъ!..
Ей-ей же гарно! Молодець!..
Мовъ, на аркави жеребець!

Я в а 8 - а.

Входят Дидона.

Дидона (*уздрившы, що Эней вже над-
то умызгаецця биля Ганны, пускае
горщыкъ зъ вареною и розлива. Тан-
ци кинчаютця*).

Посудыну другу мерщій, гей, внесите!
Вси фельжанкы въ руки берите.

Ну жъ, пилса танцивъ хыльнитъ ва-
ренухы,
Пытво це годытця пыть на потуху.

(*Налыва всимъ фельжанкы*).

1-а карфагенянка (*дивлячысь на
Эней*).

Та й бравый вражий козарлюга!

2-а карфагенянка (*на бикъ*).

Варену дме, не мовъ пьянюга!

3-я карфагенянка (*итовха 4-у*).

Ты прыдывысь який парныще,
Варону такъ, якъ брагу хлыще!..

2-а карфагенянка.

Мутыть, мовъ на сели москаль.

1-а карфагенянка.

Не взявъ-бо хринь его, моторный,
Хысткий, цикавый и проворный!..

2-а карфагенянка.

Обидранный який, ажъ соромъ глянуть!

3-я КАРФАГЕНЯНКА.

А очи, такъ до себе й тянуть!..
Коло Дидоны завозывся,
Якъ зъ оселедцемъ сирый кить...
И до Гандзюльки такъ уівся,
Що ажъ зъ чола закапавъ пить!..

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

Сама гляды не закохайся?

3-я КАРФАГЕНЯНКА.

Частишь на себе оглядайся!

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

Я байдуже!

3-я КАРФАГЕНЯНКА.

Та не дуже!

1-а КАРФАГЕНЯНКА.

А ну, заведитця
Та ще поскубитця!

2-а КАРФАГЕНЯНКА.

А Дидона не заюрыла?
Горшокъ зъ вареною розбыла!

Дидона (*плеще въ долони*).

И пыть будемъ, и гулять будемъ,
А смерть прыйде померать будемъ!

Хиба мало ще я

Бидна сумовала?

За те жъ вже тепера

На рикъ загуляла!

Давайте у Панаса граты,

Я хочу де кого ввійматы. (*Завязуе
собѣ хусткою очи*).

1-й ТРОЯНЕЦЬ.

Хто въ хрещыка, чы въ горюдуба!

2-й ТРОЯНЕЦЬ.

Я згоденъ гуляты до мокрого чуба,
Тнлькы неодминно въ джгута.

3-й ТРОЯНЕЦЬ.

Хто у хлюста, ходитъ сюда!
(*Розбиваютьця на группы и грають*).

Пьяный ТРОЯНЕЦЬ (*цилується зъ
карфагенцемъ*).

Якъ тилькы я тебе уздривъ,
То такъ якъ брата полюбивъ!

КАРФАГЕНЯНИНЬ.

А я, якъ сему въ себе выльвъ,
Ну такъ и рве мене до спививъ!

(*Дидона почына ловитъ зъ завязанымы очыма*).

Эней (*у бикъ*).

Догадуюсь чого Дидона хоче!
Пожды жъ, тебе я заморочу.

Дидона (*впіймала когось*).

Ага, впіймала!

Эней.

Не мене!

Дидона.

Пожды впіймаю я й тебе.

Эней.

Ни, мосци пани, я хытрищый.

Дидона.

И дыкый кинь спершу басуе,
Лома голобли, коверзуе,
А потимъ стане найсмирнищый.

(*Повертається на мисци и захопыла
Эней*).

А що, кого це я впіймала?

Эней.

Ну що жъ, моя черга настала. (*Хоче
завязаты очи собѣ*).

Дидона.

Ни годи, годи вже жмурытысь. (*Вырыва у его хустку*).

Въ тиснои бабы садовитесь!

Або тнить скрипки та цымбалы,

Бо ще жъ-бо а й не танцювала!

(*Музыкы грають, вси stannoть въ коло, Дидона зъ Энеемъ въ середыни*).

Ой на двори метельця
Чому старый не женытця?

Ой якъ мени женытыся,

Буде стара сварытыся.

(*Дидона зъ Энеемъ танцюють на втрысядкы*).

Перемина.

(*На подвірри у Дидоны. Хоромы, садъ, повиткы, конюшни, баиты и скырта кырычу*).

Я в а 9-а.

Эней (*иде до прызьбы*).

Оце якъ въ брази покупавсь,
То наче трохы видпустыло;
А то пидъ груди пидвалыло,
Не мовъ бы хто въ жывить забравсь
И такъ винъ тамъ запорядкувавъ,
Що ледве бувъ я не пропавъ!.. (*Огляда себе*).

А ловкенько такы прыбрався,

Мовъ парубійка до дивокъ.

Дидони дяка, пидослала,

Що видъ покійнычка украла:

Галанци й пару чобитокъ,

Сорочку и каптанъ зъ кытайкы,

И шапку, поясъ зъ каламайкы,

И чорный шовковый платокъ.

Я в а 10-а.

Дидона и Эней.

Дидона.

Здоровъ, козаче, якъ ся маешь?

Эней.

Спасыби, сердце, живемо,

Та хлибъ, якъ кажуть, жуемо.

А ты, якъ, пани, поживаешь? (*Цилуе у неи руку*).

Дидона.

О, гарно, гарно! Рада дуже,
Що на похмилечко байдуже.

Эней (*сміється*).

Де тамъ байдуже, пани, ни!
Страхъ якъ шумило въ голови.

Дидона (*пидморгнула*).

Ну, ты жъ, козаче, й выкрутась!

Эней.

А ты не хытра? Знайшла грыще,
Щобъ била тебе бувъ я блыжче,
Другыхъ очыма щобъ не пасъ—
Въ тиснои бабы граты стала?

Дидона.

Колы бъ тебе не сподобала,
На вищо бъ стала те робыть?

Эней (*обнима Дидону*).

Разомъ.

Тоби я радый догодыть,
Якъ найлюбище. Весь я твій!

Дидона.

Тоби я рада догодыть,
О, велетне! Кумыре мій!

Дидона.

Разомъ.

О якъ же безъ мира тебе я кохаю,
Для тебе, серденько, весь миръ за-
Эней. нехаю!..

Зъ тобою жыты, зъ тобою вмерты,
Дылытысь щастемъ до краю, до смерты.

Дидона.

Зостаньсь, соколоньку, самъ тутъ на
хвылыну,
Тужъ тужъ я до тебе, голубкой пры-
лыну.

Пиду, звелю знову бенкетъ готувати,
Хочу тымъ бенкетомъ весь миръ зды-
вувати.

Дидона.

Мій соколе ясний!

Эней.

Моя зозуленько!

Дидона.

Друже мій прекрасний!

Эней.

Мое ты серденько!

Разомъ.

О якъ же безъ миру тебе я кохаю
и т. д.

(Дидона поцилувавши его, хутко
пишла).

Эней.

Одначе закуривъ,
Ни якъ и не охаюсь:
Якъ въ масли сыръ купаюсь,
Мовъ розумъ весь пропывъ!..

Я в а 11 - а.

МЕРКУРІЙ (*іде зъ неба тройкою коней*).

Зъ горы, бачъ, брыкае,
Капосна кобыла!
Колы бъ, бува, воза
Въ цуры не побыла. (*Пидбига до
Энея*).

А що ты робышь тутъ, псяюхо,
Невже и досы пьешъ сывуху?
Мене ты певно и не ждавъ?
А ну жъ-бо, швидче убирайся,
Зъ Дидоною не женихайся,
Зевесь похоть тоби сказавъ.
Задасть тоби винъ халазію,
Винъ зъ тебе выдавыть олію!

Эней (*жаснувся*).

Отъ штука! Оттака ловысь!..

МЕРКУРІЙ.

Гляды жъ, сегодня щобъ убрався,
Щобъ ныщечкомъ звидциль урвався,
Мене у друге не дождысь.
Оце й наказъ тоби увесь! (*Пишовъ,
потимъ вертається*).

Найскорше жъ звидцы уплитай
Та Рыма строиты чухрай,
А то залигъ, мовъ въ груби песь.
(*Сивъ у визокъ*).

А ну, гниденька, бадерысь.
Прощай же. Туткы не барысь!

Эней (*самъ*).

Мовъ сердце вырвавъ Зевсь у мене.
Прощай Дидоно й Карфагене!.. (*Зит-
хнувъ*).

Треба троянцивъ позбирати,
Швидчъ втикаты зъ теплои хаты.
Ов-ва! У мене зъ переляку,
Ажъ зъ носа потекла кабака!..

Я в а 12 - а.

Троянцы и Эней.

1-й троянецъ.

Ходимъ, почнемо знову пыть!..

2-й троянецъ.

А гарни тутъ дивчата й молодыци!..

3-й троянецъ.

Гайда сегодня зновъ на вечорныци!

Эней (*гризно*).

До човнивъ швидче, въ одну мить!
Зевесь втикаты намъ звеливъ,
Меркуръ такъ заразъ сповистывъ!

Троянцы (*зъ жалемъ*).

Колы бъ знатте, що такъ вчынытця,
Було бъ до завязкы допытця!

2-й троянецъ.

Отъ тоби дивчата й молодыци.

3-й троянецъ.

Мынулись наши вечерницы.

1-й троянецъ.

Наибольшъ шкода пытво кыдать!

2-й троянецъ.

Хочъ бы его зъ собою взять!

Эней.

Идите швыдчъ и не шамаркаты!

Троянци.

Поїдемъ зновъ по морю каркаты!
(*Пшиллы*).

Эней.

Не знаю, чы до ночи ждаты,
Чы заразъ полы пидобраты?

Я в а 13-а.

Входе Дидона.

Дидона.

Чого смутный? Може хвороба?

Эней.

Та такъ, неначе щось утроба...
Прылигъ бы трохи я спочыты,
Щось почало о тутъ точыты.

Дидона (*побачыла троянцызъ, котри
пшиллы до човниызъ*).

Чого то хлопци почвалалы
До моря?.. Що воно за знакъ?

Эней.

Пославъ ихъ оснащаты байдакъ.

Дидона (*зъ лякомъ*).

На вищо?

Эней.

Довго й такъ гулялы,
Забудутъ муштру... Щожъ тоби?

Дидона.

Ты правду кажежъ це мени? (*У бижъ*).
Чы не задумавъ утекты?

Эней.

Дыдосю, ты мене прости!..
Ой, ой! пидъ серцемъ занудыло..

Дидона.

Стрывай, у мене е кадыло,
Якъ пидкурю та пошепчу... (*Пшилла*).

Эней.

А що, якъ заразъ я втечу?
Прощай, чаривная небого! (*Зит-
хнувъ*).

А ну, мерщій давай Богъ ноги! (*Ви-
жыть*).

Я в а 14-а.

Дидона (*хутко хата Энея за чуба*).

Постій брехливый, вражий сыну!
Зо мною перше расплатысь,
Бо задушу якъ злу лычыну!..
Ось ну лышъ, тилькы ворухнысь!
Оттакъ за хлибъ, за силь ты пла-
тышь?

Прывыкъ зъ усихъ ты насмихатысь,
Роспустышь славу по мени!
Зогрила въ пазуси гадюку,
Я сердце виддала на муку...
Кому жъ я виддала?.. Свины!..
Згадай, якимъ прыйшовъ до мене?
Сорочки не було у тебе...
Чы знавъ ты, що такое гроши?
Мавъ безъ матни одни колоши
И тилькы слава, що въ штанахъ!
Свытына вся була въ латкахъ.

Эней.

Що бидный я, то то не соромъ!..
А що жъ зроблю я зъ своимъ горемъ?
Бачъ, Зевсъ Меркурія приславъ
Щобъ звидцы я мерщій вдыравъ!..

Дидона (*рыдаючы*).

Чы я у чимъ не догодыла,
Чы маты вже шепнуть поспила,
Щобъ тутъ ты, гаде, не сыдивъ?
Чы може трясця захотивъ?
За кучму цю твою вельку,
Якъ дамъ тоби ляца я въ пыку,
То тутъ тебе излыже й чортъ!
И очи выдеру изъ лоба
Тоби, дьявольска худобо,
Трясесся, мовъ зимою хортъ?

Эней.

Та чимъ же я, голубко, выненъ?..
Такъ Зевсъ звеливъ... И я повынанъ...

Дидона.

Мандруй до чорта ты зъ рогамы,
Нехай тоби прыснитця бись!..
Зъ твоимы сучымы сынамы,
Щобъ врагъ побравъ васъ всихъ
гульвись!

Ой горе, горенько мени,
Нещасній, бидній удови! (*Рыдаючы
закрыва лице руками*).

Эней (*у бикъ*).

Яка жъ оказія погана...
Щобъ не дали ще прочухана! (*Вти-
кае*).

Дидона (*оглянулася*).

Нема уже?.. Уже пишовъ?!..
Бодай ты наглу смерть знайшовъ!

Я в а 15 - а.

Ганна (*вбигае*).

Зибралысь гости и мы тутъ.
Заразъ музыкы заревуть!..
*(Ды-
вуетця)*.

Та що таке тутъ зъявылось?
Чого ты плачешъ, що вчынылось?

Дидона.

Ганнусю, рыбка, душко, любко,
Рятуй мене, моя голубко.
Охъ, я жъ пропала вже на вигъ!
Эней покынувъ мене бидну,
Якъ паплюгу яку послядню!

Ганна (*жашнулася*).

То жъ лютый звиръ...не чоловікъ!

Дидона.

Нема у серця мого сылы,
Щобъ я могла его забыть.
Могыла мій надежный путь!..

Ганна.

На вищо заразъ и могыла?..
Бодай Энея трясця вбыло!

Дидона.

Я все для его потеряла,
Людей я, славу занедбала!..
Боги! я зъ нымъ забула й васъ!

Ганна.

Утыхомырся жъ хочъ на часъ?

Дидона.

О, пущьвирынку, Купыдоне!
Любуйся, якъ Дидона стогне!..

Ганна.

Та годи тяжко такъ вбыватысь!

Дидона (*зупыняється*).

Такъ, такъ... Охъ, годи!.. Я хочу зо-
статысь
Сама... Иды звидциль, сестрыце...

Ганна.

Такъ сумоваты чы годытця?

Дидона.

Ни, ни!.. Я смутокъ зальшу.
(Обійма Ганну).

Иды жъ звидциль, иды... Прощу!

*(Дае рукою знакъ, щобъ Ганна
йшла. Подумавшы).*

Такъ и зроблю, якъ вчышь ты, сердце!
Бо знаю—горе не мыветця!..

Такъ, такъ... Ось осьдечки кресало
И клочья въ меңе е чы мало.

А онъ въ костри кырпычъ сухенькый,
Якъ порохъ, знаю, винъ палкенькый.

Скоришь костерь той запалыты,

Бо вже мени не животиты!..

*(Креше вогонь, потимъ въ клочки
роздува).*

Палай же полумне на дыво,

Мене щобъ раптомъ обхопыло!..

*(Кыдае верхню одѣжу въ огонь и
сама кыдаеця въ него).*

Прощай ты, зрадныку проклятый,

Нехай тоби боги видплатять!..

Я в а 16-а.

Ганна и нарфагеняне *(гуртомъ вби-
гають).*

Хоръ.

Гуртомъ мы звеселымъ царыцю!

Ганна *(побачыла).*

Горыть? Вже мертва? Подывитця!

Вси.

Щобъ вискъ горивъ и не згоривъ

Той гадъ, що зражуе бабивъ.

Пизнайте молодыци гожи,

Зъ Энеемъ вси чортяки схожи!

(Здалеку чутно писню троянцевъ).

„Ой бре море, бре!..

З а в и с а.

Д і я 3-я.

Д і є в и л ю д е.

Царь **Ацестъ.**

Царыця **Мира.**

Сыцилійскыи вельможи и сыцилійци.

Даресъ {
Ентель { борци.

Я в а 1-а.

Троянцы *(пльвучы моремъ, спивають).*

Ой що жъ-бо то та й за крячокъ,

Що по морю крякае;

Ой що жъ-бо то за бурлака

Що всихъ бурлакъ склыкае?

Та збирайтесь, панове-молодци,

Збирайтесь вси разомъ.

Та поїдемъ, панове-молодци,

Ажъ въ той городъ у Азовъ...

Невтесъ.

Мени цей берегъ по знаку,

Звидциль зовсимъ не вдалеку

Невтесъ, троянець.

Тинь Анхыза, батька Энеевого.

Слугы, народъ и воины.

Море. Писчаный берегъ и скелы.

Сыцилія—земля багата,

А ну разомъ наляжъ, хлопьята!

(Гребнулы).

Тутъ добрый царь живе—Ацестъ,

Всего багацько въ его есть.

*(Прычальюють до берега, зъ города
на зустрічъ имъ бижать сыцилійци).*

Я в а 2-а.

Царь Ацестъ, царыця Мира и сы-
цилійци.

Эней.

Здорови будьте, добри люде.

Чы це Сыцилія, пакъ буде?

Ацесть (*выступивъ впередъ*).

Та це жъ вона сама и есть.
Я жъ царь сей земли, Ацесть!

Эней.

Невже? (*Выпльгуге зъ човна и
бижеть до него*).

Якъ такъ, здоровъ бувъ, любый брате.
А я Энеемъ звусь. Чувавъ?

Ацесть.

Я по патрету упизнавъ.
Покорно просымо до хаты.
А це царыця моя, Мира.

Эней (*у бикъ*).

Яка жъ чорнява, та вродлива.
(*До неи*).

Сердечно паню гратолою,
Позвольте, ручку поцилую! (*Цилуге*).

Мира.

Мы дуже ради вашій мосци.

Ацесть.

Въ хоромы просымо йты гостя.
Гей, карбивнычый, передь очи!
(*Вельможя прыбигъ*).

Нагодувать людей робочыхъ...
Всій брати дадутъ хай сала,
Горилки и ковбасъ чымало
И хлиба повне решето.
На полудень дать всимъ тетери
Та розвесты ихъ на кватери
Хай йдутъ, куды потрапыть хто.
(*До Энея*).

Ходимъ, Анхызовычъ, въ хоромы,
Побачышь тамъ, яки мы й хто мы!
А перше выпьемо за згоду,
Всего поспильства й всего роду! (*Пье*).

Эней (*пье*).

Тай крипкый же у тебе медь!
Веды жъ, хазяине, передь. (*Спи-
вають обнявшись*).

Та колы бъ не мы та не вы,
То бъ мы тута не булы, (2 раза)
Горилочки бъ не пылы.
Выпьемъ, друже, по одной,
Потимъ выпьемъ по другій,
Якъ по третій станемъ пьть,
Той четвертой скортыть! (*Пимлы*).

Перемина.

(*Въ хоромахъ у Ацеста*).

Я ва 3-я.

Эней (*прокыдається на похмилле
пидъ лавою*).

Одначе вчора налыгавсь я
Гречаныхъ зъ часныкомъ пампухъ
И пинненькои такъ набрався,
Що думавъ: выпре зъ мене й духъ!..
Щыренько батька помынавъ!
Съ попамы трызну видспивавъ,
Щобъ рай богы души отперлы,
Бо панъ-отець зъ горилки вмерлы...
(*Позиха*). Чогось нечаче болять ноги,
Не чуть ни рукъ, ни головы..
Чы не напали перелогы? (*Загляда
въ дзеркало*).

И очи спухлы, мовъ въ совы. (*Огля-
да себе*).

Та це я зовсимъ не роздигся,
Пидъ лавою въ одежи спавъ?!
И певно дуже изнемигся,
Що ажъ мыслитечко пысавъ?

Я ва 4-а.

Входыть Ацесть и паненята.

Ацесть.

А що, Энею, вже проснувся?

Эней.

Та вже... Ни якъ не видсапнуся,
За серце смокчуть, мовъ глысты...
Ажъ важко голову звесты...

Ацестъ.

То выпый швыдче зъ пивквартивки,
Зъ имбыромъ пинной горилки. (*Слу-
га пидносить*).

Царыця.

Це я сама настій робыла,
Ось покоштуй, чы догодыла?
(*Эней пье*).

Ацестъ.

Я кухоль сыривцю вже втеръ,
Чудово дуже на похмилле!

Эней (*вытыгъ*).

Найкращи ликы—оце зиле.
Спасыби, пани, похмелыла,
Ни що неначе й не болило!.. (*Вид-
кашлявшысь*).

Давайте зновъ гулять теперь!

Ацестъ (*гука*).

Аговъ! Сюды пыва й меды!
Иства и закускы сюды!.. (*Слугы вно-
сятъ*).

Эней.

Я бия пани сяду блыжче. (*Сидя*).

Царыця (*пыта*).

Чымъ можемо забавыть пана?

Эней.

Дозвольте васъ потишыть, пани?

Царыця (*показуе знакъ, що зго-
жуеця*).

Эней (*гука*).

Борчивъ сюды нехай поклычуть.

Ацестъ (*сміеця*).

Нехай, нехай чубы насмычуть!

Эней.

Чы е який тутъ перебіецъ? (*Высту-
па Даресъ*).

Даресъ (*уклоняеця*).

Ось я!

Царыця.

Неначе компаніецъ!

Даресъ.

Даресомъ звуся я, васъ—паны!

А хто е тутечкы, межъ вамы,

Що выйде проты мене бытысь,

Покоштуваты стусанивъ?

Хто хоче пасокою вымысь?

Кому не жаль своихъ зубивъ?

Кому печинокъ не шкода,

Выходьте швыдче милкота!

А нуте жъ, нуте, йдите швыдче,

Сюды, сюды до мене блыжче!

Я бебехы вамъ надсажу.

На очи вставлю окуляры;

Сюды поганци, бакаляры,

Я кожному лобъ розмизжу.

Кому печинокъ не шкода,

Выходьте швыдче милкота!

(*Пауза*). Такъ вы, бачу вси легко-
духы

Вси протывъ мене вы якъ мухы

И пудохветы на голо?..

Эней (*скочывъ*).

Та ще й на свити не було

Такого дужого бурлакы,

Щобъ видъ Ентела винъ табакы

Не нюхавъ, лежачы пидъ нымъ.

Даресъ.

Похвастаемось мы, пане, згодомъ,

Хто верхній буде, хто пидъ сподомъ.

Эней.

Гукните Ентела! Мижъ народомъ

Повыненъ буты, якъ не спыть

Пидъ тыномъ де-небудъ, зъ похмилля.

1-й троянець.

Я видшукаю его въ мить! (*Побигъ*).

Ацестъ.

Побачымъ, що Ентель за зилле?

Я в а 5-а.

Ти жъ и Ентель.

Ентель (*уклонившись*).

Я поедынку не боюсь.

Оце Даресъ! Ну, стійте жъ наши!

Зварю Даресу пану кашу,

Горилки дайте лышъ напыюсь.

(*Пидносять Ентелови казанокъ съ вухы, винз ии однимъ духомъ выпыва. Писля того сплюнувъ и позихнувъ*).

Боротысь будемо, чы бытысь?

Даресъ.

Ни, бытысь!

Ентель (*кладѣ шапку доли*).

Нуте жъ, розступитесь!

(*До Дареса*).

Я ребра тоби поличу!

Зимну всего я на табаку,

На смерть зувичу, мовъ собаку!

Я бытыся тебе повчу!

Даресъ.

Повчышь та тилыкы не Дареса.

Ентель.

Ховайсь, покы що, неотесо,

Бо вже потимъ ты не втечешъ!..

Я роздавлю тебе якъ жабу,

Зимну, зигну якъ холодъ бабу,

О тутъ и зубы ты зитнешъ!..

Тебе дьяволь не впизнае

Зъ кистками проковте й злыгае!..

(*Засукуючи рукави, скрегоче зубами*).

Даресъ (*наступа*).

Зубамы такъ не скрегочы,

Бо не злякаешъ.

Ентель.

Лопочы,

Доки языкъ не занимивъ.

Даресъ (*бѣе его*).

На жъ ляпаса! А що изъивъ?

Ентель (*перевернувся, але устоявъ на ногахъ*).

Не такъ-бо бьешъ, а ось якъ треба!
Держысь же чортова незгребал! (*Бѣе его*).

А що, вхопывъ видъ мене здачу?

Даресъ (*захытався*).

Охъ, що це? Свита я не бачу!..

Зъ очей мовъ искры полетили!

Ентель.

Зносы здоровъ, земляче шырый! (*Даресъ упавъ*).

Эней.

Ай да Ентель.

Царыця (*плеще въ долони*).

Козакъ на диво!

Ацестъ.

Загнавъ Дареса, мовъ у слывы!

Мерщій Дареса пидіймить,

На свижий витерьъ видведить,

Щобъ швыдчъ видъ ляпаса прочхавсь.

(*Дареса выносятъ*).

Эней.

Ентеле! На жъ ось на табаку
Тоби цилисеньку грывняку. (*Дае*).

Ацестъ.

Козакъ! (*Дае ему грошей*).

ЦАРЫЦЯ (*тежъ дае гроши*).

На славу показавсь!

Эней (*гука*).

Ведмедивъ прывесты звелить!..
Лытва нехай въ сурмы сурмыть!
(*До Ацеста и царыци*).

Вы лытвынивъ ще не выдады?
Побачыте, якы невадали...

Я в а 6 - а.

Ти жъ и троянецъ.

Троянецъ (*вбѣги до Энея*).

Невже не знаешъ, що вчынылось?
Якась лычына нарядыласъ
Въ лукаву видьму, злу Берою,
Що зъ Трон мы веземъ зъ собою,
Прыйшла до нашихъ молодыцъ,
Пыригъ имъ въ руки заразы тыць.
„Не нудьтесъ, каже, молодыци
И вы, дивчата билолыци!
За горе треба платыть горемъ...
Насъ чоловикоу лышь морочать,
Симъ литъ, якъ по моряхъ волочать,
Та докы жъ мы мовчать имъ волымъ?
Прыймимось за човны та спалымъ,
То мовъ на лидъ мы ихъ поставымъ?“...

Эней.

А потимъ, потимъ? Ну, що жъ дали?

Троянецъ.

Дывысь, вже небо все въ пожари.
(*Кризъ викиа выдко пожежу*).

Эней (*крычыть*).

Чымъ дужчъ до човнивъ поспишайте,
У щентъ згориты не давайте!
(*Виготня*) Це все Юнона хортувата,
Зъ мене, знуцаетця проклята!
(*Гука*). Нехай на гвалтъ у дзвоны
дзвоняць,
По вулицяхъ въ клепала бють,

Пужарни коней хай выводять,
Та запрягають якъ небудь!..

Вси.

Рубай, гасы, тягны, лый, куйте!..

Эней.

Хто въ Бога вируе, рятуйте! (*Вси
побиглы*).

Перемина.

На берези моря горять байдакы).

Я в а 7 - а.

Эней, троянци и народъ.

Першый.

Воды давай! воды, воды!

Другый.

Туды не треба, дай сюды!

Третій.

Оттуть скорійше полывай.

Четвертый.

Валяй, ламай, рубай, давай!..

Эней (*крычыть*).

Бабивъ бы слидъ скупаты въ мори,
Щобъ звидалы почимъ кившь горя!..

Ацестъ (*до скарвивнычого*).

А дежъ пужарни,
Чомъ не залывають?

Скарвивнычый.

Брандзбой поламався
И кышку латають!..

Ацестъ.

А бочки де?

Скарвивнычый.

Вси вытикають...

Мочылы, мочылы
Ни, не замокають!..

Ацестъ (*хапається за голову*).

Мочылы тилькы морды,
Прокляти мочыморды!
Одни ремонты що года!
Зъ такымы слугамы беда!..
Пидь судъ усихъ васъ упечу!
(*На бикъ*). Мерщій видь сорому
втечу! (*Пишовъ*).

Эней (*зъявъ очи до неба*).

Гей ты, проклятый старыганю,
На землю зъ неба не зыркнешть!
Чы чуешъ, якъ тебе я ганю,
Зевешъ? И вусомъ не моргнешть!
На очахъ бильма поробыльсь?
Колы бь до вику послыпыльсь,
Що не поможешъ ты мени!..
Я жь, кажутъ, ще й онукъ тоби!
(*До моря*). А ты, зъ сидюю бородою,
Пане-добродію, Нептунъ?
Сыдышь, мовь демонъ пидь водою,
Изморщывшысь, старый шкарбунъ.
Трезубецъ щобъ тоби зломывсь!
И братикъ вашъ, Плутонъ поганецъ,
Изъ Прозерпыною усивсь,
Пекельный, гаспидськый коханецъ.
Ще била неи не нагривсь?
И ненечка моя ридненька,
У чорта десь теперъ гуля...
Теперъ ій мабутъ не до-солы,
Пидтыкавши десь може полы,
Фурцюе добре нависна!
На це вона то поспинна!..
Та врагъ беры васъ, що хотите,
Про мене те соби й робить,
Мене на лидь не посадите,
Пожежу швидче загасить.
Пустите зъ неба веремію
И покажите чудасію,
А я вамъ пиднесу ралець! (*Дошъ,
блыскавка, буря и гримъ*).
Ага, дочульсь на останьци,
Якъ вже нема чого й гасыть?
Спасыби вамъ, хаптуробравьци! (*Мах-
нувъ рукою*).

Не варта васъ було й просыть.
Тай пороснувъ, неначе зъ бочки!
Геть промочывъ ажъ до сорочки.
Куды бь же тута утекты? (*Лизе
въ куринь*).
Вь куринь мерщій. (*Огляда себе*).
Увесь якъ хлющъ!
А флотъ? Хочъ прямо очи сплющъ!..

Невтесъ (*входе въ куринь*).

Чого такъ тяжко засмутывся,
Надувся справди, мовь гындыкъ?
Не мовь охлявъ, чы зажурывся,
Якъ по болотови кулыкъ?
Чымъ бильшь журытысь, то все гирше.

Эней.

Нема на чимъ пливты вже бильше!

Невтесъ.

Отъ же послухай. Я не певный,
Усимъ видьмамъ, пакъ, родычъ кривный:
Отъ тряси вмю зашептаты,
Кровъ хрыстыянську замовляты,—
Бувавъ я скризъ. Разъ не одынъ
Ходывъ по рыбу, ажъ на Динь;
Ходывъ разъ пять по силъ у Крымъ,
Вси знаютъ хто такой Охримъ...
Покынъ журытысь и заплую.
Оттуть вкладайся заразь спаты,
А потимъ будешъ вже гадаты,
Спочынъ спершу, потимъ миркуй,
Вирь, въ ранци краще нижъ въ ночи,
Змизкуешъ все, не спшучы.

Эней.

Ты правду кажешъ, мій ты друже!
Я стурбовався надто дуже.
Гараздъ, я заразь ляжу спать,
Колы бь зъ годинку задримать...
Ще разъ спасыби за порадю.

Невтесъ.

Отъ небеса вже шлють видраду,
Дошыкъ и крапать переставъ. (*Вы-
ходять*).

Эней.

Зъ журбы хочъ люльки посмоктать.

(Креше вогонь и закурюе. Почына дримать).

Не знаю, що такє й почать?

Изъ флота вугиль одынъ ставъ...

(Тыхо стива). „Гей, гей! Та хто жъ
лыха не знае,

Та нехай винъ мене спытае. Гей, гей!

Гей, гей! Та журба мене зсушыла,

Та журба мене звьялыла. Гей, гей!

(Засыпа).

Я в а 8 - а.

*Тинь Анхыза (зъявляеця у мислце-
вымъ проминни и зупыняеця на
порози куриня).*

Прокынься, мыее дятятко!

Пробуркайся, просысь,

Се твій прыйшовъ до тебе батько,

Та не сполохайсь, не жажнысь.

Мене боги къ тоби послалы

И такъ сказаты прыказалы,

Щобъ ты вже бильше не журывсь:

Пошлють тоби щаслыву долю,

Щобъ учынивъ ты божу волю

И швидче въ Рымъ переселывсь.

Зберы жъ човны, яки zostалысь,

И заразъ гарно ихъ оправъ,

Придержъ своихъ, щобъ не впывалысь,

И швидчъ Сыцилію оставъ.

Плывы и не журывсь, небоже!

Теперь тоби скрызъ буде гоже.

Та ще послухай, що скажу:

Щобъ въ пекло ты зайшовъ до мене,

Бо дило есть мени до тебе,

Я все тоби тамъ покажу.

И по Олимпьскому закону,

То пекла ты не обмыношь—

Бо треба кляватысь Плутону,

А то и въ Рымъ не доплывешъ.

Побачышь, якъ живу и я.

А за дорогу не турбуйся,

До пекла на впростоць прямуйся—

Пишкомъ, не треба и коня.

Прощай же, сызый голубочокъ,

Прощай, мій любенькый сыночовъ!..

*(Счезае. Свитае, чутно якъ пивни
спивають).*

Эней *(схопывся).*

Мій батечко бувъ заразъ тутъ!

Звеливъ мени збиратысь въ путь!..

О, заповидь твій выконаю

И заразъ човны посправляю!

(Гука). Гей громадяне! Гей, юнацтво!

Збирайтесь жывее козацтво,

Почнемъ човны мы лаштувать

Та звидциль дали прямувать!

Я в а 9 - а.

*Троянцы (сходятыя зъ усихъ сто-
ринъ).*

И зновъ въ походъ, и зновъ у море!

Богамъ гранне, а людямъ горе!

Намъ море такъ вже надоило,

Що краще хай боги бъ звелилы:

Земельку де небудь обратъ,

Почать бы сїять та орать...

И зновъ походъ, и зновъ у море!

Богамъ гранне, а людямъ горе!..

З а в и с а.

Дія 4-а.

Дієви люде.

Сывылла.
Анхызъ.
Дидона.

Палынуръ }
Мусій } троянци.
Терешко }
Мертвецц.
Харонъ.

Поле. Въ глыбыни мріє городъ. Свитає. Десь далеко співають: „Наступає чорна хмара“.

Ява 1-а.

Эней (*иде зъ города, зупынывся и роздывляеця*).

Хай бенькетують тамъ хлопьята,
А я наважывсь пошукаты,
Щобъ хто ту стежку показавъ,
Якою панъ-отець сказавъ
Прямиць до пекла мандруваты.
(*Роздывляеця*).

И пить вже капає изъ чуба,
А я все стежки не знайду.
Хиба нты до того дуба?
А ну туды ще побреду. (*Иде*).
Стрывай! А що жъ то манячыть?

(*Зъ глыбыни підсовуеця напередъ хатка*).

Якась хатына обвотпала,
На нижци курячій стоить. (*Хатка
почына вертитысь*).
О, бачъ! кругомъ вертитысь стала!
Пиду мерщій до тін хаты,
Хазянина почну гукаты. (*Хатка зо-
всимъ наблыжаеця*).
А выйды зъ хаты хто небудь!

(*Хатка зупынылась, винъ почына
стукаты у двери*).

Невже въ цій хаточци живуть?

Ява 2-а.

Сывылла (*выходыть зъ хаты. Ряба,
беззуба, горбата, въ жовнахъ. въ
шрамахъ, коса и простоволоса*).

А хто тутъ стука, обизвысь!

Эней (*здригнувъ*).

Гыдка жъ яка, хочъ не дывысь!

Сывылла (*уздрившы его*).

Гай, гай же! Слыхомъ послыхаты,
Анхызенка у вичъ выдаты!
Мени вже розказали зъ неба,
Чого тобі пыленько треба, —
Отець твій бувъ у мене тутъ.

Эней.

Якъ, паниматко, тебе зовуть?

Сывылла.

Я кумська зовусь Сывылла,
Ясного Феба попада,
Пры его храми посывила
Давно жыву на свити я.
У шведчяну ще дивувала,
А татарва якъ набигала,
То вже я замижня була.
И першу сарану зазнаю,
Потемку Князя памъятаю
И Хмеля знала Богданя.
Ходимо жъ, хлопче, мы въ каплицю,

Тамъ Февови ты поклонись,
Пообицйяй ему тельцю,
А потимъ гарно помолысь:
Та и мени що перекунь,
То мы тоби такы шось скажемъ
И може въ пекло шляхъ покажемъ.
Иды жъ, утрысь и бильшь не слынь.

*(Двери видчыняютьця, тамъ выдко
фыгуру Феба п курьльныци по бо-
кагъ. Эней падае на вколюшки и
почына поклоны быць. Сывылла па-
дае, и почына качать по доливци,
мордувать, якъ ото бува чорна бо-
лестъ, у неи котытця зъ рота
нина).*

Эней.

О ты, преславный, свитлый Фебе!
Молю, зъ блакытного ты неба
Вельку ласку покажы:
Мени путь правый укажи.
Снмь литъ по свиту я блукаю,
Своеи доленькы шукаю,
Якъ той чумакъ, що по Дону,
Блукавъ симъ литъ безъ талану...
И де та доленька? Не знаю,
Чы я жъ ии колы спизнаю?

Сывылла *(пиднялась)*.

Така богивъ Олимпськихъ рада,
Що ты и вся твоя громада—
Не будете по смерть въ Рыму;
А все жъ тебе тамъ будутъ знаты,
Твое именная выхваляты.
Але жъ не радуйся цему,
Бо ще ты выпьнешъ добру повну,
Спизнаешъ долю невгомону,
Юнона ще не вдовольнылась,
Ще злысть ии не окошылась.

Эней *(дыветця)*.

Не розчовпу, що ты пророчышь!
Чы може ты мене морочышь?
Але що буде те и буде,

Таланъ шукать свй мушу всюды.
Мене до батька проведы.
Скоришь на зори погляды,
Тай и майнемъ. А для охоты,
Я дамъ тоби на дви охвоты.
Та ну жъ, кажы вже, не марудъ.

Сывылла.

Вогнемъ, дытныно люба, граешъ,
Ты пекла, певно ще не знаешъ,
Гляды жъ, слухвянымъ мепи будь.

Эней.

Кажу, до батька швыдчъ веды!

Сывылла.

Щобъ потимъ не жаливъ, гляды!
Такъ слухай же, що я скажу.
У пекло стежку покажу,
Але першь мусышь те здобуты,
Безъ чого въ пекли намъ не буты:
Въ лису велькому, густому,
Въ непроходимому, пустому,
Хальмазне дерево росте;
На нимъ кыслыци не простыи
Ростуть, якъ жаръ все золотын;
И деревце те не товсте.
Изъ дерева цего зломыты
Ты мусышь гылку хочъ одну,
Безъ неи-бо и пидступыты
Не можна передъ сатану.
Зломывшы жъ, звидты убирайся,
Якъ мога швыдчъ назадъ тикай,
Не зупыняйсь, не оглядайся
И уха чымъ позатыкай.
Теперь пазадъ ще обернысь,
На зирку тую подывысь. *(Эней огля-
даетця, Сывылла провалюетця)*.

Эней *(повернувся)*.

А де жъ це попада подилась?
Не мовъ кризь землю провалылась!
Пиду жъ шукаты деревыну—
Або знайду, або загыну. *(Иде)*.

Перемина.

Зъявляеця лисъ.

Эней.

Чого це въ очахъ такъ засяло,
Неначе хто креснувъ кресаломъ!..
Чы ба!.. Та осьдечкы жъ кыслыця,
Ачь якъ блещыть, не мовъ зирныця!
(*Хана за гылку и видчаха*).

Теперь мерщій назадъ изъ лиса.
(*Бижыть и чепляеця за дерева*).
Тай колючокъ же тутъ до биса!
(*Зъявляеця передъ нымъ Сывылла*).

Сывылла.

Моторный зъ тебе молодець!
Ходимъ же въ пекло, твій отецъ
Давно тамъ насъ вже дождае,
Безъ тебе тужыть, та скучае,
А ну жъ пора, чемчикувать.
Ось на дорогу хлиба-солы, (*дав клу-
нокъ*).

Щобъ намъ не здыбать злои доли
Та съ голоду не повмирать.
Я въ пекло стежку протоптала,
Вже тамъ не разъ, не два бувала.

Эней (*пидтыкуе полы и бере дрю-
чокъ*).

Визьму добрячу я дрючыну.
(*На бикъ*). Оборонять сиду лычыну,
Якъ лучытця де видъ собакъ.
Идемъ на прощу до чортякъ!
(*Взялысь за руки и пишлы*).

Преддверіе ада.

Я в а 3-я.

Эней.

Що то воно стовбычыть тамъ,
Якъ нызько кланяеця намъ?..

Сывылла.

Не намъ, а дереву цему;
Не въ насъ тутъ сыла, а въ ему.
(*Показуе*).

Ото одна стоить Дримота,
Друга сестра ин Зивота.

Эней.

А то кистякъ на калавури?

Сывылла.

То смерть до артыкулу
Косою честь намъ виддае.

Эней.

И тутъ, якъ бачу, муштра е!

Сывылла.

А то, чума, харцызство, холодъ,
Війна, короста, парши, голодъ,
Киръ, виспа, шолуди, бешыха...
И вси мырянськи злыдни й лыха!

Эней.

А то якись, неначе типи?..

Сывылла.

То мачухы, свекрухы зліи.
На перевизъ уси прямують;
Тутъ инчи по сто литъ бидують,
Чекаючы чергы свои.

Эней.

И тутъ безъ хабаря не тее?

Сывылла.

А дали онде пысарн,
Ачь, якъ жууть въ зубахъ папиръ?
Ото все соцьки, та десятцьки,
Началныкы все наши хвацьки...
Судци, повиренни брехлыви.
И вси що совистю кривылы.

Эней.

А то жъ сыдятъ що за понуры,
Зложывшы руки на живить?

Сывылла.

Лысычи все ото натуры:
Слова якъ жаръ, а въ серци лидъ.

Эней.

А то, що въ гору нись пиднявъ,
Якъ нюха?

СЫВЛЛА.

Звався доізжачый!

Алежъ винъ понюхъ мавъ ледачый
И вольный духъ заборонявъ,
Не такъ у людяхъ, якъ у тисти.
Разъ розиславъ винъ таки лысты:
„Не ставыть хлѣбъ на вольный духъ!“

Эней.

А генъ ще дали, що за зухъ?

СЫВЛЛА.

Ото, що довга голова?

Эней.

Эге жь! Якъ призвыще того?

СЫВЛЛА.

Ни, не назву тобі его,
Щобъ не пидслухавъ хто бува...
Онъ тихъ звать можна, то мандрехы.

Эней.

Ихъ тутъ зибралося не трохы?!

СЫВЛЛА.

Теперь ця печысть розвелась
И тутъ до биса, якъ и въ насъ...
Що дня свить сонця зустричалы,
А потимъ спаты вже лягалы,
Та й спалы до обидъ. А къ ночи
Малювалы бровы й очи,
Щобъ по садку зновъ похожать,
Хлопьять вечерять зазывать...
Вси зъ вечора у гуртъ збиралысь
Спивать, и пидіймалы галась
Такый, що краще бъ не спивалы.
Писля того ишлы въ бухветъ,
А изъ бухвета въ кабынетъ,—
Де лоботрясыкы, що ночи

Все грошамъ протырають очи,—
И тамъ до свита горла дралы!..

Эней.

Вси зъ стрыженымы головами,
Съ пидризанымы пеленамы.

СЫВЛЛА.

Тутъ всихъ ихъ митять на голо!

Эней.

А тамъ онъ щось ажъ загуло!

СЫВЛЛА.

Ото жъ видьмы все, упыри,
Зъ рогамы, наче ти туры,
Русалкы зъ довгымы косама,
Гадюкы зъ острымы жалама,
Огненныи зъ крыламы зми,
А онъ горбати, то Коцин...
А то не насъкы вже: Гаргоны,
Кинтавры, Грыфы, Гарпагоны...
Загаялысь, ходимъ впередъ.

Эней.

Онъ ричечка и очереть...

Перемина.

Я в а 4-а.

Ричка Стыксь.

*Харонъ на човни иде, чорный якъ
цыганъ, засмальцеваный, кудлатый,
у постолахъ; билая пояса: люлька,
гаманъ и прычандалы.*

Мертви.

Хароне, дидусю старенькый,
Перевезы насъ, мы жъ легеньки;
Давно тебе мы вже благаемъ,
До тебе руки мы здіймаемъ,
Визьмы насъ на каюкъ, дидусю!

Харонъ (*итовха весломъ*).

По черзи перевозыть мюсю.
А нуте геть, видсуньтесъ дали!

МЕРТВІ.

Мы жь туть здуріємь видь печали!

Харонь.

Дурійте вси, мени байдуже.

(Штовха).

Кажу жь вамъ: не налазьте дуже!

МЕРТВЕЦЬ.

Ось гривню на тоби, дидусю.

Харонь (бере).

Це ынча ричь... Хочь похмелюся.

Сидай въ човенъ. (Штовха). А ты
куды?

2-й МЕРТВЕЦЬ.

Ось на (дає гроши). Бери й мене
туды.

Харонь (бере).

Щербатый шелягь... Бильшь нема?

2-й МЕРТВЕЦЬ.

Нема.

Харонь.

Ну, вже сидай, дарма. (Повизг ихъ).

Эней (впизнавъ).

Палынуре! Ты, небоже?

Палынурь.

Та я вась—пане. Такь негоже,
Що жду вже рокивъ зь два я туть,
Ниякь на той бигъ не беруть.
Ну, прямо, хочь сидай тай плачь!
Чы не позычешь ты гривняку?

Сывылла (сипа Энея).

Ты на ти речн не потачь.

Эней.

Самому бь треба на табаку...

Та на тоби вже ось пятакь.

Палынурь.

Оце, вась—пане, будо въ смакь!

Сывылла (штовха его).

Ходимь до берега вже швыдче,
Туды пидь самый перевизь,
Де засмальцеваный дндыче,
Разбасувавсь, якь въ гребли бись.

Эней.

Ачь, якь гарчыть, не мовь скаженный,
Та бье весломь народь хрещеный!

(Пидходять).

Харонь (побачывз ихъ).

Якого чорта вы прыйшли?
Хнба щобь хаты холодыты?
Мордякы слидъ бы вамь набыты,
Щобь туть и мисьця не знайшы.
И енъ же, енъ, захрабрувалы,
Що вже й живи примандрувалы.
Не дуже я на вась покваплюсь,
Туть зь мертвыми ни якь не вправ-
люсь!

Сывылла.

Чого жь такь гризно галасашь?
Невже мене ты не впизнашь?
Ось глянь лышь що оце такое?
(Харонь побачывз гылку и замовкъ).
Утыхомырься жь, не бурчы,
Ось деревце, бачь, золотее!
Послухай першь, потимь крычи.
Це жь сынъ Анхызивъ, молодець,
Иде до батька на ралець.

Харонь.

Сидайте,ничого робыть,
Глядить же човна не схыбнитъ.
(Сидаютъ оз човенъ).
Ты бь, свахо, плахту пидоткнула,
Бо вже вода въ човенъ хлюпнула.
(Плывуть).

Эней.

Колы бь же памь не потопытця!

Харонъ.

Сыдить тыхищъ, не ворупитця! (*Переплывлы*).

А ну, плыгайте вже на землю.

Сывылла.

Ось пивъ алтына за труды, (*Дает гроши*).

За працёвиту твою греблю.

Теперь навчы куды иты? (*Харонъ мовчки показуе*).

Перемина.

Пекло.

Эней.

Глянъ, трехголовый мурый песь!

Сывылла.

Чого такъ затремтивъ увесъ?

Скорище хлибъ ему жбурны

И горло глестякомъ заткны.

Эней (*кыда хлибъ, песь кыдаецця за хлибомъ, Сывылла и Эней прохоятъ*).

Дывы, якъ зразу все поблекло!

Ни зорь, ни мисяци нема,

Якась тамъ непрозрыма тьма...

Чы дымъ, чы туманы велики?

Тамъ галасъ, лемсентъ, крыкы!..

Сывылла.

Отамъ н е самое пекло!

(*Туманъ и дымъ, меллжають вогни. въ казанахъ мертви души пыцять, выють, плачуть, скрегочуть зубами. Выпыть смола, сирка. живыця и т. и. Скризь инквизиціонни прыму- сій, у котрыхъ мучатця мертви. Инчи мертвецци возятъ дрова, чор- ты ихъ пидганяють*).

Ява 5-а.

Эней (*зв лжкомъ*).

Ой, ой, яки жъ тутъ страшни мукы!

Онъ въ мущыряхъ стысають руки,

Горлянку дехтемъ залывають...

Ножами пидь боки штырхають!..

Сывылла.

Хай не хапаютця вмирать.

Онъ ти, котри любылы драть

Зъ людей проценты, имъ вльвають

Ростоплене срибло у ротъ;

А брехунивъ, бачъ, заставляють

Лызать горячыхъ сковородъ.

Онъ ти, шо зроду не женылысь,

Що за жипкамы волочылысь,

Воны повишени за крукъ...

Бачъ, завдають имъ якихъ мукъ?

Онъ дали хвылозопы всяки,

Имъ въ черепъ зашывають флякы,

А мозокъ ихъ зъ пискомъ мишають

Та диркы въ пекли затуляють.

А то ксендзы, до бабъ шо ржалы

Та очи въ небо все стромлялы,—

Посажени на саме дно.

Эней.

А генъ ще дали, шо воно?

Сывылла.

То не въ смоли кыплять, въ зализи—

Все часоныщи, мудреци,—

Це бь-то отечества отци,

Що совнеть мучылы въ ярмызи

Та честь тягалы все за чуба.

Эней.

А то що за фыгура груба?

Сывылла.

То бувъ страшенный тьмы ревнытель,

Просвити лютый бычь, гонытель...

Ему у тимъе цвяхъ вбывають,

А сердце тернугомъ пыляють.

Чого жъ ты, парубче, трясесся,
Чы може й ты такой, лайдаче?

Эней.

Ни... я роблю зовсимъ иначе,
А нѣяково щось мени!..

Сывылла.

Стрываетъ лышь, ще не такъ жажнесся!
(Показуе).

А онъ и тѣи лыгомынци,
Що пидсыпалысь до дивокъ,
Що въ викна дралысь по драбынци
Пидъ темный, тыхый вечорокъ...

Эней.

Якъ бачу, всимъ тутъ безъ розбору
Даютъ у пекли добру хлеру! (По-
бачывъ Дидону).

Чы ба, ей-ей же, то Дидона!
(Пидходе).

Чы признаешъ? Бувай здорова,
Дидоно! глянь... ты де взялася?
Чого сердешна прыплелася,
Изъ Карфагена ажъ сюды?
Якого биса ты спеклася?

Дидона.

Пидъ тры чорты соби иды!

Эней.

Яка моторна молодыця,
Та, глянь, умерла за любкы...
Румьяна, повна, билолыця,
Хто гляне, то лызце губкы.
Я, далейбѣи, въ тимъ не выною,
Що такъ розѣхався зъ тобою.
А ну-мо жыты такъ, якъ жылы?
Безъ тебе свить мени не мылий!
Ходы, зъ тобою пожартую
И прыгорну, и поцлую!..

Дидона.

Кажу жъ, що къ чорту убирайся,
Зо мною билышь не жепыхайся,
Не лизь,—бо розибью весь нись.

Романсѣ.

Эней.

Ну-бо, Дидоно, ну жъ, не гнывысь,
До мого серденька зновъ прытулысь!

Дидона.

Геть пиды къ бису, геть не вяжысь,
Пиды свой неньци нызенько вклонись—
За те, що навчыла
Жинокъ зъ ума зводитъ;
Тилькы такыхъ якъ ты гадивъ,
Така й маты водить...
Хытрою змюкою,
Чорною гадюкою,
Серце ты обывъ,
За коханячко безмирне
У серденько тее вирне
Ты отруту вльвь! (Видходе видъ
него).

Одѣи, не дывысь,
Счезны геть! (Зъ крыкомъ). Зупы-
нысь!..
(Пауза). О, якъ кохала я безъ мира
Тебе, проклятый бузувире!

Эней.

Ну-бо, Дидоно, ну жъ, не гнывысь,
До мого серденька зновъ прытулысь.

Дидона.

Геть пиды къ бису, геть не вяжысь,
Пиды свой неньци нызенько вклонись.

Сывылла (тягне его).

Ты надто вже заженыхався?
Гляды, лышень, щобъ не днждався,
Що не долячыся й реберь.

Эней (признае тролнцывъ).

О, нашъ народъ, що перемеръ!
(Бижытъ до нихъ).

Грыцько, Терешко, Опанась,
Мыколо, Шеливестеръ, Власъ,
Панько, Охримъ, Кузьма, Харько,

Разомъ.

Игнатъ, Петро, Матвій, Хведько.
А ось Денесь, Остапъ, Овсій,
А ось Верныгора Мусій!..

Мусій.

А пам'ятаешъ якъ колись
Мы въ Карфагени напылись?
Ото жъ тоди я й дуба давъ.

Терешко.

Мене ще въ мори бись забравъ!

Мусій.

Добро було намъ въ Карфагени,
Якъ почнемо було брехаты,
Видь реготу ажъ стогнуть хаты!
(*Зитхнувъ*). Не вернетця...

Сывылла.

Вже теревени
Завивъ! Чы ще не набрехавъ?

Троянци.

А ты жъ звидкиль сюды узавсь?

Сывылла (*тягне Энея*).

Ходимъ, брехуне! Не обрыдъ
Тоби живый ще той наридъ,
Що зъ мертвыми почавъ патякаты?

Эней.

Та такъ, скортило поварпякаты...

Ворота передъ Плутоновымъ будынкомъ.

Сывылла.

О тутъ и панъ Плутонь живе,
Изъ Прозерпыною своєю;
До ихъ-то на поклинъ зъ гиллею
Теперь я повела бъ тебе,
Такъ Прозерпына захворила,
Я жъ не взяла такого зилля... (*Показуе на вкругы*).
Але цикаве е и тутъ.

Ось глянь, якъ ти оттуть живутъ,
Що тамечкы не що-день ілы,
Що псивъ пидъ виконню дражнылы.

БАБА (*крыворота, обмотана гадюками*).

Хто иде?

Эней (*зъ лякомъ*).

А це що за проява?

Сывылла.

Це жъ та сердыта пани брала,
Що грызла людъ и бычувала,
Кусала, шкварыла, щипала...
Топтала дитокъ и некла,
И кровъ изъ тила ихъ пыла.

Эней.

Хто жъ ій такъ мучытысь звеливъ?

Сывылла.

А що злякавсь, ажъ побиливъ?
(*Махнула гиллячкою*).

Ворота видчымяютця.

По подвирри лежать группамы люде, курятъ люлькы, жинкы лузатъ насинне. Спиваютъ.

Та напыймося, родыно,
Щобъ намъ жыто вродыло,
И жытечко. и овесь,
Щобъ зибрався ридъ увесь.
И капуста й бараболя,
И цыбуля и квасоля,
Бурякы, часныкъ и макъ,
Хринъ, петрушка й пустернакъ!..

Эней.

Добрыдень вамъ! Вы що за люде?

Одынъ.

Мы праведныи будемъ.
Ось бачъ, живемо якъ мы тутъ,
Це мисце люде раемъ звутъ.

Якъ бачъ, ничего тутъ не робымъ,
 День цилый все лежымъ, чы ходымъ,
 Чы сыдымо такъ, руки склавшы,
 Та смокчемъ люльки, полягавшы...

Другый.

За те, що тамъ мы не пылы,
 То тутъ дозволено намъ пыть;
 Мы тамъ обшарпани булы,
 А тутъ е въ чому походить.
 Не тютюнову пьемъ, не пинну,
 А достометну перегинну,
 Настояемъ на бодяни,
 На перцеви, на шапрани...

Третій.

Імо и ласочи у волю:
 Паслинь, свырипу, бараболю,
 Часныкъ, рогизъ, катранъ, кыслыци,
 Козельци, вышни, полуныци,
 Вареныкы гречани й били;
 Вже й квашу скилкы разивъ ілы,
 Крутыи яйця зъ сыривцемъ—
 И запываемъ все пывцемъ.

Першый.

Не холодно намъ тутъ, не душно,
 А саме такъ, якъ въ сирякахъ;
 Не весело, мовлявъ, не скучно,
 На велькодныхъ, мовъ, святкахъ.
(Почынають спивать).

Эней *(до Сывыллы)*.

Скажи мени, голубко сыза,
 Чомъ батька я свого Анхыза
 И досы въ вичи не выдавъ?

Сывылла.

Насылу батенька згадавъ!
 Винъ божои, якъ знаешъ, кровы,
 То й выбира все по любви—
 Де схоче, тамъ и буде жыть...
 Ходимъ на гору, тамъ спочынемъ
 Та може й батенька тамъ встринемъ,—
(Пышлы на гору).
 Якъ насъ побачыть—прыбжыть.

Анхызъ *(въ саду)*.

Грець побый мене, Сывылла,
 Бачъ, привела вже мого сына!
(Бижыть).

Здоровъ сынокъ, моя дытыно!
 Чы це жъ тоби такы не стыдно,
 Що довго я тебе такъ ждавъ?
 Чомъ остовпивъ ты, мовъ дубына?

Эней *(у бикъ)*.

Зо страху, до горы стае чупрына! .

Анхызъ.

Не радый, що мене ввыдавъ?

Эней *(у бикъ)*.

Не вже жъ оце я батька бачу?
(Цилуютьця).

Анхызъ.

Куды жъ, весты тебе па вдачу?
 Ходимъ спершу на вечорныци;
 Онъ, глянь, дивкы и молодыци—
 Збиралысь писенёкъ спивать...
 Лыбонъ, почнуть колядувать?

Эней.

Невже жъ и справди тутъ у васъ
 Все діетця, якъ тэмъ у насъ?..

Анхызъ.

Ходимъ, ходимъ мерщій, сынокъ,
 Почуешъ хытрыхъ загадокъ.
*(Идутъ, проты ихъ зъявляетьця коло
 дивчатъ и молодыць, вони почы-
 нають спивать и водыть танокъ)*.

Ой на весни, на весни,

На зеленій провесни—

Дивчата збиралысь!

Ой, збиралысь, щебеталы,

Одна другу сповнищалы—

Що на думци е!

Похвалялася Горпына,

Що прыраяла родына—

Вже ій замижъ йты!

А подружки щебеталы,
Щасте-долю прорекалы—
Такъ певно й буде!
Якъ прыбудуть старосты,
Ты въ хатыну ихъ пусты—
Любенько витай!
Якъ приведуть буюре,
Хлопця тоби до пары—
Тоди вже прощай!

*(Писля стиву сидають вси въ кру-
жало).*

Анхызъ *(пидводе Эней до дивчатъ).*

Ось вамъ, дивчатка, мій Эней,
Ще винь зовсимъ, якъ дуралей.
Просю до гурту насъ прынять,
Сынковн жъ трохы погадать:
Чы винь хочъ трохы уродливый,
Чы буде вить его щасливый?

Дивчына *(зъ горщечкомъ въ руци и
зиллемъ, пидбига и шепоче щось на
вухо Анхызови, потимъ сида била
Эней).*

А ну, давай поворожу,
Ворожку я такую знаю,
Що все шо буде видгадаю
И вже николи не збрешу.
Ось заразъ въ горшычокъ складу
Достотни ти зилля и травы,
Яки на Йванивъ вечеръ рвала;
Потимъ багатте розведу. *(Выйма
зилля).*

Ось те гниздо, що ремезъ клавъ;
Ось папороть, шыпакъ, шавлія,
Петривъ батигъ и конвалія,
Кануперь, дрокъ и самыглавъ,
Любыстокъ, нагиткы, чебрець...
Теперь налью его водою,
Погожою не початою,
И скылькысь вымовлю словоць.

*(Налыва воду, розклада вогонь, на-
крыва горшычокъ черепкомъ и щось
шепче).*

Роздмухны вогонь, козаче,
Та духу не шкодуй, юначе,

А добре дмы!.. Оттакъ!.. Зоставъ...
Теперь же вуха ты наставъ.

*(Эней слуха, изъ горщичка почына
голосъ промовлять).*

Голосъ.

Энею! Годи вже журытись.
Видъ тебе мае расплодытись
Велькый и пресылный ридъ;
Всимъ свитомъ буде управляты,
По всихъ усюдахъ воюваты,
Пидверне всихъ соби пидъ спидъ.
И Римьскін поставыть стины,
Въ ныхъ буде жыты, якъ въ раю;
Велькы зробыть перемины
Во всимъ окружимъ тамъ краю.
И буде жыть та пожывать,
Поки не стануть цилувать
Ноги чыенсь постола... *(Пауза).*
Теперь же звидцы убирайся,
Скорище зъ пашъ-отцемъ прощайся,
Щобъ голова тутъ не лягла.

Анхызъ *(крычыть цилуючы
Эней).*

Ой-ой, сыночокъ покидыае!
Рятуй, хто въ Бога виру мае!
Ой ле-ле! Горенько мени
Въ ран цимъ, мовъ, на чужыни!..

Эней.

Тебе я, тату, покидыаю,
На тебе всю надію маю,
Що помогатымешъ мени,
Доки буду на чужыни. *(Замы-
рають обнявшысь).*

Дивчата.

Щобъ батько такъ за сыномъ вывъ,
Не чувъ жало такого свить;
Мовъ хто Анхыза прыдавивъ:
Крычыть, квылыть, якъ въ марти
кить.

РАЗОМЪ.

Анхызъ.

Колы бѣ я не безсмертный бувъ,
Ножа бѣ у сердце соби ткнувъ,
Видь невымовнои роспуку.

РАЗОМЪ.

Анхызъ.

Ой, ой сыночокъ покидаю и т. д.

Эней.

Тебе я, тату, покидаю и т. д.

Дивчата.

Щобъ батько такъ за сыномъ вывѣ
и т. д.

Сывылла.

Ходимъ, Анхызенку, благаю,
Не близький нашъ изъ видды путь,
Я вже й за себе потерпаю,
Щобъ якъ не заблудытысь тутъ!

Зависа.

Дія 5-а.

Дієвилюде.

Царь Латынь.
Царыця Амата.
Царивна Лавынія.
Царь Турнь.
Мезентій.
Покотылось.
Кариспуло.
Цекуль.
Мезанъ.
Тамсъ.
Исполить.

Камылла.
Паллантъ.
Зевесъ.
Юнона.
Венера.
Бахусъ.
Меркурій.
Богы.
Богыни.
Воины.
Вельможи.

Послы и народъ.

Въ хоромахъ царя Латына.

Ява 1-а.

Царь Латынь и гонецъ.

Латынь (*сидыть въ кресли*).

Що скаже намъ гонецъ нового?

Гонецъ (*кланяючысь*).

Послухай царю слова мого.
До нашихъ берегивъ прыплывъ
Эней ватагъ, зъ своимъ народомъ,
И вже посламъ своимъ звеливъ
Несты тоби дары, съ поклономъ.

Латынь.

Невже дары? я це люблю.
Гукны лышь на вельможъ скорій!
(*Гонецъ пишовъ*).
Амато, сердце! Гулю-лю!
А де ты тамъ? Сюды худчій!

Ява 2-а.

Входять Амата.

Амата.

Чого ты такъ разворкуався?

Латынь.

До насъ Анхызенко зибрався—
Ось-ось прыбудуть вже й послы.
Гонецъ зустривъ ихъ, що неслы
Дары намъ.

Амата.

Ну?

Латынь.

Якъ винь багатый,
То може, дастъ Богъ, буде зятемъ?

Амата.

А Турна ты хіба забудь,
Давно вже сватае Лавыню?..

Латынь.

Що Турнь? Та ну его и къ хрину!
Якн дарункы я здобувъ
Видь Турна, га?

Амата.

За те винь жвавий,
Высокий, гарный, кучерявый,
Обточонный, мовъ огирокъ.
Якъ не миркуй, винь все жъ царекъ:
Эней же злыдень и безштанько,
Не мае, навить, и прытулку!..

Латынь.

На вбранне не вважай, Аманько,
Винь певно грошей ма шкатулку?
Дары зозулько, шле вже намъ!

Амата (*зъ гнвомъ*).

Ну ну, побачымо який винь тамъ.

Латынь.

Звель жъ скрызъ, любочко, прыбратъ,
Пискомъ дорижки посыпать;
Нехай свитлыци пидметають,
Клечанне по двору сажаять,
Якъ на зеленыхъ на святкахъ.
Хай чебрыкомъ устелють диль въ покои,
А въ синяхъ можна й осокою?

Амата (*зъ гнвомъ*).

Ще загадай тамъ щось нового?

Латынь (*сміється*).

И ще, кукузочко, два слова.
(*Амата йде*). Пишлы гонця до бо-
гомаза,

Слидъ малювання накупить.

Амата (*ледве здержує гнвз*).

Чы буде вже кинецъ приказу?

Латынь.

Та щобъ було що істы й пыть.
(*Амата нызько уклоняється и мало
не плюнувши, хутко выходить*).

Латынь (*плеще въ долони, входе
вельможа*).

Чы чувъ, до насъ прыбудуть гости?
То треба догодыть ихъ мосци...
Зъ дарунками прыбудуть.

Вельможа.

Чую!

Латынь.

То ставъ же ось сюды, опшую!..
(*Показуе на вухо*).

Бо цимъ я щось погано чую,
И выслухай весь мій приказъ.
Щобъ рецьке було зъ курдыномомъ,
И пиво чорнее зъ лимономъ,
За мисецъ воды, Московський квась.
Хай рижуть швыдчъ волнивъ, телять,
Овецъ, гындыкивъ, поросять...
Зъ хунть благовонія здобудь,
На покутяхъ поставъ курылкы,
Музыкъ троистыхъ роздобудь:
Цымбалы, бубны и сопилкы...

Я в а 3-я.

Входять Амата и маляръ.

Амата.

Ось прынесли вже малюванне,
Не знаю тилькы за для чого?

Латынь.

Не еретуй ты серця мого!

Маляръ (показує).

Патреты ось багатыривъ:
Це Александръ царви Пору
Дає изъ війскомъ добру хлеру.

Латынь.

Хай почепляють скризъ по стинахъ:
Царивъ въ свитлыцахъ, простыхъ въ
сняхъ.

(Слуги прибывають малюнкы).

Маляръ (показує).

Чернець Мамає побыває,
Це Муромецъ Иля гуляє,
Ось Скобель, билый генераль,
Оце Бова, а це Полканъ,
Ось въ Польщу Жализнякъ бреде,
Патретъ ось француза Картуша,
А це ось гайдамакъ Гаркуша,
Це Ванька Каннъ ось иде.

Латынь.

Годи, годи! (Гука). А ну-те, одя-
гатьця! (До Аматы).

Я хочу, кралечко, ладкомъ прыбратьця.

(Амата и маляръ тишы).

Одежу празныкову дайте,
Хутенько-бо, часу це гайте!

(Вносять одежу).

Плащемъ зъ клеенкы обернуса
Та гудземъ цынковымъ загнуся;
На голову ке капелюхъ,
На ноги дайте кынди нови
И рукавыци ще шкапови.
Но затуляй-бо мени вухъ!
Подайте дзыкглыкъ золотый.

(Подаютъ дзыкглыкъ, винз сиду).

(Амата входить въ едамашковому
шубони и въ соболевимъ караблыку).

Царыця сяде на другый.

(До вельможъ).

А вы обобичъ станте ззади,
Якъ скризъ буває на паради.

Я в а 4-а.

Ти жъ и Лавынія.

Латынь (дывляця на Лавынію).

Нимецьке фуркальце вдягла?
Чому жъ стричокъ не напьяла?

Амата.

Тебе сегодня щось спобигло!.. (Розводе
рукамы).

Мишаєтця въ жиноче дило!

Латынь.

Мовчу. (До Лавыніи). Ты, донеч-
ко, сядь тутъ.

Пита! близьче пидійды. (Пита вы-
ходе и кланяєтця).

Ты въ честь Энея гимнъ склада.

Пита.

На прычандалы хай дадутъ
Хочъ зъ гривню грошей?

Латынь (приказує).

Дать пятакъ

Ему на папиръ. Пирья жъ такъ
Наскубты можна зъ тии птыци,
Що даромъ кормъ ість у царыци.

Пита.

А на якій мови
Скласты ту промову?
Хочъ по грецьки, по халдейски,
По санскретьськи, по гебретськи?..
Я втну й по жмудьськи и по лядськи.

Латынь.

Валяй на нашій хрыстьянській!
(Пита выйшовъ).

Щобъ пивчи були мыттю тутъ.

Бассамъ горилкы хай дадутъ,
А малюкы хай збытень пють;
Та щобъ бассы, якъ дзвинь ревилы,
А пидголоскы тонко пилы.

(*Вельможа пишовъ*).

Я в а 5-а.

Ббигае гинець.

Гинець.

Послы вже ось у синяхъ ждуть.

Латынь.

Нехай, скажите, ихъ введуть.

Я хлиба-солы не цураюсь

И зъ добрымы людумы братаюсь!

Я в а 6-а.

Входятъ послы, за нумы несутъ дары. Послы тречи низенько кланяютця Латынови).

Першый троянецъ (*каже рацію*).

Энеусъ ностерь магнуь панусъ
И славный Троянорумъ князь,
Шмыглявь по морю якъ цыганусъ,
Адъ те, о рексь! Приславъ нункъ
нась.

Рогамусъ, домице Латыне,

Нехай нашъ капуть не загыне:

Пермите жыть въ земли свой,

Хочъ зе пекуни, хочъ гратись,

Мы дякуваты будемъ сатись

Бенефициенци твой.

О, рексь, будь нашимъ меценатомъ

И ласкамъ гуамъ покажы,

Энеусу зробыся братомъ,

О, оптима! Не откажы:

Энеусъ принцесъ есть моторный,

Формозусъ гарный и проворный,

Побачышь самъ инномине!

Велы акцыпере подаркы

Зъ ласкавымъ выдомъ и безъ сваркы,

Що прислани черезъ мене.

Се кылымъ-самолить чудесный,

За Хмеля выткався царя,—
Лита пидъ хмары винъ небесни—
Де мисяць сляе и зоря;
Царивни буде випъ въ прыгоду,
Наибильше за для того году,
Якъ замижъ прыйдетця давать,
Щобъ тарадайку закрывать. (*Подает Цареви*).

Другый троянецъ.

Ось шленська скатерка нешпетна,
Наибильше въ тимъ вона прыкметна,
Що загадай яки ий стравы,
То всяки вродятця потравы,
Яки на свити тилькы е.
Беры, царице, це твое! (*Подает Царыци*).

Першый троянецъ.

А це сапьянци—самоходы,
Що въ ныхъ ходывъ ище Адамъ;
Воны пошыты въ давни годы,
Не втямлю якъ досталысь намъ.
Сю вещь, якъ ридку и старынну,
Пидносимо царю Латыну.
А ось ще силъ Бахмутка й Крымка,
Мыска Опошнянска и рынка.
А пслея цихъ дарункивъ всихъ
Пидносимъ вашечи пыригъ.
(*Подает пыригъ завдовжкы зъ аршымъ и кланяетця*).

Латынь.

Дывысь, Амата! Глянь, Лавыню!
У мене котытця изъ рота слына,
Видъ цыхъ дарункивъ дорогыхъ!
(*Сміетця*). Не погрыземось мы за
ныхъ?

Амата.

Давай вже видповидь посламъ.

Латынь.

Скажите вашему Энею:
Латынь царь, зъ цілою симбею,
Всімъ сердцемъ дуже радый вамъ.
И вся моя мастнисть рада,

Що Богъ васъ наверхувъ сюды;
 Що не пушу васъ никуды...
 Мни мыла ваша вся громада!..
 Зъ Энеемъ дружбы не цураюсь,
 Его у госты дождаюсь,
 Кускомъ останнимъ подилюсь.
 Дочка у мене единачка,
 Хазайка, добра пряха, швачка...
 То може и въ ридню вступлю.

АМАТА.

Ты вже заіхавъ не туды.

Латынь (*тыхо ій*).

А може ци послы й сваты?

ЛАВЫНІА.

За очи хочете засватать?

АМАТА.

Чого намъ видданнемъ хапатысь,
 Хиба обрыдло пеклуватысь,
 У насъ же ихъ такъ не багато?
 Одна жъ е тилькы единачка...

Латынь (*тыхо ій*).

Ай-ай, яка-бо ты чудачка! (*До
 посливз*).

За стиль гостей покорно просымъ.
 Есть боршь до шпундривъ зъ буря-
 камы,—

Чы чуєте его вы носомъ?

Есть въ ющи потрохъ зъ галушкамы;
 Потимъ до соку каплуны,
 Зъ потрибки баба шарпаняна,
 Въ шкваркахъ запечени блины,
 Крохмаль зъ варенномъ изъ малыны.

Я в а 7 - а.

Ти жъ и гинець.

Гинець (*вбига*).

Вже панъ Эней ось за порогомъ.

Латынь (*заметушывся*).

Амато, чуешъ? Слава Богу! (*Гука*).
 Нехай вивать зъ гармать стріляють,
 У сурмы тушь музыки грають,
 А пивчи многа литъ ревуть!

(*Стрельба и гвалтъ*).

Я в а 8 - а.

Эней входитъ.

Эней.

А ось и я, мось—панство, тутъ!

Латынь (*кыдаеця цылуватись*).

Та якый же парень бравый!
 Дывысь, Амато!... Дывысь Лаво!..

Эней (*до Аматы*).

Честъ маю панну гратулеваць,
 Дозвольте рончку поцаловаць. (*Ци-
 луе руку*).

АМАТА.

Дуже ради бачыть пана!

Эней (*до Лавыніи*).

Красній панни моя шана! (*Чолом-
 каютця*).

Латынь.

Амато! Донечко, Лавусю!..
 Ну жъ, цемы въ губкы прудывуса.

Лывонія.

Якъ, пры всехъ щобъ цилувала?
 (*Тыхо до Аматы*).

Що це татко кажуть, мамо?

АМАТА (*тыхо ій*).

Пры людяхъ, доню, не годытця...

Латынь.

За стиль прохаемъ садовытця.

(*Стреляють зъ мушкыривъ, музыка
 гра. Гости сидають за стиль,*

входятъ пивчи и пидѣ маханне рукою питы спиваютъ, держучы напирци въ рукахъ).

Прыйшли Энееви послы,
Слы-слы-слы-слы-слы-слы.

Дары Латыну принесли
Слы-слы-слы и т. д.
Латынъ зрадивъ такой дарыни
Рыни-рыни и т. д.
Веливъ прославить посливъ ныни
Ныни, ныни и т. д.
Оце жъ я ихъ прославляю
Лаю-лаю и т. д.
Довгодепствія желаю
Лаю-лаю и т. д.
Ось и самъ Эной вжо тутъ
Туть-туть и т. д.
Сивъ уже въ передній куть
Куть-куть и т. д.
Многа лита, многа лита!..

Перемина.

Въ Караваси (словесный судъ на Олимпі).

Я в а 9 - а.

Юнона (*вбига, за нею слуга*).

Охъ, лыха жъ моя годна,
Уже Анхызенко въ Латына,
Лавыню сватае дзыгаву.
Латынъ роквасывь якъ халява,
Амата жъ на тонку пряде.
Але не такъ воно буде!..
Оцей штафеть везы Плутону,
Щобъ фу-ю винъ Тезифону,
Пославъ до мене въ одыпъ мыгъ.
Щобъ не въ Берлыни, ни въ дормези,
И ни въ рыдвани, ни въ портшези,
А бигла бъ на перекладныхъ,
Та тилькы, чуешъ, зъ усихъ нигъ!..
Нехай бере на вси уторы—
Черезъ яры, долины й горы!.. (*Слуга пишла*).

Стрывай Анхызенку гулять,
На тебе я узброю рать
И Турнови дамъ допомоги,
Щобъ ты задеръ скорище ноги!

Я в а 10 - а.

Влитае фурія Тезифона.

Тезифона (*басомъ*).

Щобъ не було въ пути препоны,
Платыла я тройни прогоны,
Щобъ тилькы швидче прыскакать.
На що звелила мене звать? (*Кланяетця*).

Юнона.

Здорова люба, мыла доню!
До мене швидче Тезифоню. (*Цилуе*).
Сидай, голубко! Якъ ся маешъ?
Чы пса Трояньского ты знаешъ?
Теперьъ къ Латыну завитавъ.
И крутыть тамъ, якъ въ Карфагони;
Пуска бисы дочки и нени—,
Латынъ щобъ рогивъ не прыдбавъ?
Зробы ты похоронъ зъ весилля,
Задай всемъ доброго похмилля,
Хочъ бы побрала всихъ чорты.
Пужны по своему ихъ ты:
Амату, Турна и Латына,
Найбильшъ Анхызового сына!

Тезифона.

Я наймычка твоя покирна,
На всяку хить твою прыхыльна.
Амату зъ Турномъ попарую
И цымъ Энея роздрагую,
Латыну жъ въ тимъ дуръ впушу.
Зламаю згоду й потрошу!..
Я перекынуся клубочкомъ,
Кить-кить зъ Олымпа якъ стрила,
Якъ череда итимо вечерочкомъ
Къ Амату шустъ, якъ тамъ була.

Я їй пидь пелену пидкрадусь,
Гадюкою въ сердце заповзу,
По всіхъ куточкахъ позываюсь,
Въ Амати рай соби знайду.
Въ отравлену їн утробу,
Я злосты накладу якъ бобу,
Потимъ и Турна патровлю
И якъ найкраще все зроблю!..

Юнона (*цилує їй*).

О, Тезю люба, за цю службу,
Я покажу тобі пайщыршу дружбу!

Тезифона.

Прощай же пани, не журись,
Не хмурься такъ, розвеселись! . (*По-
цилувавши пишла*).

Юнона.

Втопчу Анхызенка въ багно!
Охъ, мовъ видъ серця видлягло.

*Грімъ, блискавка, витеръ, выхоръ,
свистъ, трискъ. Збираютьця боги и
богини. Зевесъ входе розгниваний,
за нимъ Венера и Бахусъ.*

Я в а 11-а.

Зевесъ (*кричить*).

Чы довго будете казытысь
И стыдъ Олимпони робыть?
Чортъ батька-зна за що сварытысь
И смертныхъ смертнымы тровыть?
Вамъ тилькы бѣ мордувать людей?
Я васъ изъ неба поспыхаю,
И вѣшу власть такъ вкоротаю
Що пастымете вси свыней!..
А вамъ, Олимпескы зубоскалки,
Задамъ лозовон прыпаркы,—
Все лыхо на земли видъ васъ!..
Я посажу васъ въ шевекій квасъ.
Або ще кращу кару знаю,
Усихъ васъ ось якъ покараю:

Пошлю васъ въ Запорожську сичъ;
Тамъ бабськихъ фыгливъ не вважають,
Жинокъ тамъ на тютюнъ миняють...
Це жъ соромъ прямо мени въ вичъ!
Не вы народъ мій сотворылы—
Не хысть создать вамъ червьяка!—
На що жъ мырянъ вы роздрочылы?
Глянь, на земли вѣйна яка!
Та вы скажите мени, де я:
Чы на Олимпі, чы въ корчми?
Ачъ, замутылы якъ людмы...
Латынъ же, то така тыхоня,
Що не зачепыть и курчаты,
Теперьъ, пидь приводомъ Аматы,
А може выпна трохы й доня?—
Цилкомъ озбривсь на Энея!
И Турнъ на него рать навивъ,
Учора флотъ ему спалывъ!..
Лыбонъ загарбавъ вси запасы?
Чынъ жъ ото все выкрутасы?
Божусь мою бородою
И Гебеною пеленою,
Що тихъ богивъ лышу чынивъ,
Яки въ вѣйшу оту вилетутця.
Эней и Турнъ пехай скубутця,
А вы глядите своихъ чубивъ!

Бахусъ.

Все жъ безъ горилкы на вѣйни
Не можна обійтысь?

Зевесъ.

Звычайно.

Бахусъ.

Дозволь же, батечку, мени
Зѣ горилкою открыты чайну?

Зевесъ.

Та тилькы не сыропъ такъ дуже,
Якъ у турецькую вѣйну;
А то въ бараній ригъ зигну,
Хочъ ты и родычъ близькый, друже!

Бахусъ.

Та якъ звельшь, то такъ и буде.

Зевесъ.

Щобъ клеймена була посуда,
А не хвальшыва, якъ тоди...
Якъ тилькы жъ що, то будь биди!

Бахусъ.

Тоди жъ жыды ганделювали?

Зевесъ.

И наши добрый тамъ пожитокъ малы!
Теперь, Венере, иди́ды.
Объ чимъ прохаты хотила ты?

ВЕНЕРА (*пидходе, козыряючи по
военному*).

О тату, сыльный, вельчавый,
Ты всякий помысль зрышь лукавый.
Цымъ окомъ землю озыраешъ,
А цымъ за нами прыглядаешъ.
Ты знаешъ лышь, на що Троянцивъ
Злымъ грекамъ попустывъ побыть;
Энея жъ, зъ прыгорщою лапцивъ
Веливъ судьбамъ не потопыть.
Ты знаешъ краце вихъ прычину,
Чого Эней прыплывъ къ Латыну
И била Тыбра поселывъ.
Звидкиль же Турнъ тутъ прытулывъ?
Била Аматы бисомъ ходе
И на Лавыню очи зводе?...
Твон бъ законы выповняльсь,
Колы бъ *одна* тутъ не мишалась,
Та не цькувала бъ такъ людей;
Твоихъ приказивъ не сповняе,
Нарошно Турну помогае,
Бо, бачъ, Венерынъ сынъ Эней!
О, Зевсъ! О, батечку мій ридный!
Огляньсь на плачь дочки своен:
Спасы народъ Фригійскый бидный,
Це дило есть руки твоен!
Якъ машъ ты кого караты,
Карай мене, карай — я маты!..

Юнона.

Ахъ ты жъ негідна пащекухо,
Финдюрко, ящерко, брехухо!..

Ты сміешъ, кошени мерзенне,
Зевесу доносить на мене?
Хиба жъ ты, шкапыще, не знаешъ,
Що Зевсъ мій чоловікъ и братъ?

Зевесъ.

Стрывай, Юноно, це не въ ладъ,
Ты тонъ высокий пидіймашъ!

Юнона.

И тоби, Зевесъ, не стыдно,
Що передь тобою смитте й прахъ,
Базика про богивъ обидно
Й трахтуе объ твоихъ дилахъ?

Зевесъ.

Розгындючылася, ну й що то баба?

ВЕНЕРА (*убикъ, дывлячысь на Юнону*).

Ачъ, надымастця, мовъ жаба,
Або гоноровытый панъ!

Юнона (*Венери*).

Чы зъ Марсомъ же тебе Вулканъ,
Оце ось свижо не впіймавъ?
И пелену ажъ доты ось одтявши,
Якъ слидъ ризкамы видчухравшы.
На прыввязи якъ сучку не державъ?
Це ты и Трою розорыла,
Це ты й Дидону погубыла!
Черезъ тебе й Латынь возстала,
Це ты и Турна нацькувала,
Що винъ зробывсь Энею врагъ.
Теперь на мене все звертае?

ВЕНЕРА (*зг запаломъ*).

О, Зевсъ, О, Деусъ, о Аллахъ!

Юнона.

Ачъ, якъ словами улещас!

ВЕНЕРА.

Юноно, цыть, бо не стерплю,
Очипокъ зъ тебе изибью!

Юнопа.

Ты на ци штуку дуже смила,
Весь вихъ зъ военными жыла,
Морожене на галдарен іла,
Та по трахтыряхъ пуншъ пыла.
Манышки охвыцерськи прала,
Зъ стрючкомъ горилку продавала...

Венера.

Ахъ ты жъ тварюко сухоребра,
Я жъ перелічу тобі вси ребра!..
(*Кыдаеця на Юнону*).

Зевесъ.

За руки Венерю схопите!
Гарненько й Юнону держите!..
(*Схопылы обохъ*).

Що хочте лзыкомъ совтайте,
Рукамъ же воли не давайте!

Юнопа.

Всесвітня волоцюго мерзська,
Проклята звезднице Цытерська!

Зевесъ.

Ну годи, чортови сорокы!
Обомъ слидъ натрипаты шокы!
Не буду васъ карать громамы,
По шытахъ выблю чубукамы...
Занышкныть, вуха вси наставте
И слухайте, що я скажу;
Мовчить же и роты роззявте,
Хто жъ пысно, пыку розмизжу.
(*Оглянувъ всиохъ*).

Промежъ Латынцывъ и Троянцывъ,
И всякихъ Турновыхъ пганцывъ—
Не сикайся ништо въ війну.
Сикнетця жъ хто—въ дугу зигну!
Пождимъ: хто носа втре кому?
Вы чуєте? Буть по тому!

Я в а 12 - а.

Вбигае Меркурій.

Меркурій.

Ваша мосць, уже свитае,
Горнысть у Турна зорю грае.

Зевесъ.

Ходимо жъ купно кейфъ учынымъ
И отъ мырськихъ дилъ одпочынемъ.
(*Пилилы*).

Бытва.

*Палатка Энеева надъ моремъ. По
той бикъ залыва мріе лагерь Турча.
Эней лежыть, поручъ зброя его.
Свитае.*

Эней (*дримае*).

Волосожаръ вже высоко пидняся
И визъ онъ ставъ вже зовсимъ
сторчъ;

Зъ досады я й не роздягався,
Хапа за серце нибы корчъ.
Ниякъ изъ Турномъ не зитнуса,
Щобъ въ разъ на смертний выиты бой,
Якъ що й сегодня не побьюся,
То накладу вже головой!..
Турнь попалывъ мій флотъ,
Троянцывъ тьму побывъ,
А потимъ на весь ротъ
Страхопудомъ мене ганьбывъ!..
Латынъ на мене розгнивывся
За розшматоване щеня,
За те на мене й узбрився...
Одначе въ тимъ чы выненъ я,
Що десь троянцы полювали,
Де хутиръ его нянькы бувъ
Й щеня хорты тамъ розирвали...
А я биду собі здобувъ?

Турнь за Лавынію лютуе,
А та не хоче й знать его;
Амата жъ прыдане готуе,
Та не вгадае за кого?..
Юнопа Турну въ помичъ стала,
А матинка моя десь загуляла...
За що таку гирку я пью?
Невже жъ я Турна не побью?

(*Заснувъ*).

Це жъ що таке за народъ?
Якийсь неначе короводъ!..
(*Зъявляютьця на мори сирены*).

Я в а 13-а.**Эней и русалки (сырены).**

Эней.

Не рыба то е, и не раки,
А такъ якъ короводъ дивчать,
И бовтаютця якъ собаки,
И въ голосъ якъ книшкы нявчать!..

Русалка (зъ короводу пидбига до
Эней).

Чы ты впизнаешъ насъ, Энею?
Та мы жъ зъ персоною твоею,
Троянський ввесь возылы родъ.
Мы Идської горы дубына,
Лышкы, горишына, соснына,
Зъ якихъ бувъ зроблений твій флотъ.
До насъ було Турнь докосывся,
И байдакы вси попалывъ,
Та Зевсъ, спасыби, поспышывся
И насъ сыренамы зробывъ.
Була безъ тебе зла годына,
Трохы не згыблы до едына
Твон завзятіи Троянци.
Нагнавъ намъ Турнь страху въ галанци.
Ну, годи жъ спаты, пробудысь,
На той бикъ шывдче подывысь,
Троянци якъ тебе уздрять,
То въ брідъ до тебе побижать.
(Счезае).

Эней (схопывся).

Ого, уже почався свить!..

(Вдывляється).

Насъ обложылы, мы въ засади!

(Схрегоче зубамы).

Нема кннца мой досади!.. (Гука).

Троянци, говъ! Сюды пливить!..

(Троянци переплывають въ човнахъ
зъ того боку, човны пидпыхаютъ
сырены).

Скорище, друзи, ушыкуйтесь,
Щеле въ плече мерщій прысуньтесь.
Ну, разомъ, братыкы, напримо

И недовиркывъ сокрушимо.
Рушайте якъ одынь—шувльгой!
(Проходе зъ войскомъ).

Я в а 14-а.**Турнь зъ войскомъ.**

Турнь.

Ребята! Быйтесь не выляйте,
Наставъ тепера сичи часть.
Домы, жинокъ, дитей спасайте,
Спасайте любо що для васъ!

Воины.

Веды, веды въ бой, Турне, насъ!
(Проходятъ).

Я в а 15-а.**Мезентій (зъ войскомъ).**

Мезентій воинъ я Тырренський,
Зризъ ворогамъ вснмъ на биду,
Колысь полковникъ такъ Лубенський
Свій полкъ водывъ, якъ я веду!

Его воины.

И шведу, татарви и ляху—
На довго завдавали страху!
(Прошлы).

Я в а 16-а.**Покатылось (зъ войскомъ).**

Я отаманъ Покатылось!

Караспуло.

Я осауль Караспуло!

Овое (разомъ).

Колы бъ сегодня довелось
Побыть Троянцывъ на голо!
(Прошлы).

Я в а 17-а.

Цекуль (зз війскомъ).

Я есть Цекуль Пренестський,
Вже по війни давно сумую,
Самъ хвабрый воинъ, лыцарь лепський
И війскомъ дужимъ я керую!
(*Проходе*).

Я в а 18-а.

Мезанъ (зз війскомъ).

Нештунивъ сынъ буду Мезанъ,
Палкый до бою, якъ собака,
Въ ризни страшный розбышака
И лобомъ бьюся, мовъ баранъ!
(*Проходе*).

Я в а 19-а.

Талесъ (зз другого боку).

Я другимъ шляхомъ, зъ цего боку,
Прыбигъ сюды попередъ строку,
Якъ до воды гарячий песь—
Агамемнопенко Талесъ! (*Пройшовъ*).

Я в а 20-а.

Ипполыть (зз війскомъ).

Я паньска кохана дытына,
Тезіенко, панъ Ипполыть,
Не маю орденивъ и чына,
А хочу дуже заслужыть! (*Пройшовъ*).

Я в а 21-а.

Камылла.

Ось я, наїздница скакаю
И війско не мале веду,
Собою всихъ людей лякаю
И все мовъ помеломъ мету!
А звуса: дива-царь Камылла,
Ось доты жынка, тамъ кобыла,
Кобылячу всю маю стать:—
Ноги чотыри, хвистъ съ прикладомъ,
Хвостомъ кручу, хвыцаю задомъ
И можу говорити и ржать!.. (*Проходе*).

Я в а 22-а.

Турнь и Палантъ (рубаютця).

Турнь.

Та й стёбонувъ мене мечемъ,
Опорезавъ по поясници,
Але въ сталевій залызници,
Я тилькы' що моргнувъ плечемъ.

Палантъ.

Хочъ ты облыйся весь въ булатъ,
Видъ мене улызношь наврядъ!

Турнь.

Паланте, не хвалысь впередъ,
Держысь за землю, мій чередъ!
(*Бъе его*).

Палантъ (пада).

Не людська сыла!.. Помираю..
Зъ богивъ хтось Турну помагае!..
(*Помира*).

Турнь (*схопывши его за волоссе,
здійма зъ него срибну лядунку, зъ
карункю, и начеплюе собі*).

Аркадци! Лыцаря визьмите,
Въ ралець къ Эвандру однесите.
Скажите: смерть за те диставъ,
Що до Энея винъ прыставъ. (*На-
слуха*).

Тамъ стукъ, страшный галасъ чую!
Хто жъ землю такъ трясе сырую?
(*Вдывляетьця*).

Якъ выхры на пискахъ бушують,
Въ порогэхъ воды якъ лютують,
Эней такъ въ лютимъ гниви рветця,
Помстыть Паланта смерть несетця!..

Русалка Ютурна (*пидбига до Турна*).

Не попадайсь ему на очи,
Эней твоєї смерти хоче!..
Втикай поky скорій сюдою,
Тамъ мы пройдемъ по пидъ стинюю.
(*Побиглы*).

Я в а 23-я.

Эней (*у слидъ Турнови*).

До лясу, Турне, розбишако?
Тоби бильшь рясту не топтать,
О, я задамъ тоби табаки,
Що будешъ ажъ за Стыксомъ чхаты!

(*На Энея набигаютъ Турнови воины*).

(*Въ першого*). Покій вичный тоби,
Нумо.

(*Въ другого*). Прощай и ты, Са-
ресте, куме!

(*Третьего*). Тарквыне, голову звьяжи!

(*Четвертого*). Поклинъ своимъ пе-
рекажи!

(*Зупыняетця надъ трупомъ Пал-
ланта*).

О, цвите, полевой, роскишный,
Кинецъ хочъ славный, все жъ по-
спишный!.. (*Гука*).

Гей, братци, любии Трояне,
На гвалтъ мерщій, до своего пана!..

(*Входятъ скилькошь Троянцывъ*).

Зробить носылки зъ верболозу,
Изъ очерету балдахынъ,
Зготовте тило до выносу,
Щобъ панъ Паллантъ, Эвандривъ сынъ,
Вельможна панская персона,
Явлася передъ Плутона,
Не якъ абы-який харпакъ...

Щобъ тило биле обмылы,
Нове убраннячко надилы,
За щоку бъ всунулы пятакъ.

(*Прыносятъ носылки и кладутъ
тило*).

Дотепный хто промовъ рацію,
Хто вчывся зъ васъ хвылозопін?

Троянецъ.

Ego sum справжній хвылозопъ!
(*Кашля*).

Не довго й треба чухать лобъ,
Щобъ восхвалыть дила юнца,

Смежывшого свои зде вежды,
Ибо зрыть всякий по одежди,
Що це сынъ чтымого отця. (*Кашля*).
Додамъ: се мертвый и не дышетъ,
Не выдыть, то есть и не слышитъ,
Ей-ей, увы! вниць мертвъ... Аминь!

Эней (*зитхнувъ*).

Такъ, такъ!.. Теперъ кладить на мары.

Троянецъ.

Скинчывъ жытте, скинчывъ и свары.

Эней (*похытавъ головою*).

Бувъ чоловікъ—засталась тинь.
(*Понесли*).

Я в а 24-я.

Выходятъ послы видъ Латына.

Послы.

Ажъ осьдечки тебе знайшлы!
Есьмы Латынськин послы.
Царь Латынъ прыславъ сказать,
Щобъ ты покынувъ воввать.
Дае нывья и синокосы,
И рыболовни Тыбрьскы косы,
Щобъ ваша мосць бувъ намъ сусидъ.
Сварытця намъ зовсимъ не слидъ.
А це, дывысь, тоби дары:
Павыдло, сало, осятрына,
Шалевый поясъ, це люстрына
И на кожушокъ ось тхоры.

Эней.

До курия неситъ ци дары
И тамъ, панове, мене ждить,
Я жъ пошукаю ще прочвары.
Ось винъ иде. Панове, йдите!..

(*Показуе нетерпяче рукою, щобъ
послы йшлы*).

Я в а 25-я.

Входятъ Ютурна и Турнъ.

Ютурна (*благаючи Турна*).
Охъ, Турне, братику, втикай!

Турнѣ.

Чуешъ, Лавынья не моя?.. Нехай,
Нехай же правда та справдытця,
Кому зъ насъ треба жытотыть.
(*Выходе*).

Энею! Йду зъ тобою бытъця!

Эней.

Выймай меча, негідна гндыть!..

Турнѣ.

Пошлю тебе я до Плутона,
Або жъ самъ въ адъ я копырсну,—
Жытте мени вже й такъ солоне!

Эней.

Пидходь, тебе я полосу! (*Почы-
нають бытысь*).

Турнѣ (*до Энея*).

Що зацидывъ тебе, Энею,
Що зъ плечъ упала вже й кырея?

Эней.

Вона не буде заважать,
А послѣ можна й пидійнять. (*Въ его*).
А ось визьмы видъ мене здачу!
(*Выбыва мечъ*).

Турнѣ.

Меча скорѣе дайте мни!

Ютурпа (*даючи ему мечъ*).

Плечыма стань скорѣй къ стини!

Эней.

Ни, стій! (*Выбыва зновъ мечъ*).

Турнѣ (*хапа каменя и кыда въ
Энея, але не докыда*).

До дилась моя сыла?

О, зла Юнопо, измниыла!

Эней (*бѣ Турна спысомъ, Турнъ
пада*).

Иды на вырынкы къ чортамъ,
Тоби готове мисце тамъ!

Турнѣ (*стогнуць*).

Проклятте вамъ уси Олимпскы,
Що вы вчынылы цей турнѣръ;
Юнона жъ, та хортыця Крымска,
Вона лютица за ввесь мыръ!..

(*Простяга до Энея руки*).

Энею! Турнѣ тоби рече.

Не жызни хочу я—подарка,

Твоя, Анхыззовычъ прыпарка

За стыксъ мене поволоче.

Та естъ у мене батько ридный,

Старый и дуже ветхыхъ литъ,

Тужыть за мною буде бидный,

Мени жъ не мылый вже цей свить!..

Я видрекаюсь видъ Лавыньи...

Вчыны жъ ты ласку, хочъ едыну:

Якъ смерть мени ты завдасы,

Отправъ до батька трупъ дублений,

Ты будешъ за сіе спасенный.

За выкупъ же, що хочъ просы!..

Эней (*зрушений, опуска занесен-
ный мечъ*).

Иды, будь батькови видрадой,
Спокій его—моя паграда!

Турнѣ (*встае и подае руку*).

Спасыби, лыцарю!

Эней (*зъ опалу закрычавъ*).

Ни, стій!

Невже обманюе мене взиръ мій?!

Це на тоби, що за лядунка?

И золотѣ на ній карунка?!

Дрижышь? Чыя вона, зміюко?

Ты зъ мертвого Паллапта знявъ?

И я на тебе мочъ мій знявъ?

Колы бъ те знавъ... Ахъ ты жъ тварюко!..

Не ставъ бы я паскудыть рукъ.

(*Убыва его*).

Не вонпъ ты—башыбузукъ!..

(*Ставыи на трупъ ногою, гука*).

Сюды, сюды Троянці — швидче,
До мене підійдїть вы бляжче!

Я в а 26-а.

Сходятьця Троянці.

Эней.

Кинець війни, воякамъ слава,
Доба покійна зновъ настала!
Не лицарь въ мене пидъ пятою,
А гадь! Его не пидъ водою
И не въ земли трупъ закопать,
А звирямъ на здобычъ видать!..

Троянці.

Якъ? Що́ таке?.. Що́ жъ винъ вчы-
нивъ?

Эней.

Винъ честь лицарьску оганьбывъ:
Палланта тутъ винъ доканавъ
И зъ мертвого лядунку вкравъ!..

*(Здійма лядунку зъ Турна и виддає
Троянцямъ).*

Лядунку заразъ цю визьмите
И швидчъ Эвандру одишлите.
А падло кыньте заразъ въ прирву,
Воронамъ хыжымъ на годивлю!..
(Трупъ Турна выносять).

Я в а 27-а.

**Ти жъ и царь Латынь, Амата, Ла-
вынія, послы, воины и народъ.**

Латынь.

Такъ це Эней вже Турна вбывъ?
И пречудесно винъ зробывъ.

(Пидходе до Энея).

Анхызовычъ! Пора мырытысь,
На що́ зъ тобою намъ сварытысь?..
Ну жъ, годн гниватись тоби,
Не я знявъ сварку, все бабы!..

(Показує на Амату).

Це ихъ все дило, все воны.

Амата.

Верны на мене все, верны!..

Латынь.

Я жъ сварки поршый не заводывъ?

Эней.

Та й мени ин не треба!
Це намъ нашкодывъ хтось изъ неба.
(Поддає Латыню руку).

Латынь.

Якыйсь божокъ наколобродывъ.

Эней *(кланяється).*

За подарунки дяка вамъ.

Латынь.

Але до ныхъ я ще додамъ
Дарунокъ самый найсмачнищый:
Даю Лавынію тоби,
Ты зъ нею будешъ, якъ въ рай!..

Лавынія.

Тату! *(Шарпа его за полу).*

Латынь.

Сердешна голосыла,
Слизьмы вси подушки змочыла.

Эней.

О, царю, батьку найблагійший!
*(Цилується зъ Латыномъ. До
Аматы).*

Дозвольте мамою васъ звать?

(Цилує їй руку).

Амата.

Бажаю жыть та поживать
Вамъ, диточки мои любеньки,
У щастї, въ сыли, та въ любви!..

Эней *(до Лавыніи).*

Яка жъ, Лавыню, ты гарненька
Въ одежи цій! А очкы, бровы!..
(Цилує їй).

Лавынія.

Зацилуй мене до смерты!..
Бажала бь я оттакъ и вмерты!..

Латынь.

Витайте молодыхъ, панове!

Амата.

Щобъ жыть имъ вично у шаноби!

Латынь.

Почнемо жь бенкеты справляты,
До шлюбу молодяты зряжаты!..

Эней.

Бубны и цымбалы чымъ дужчъ загудите,
Сопилкы кленови голосно свыстите!..

Лавынія.

Нехай нашу радисть чуче увесь свить,
Нехай любовь наша живе сотни лить!..

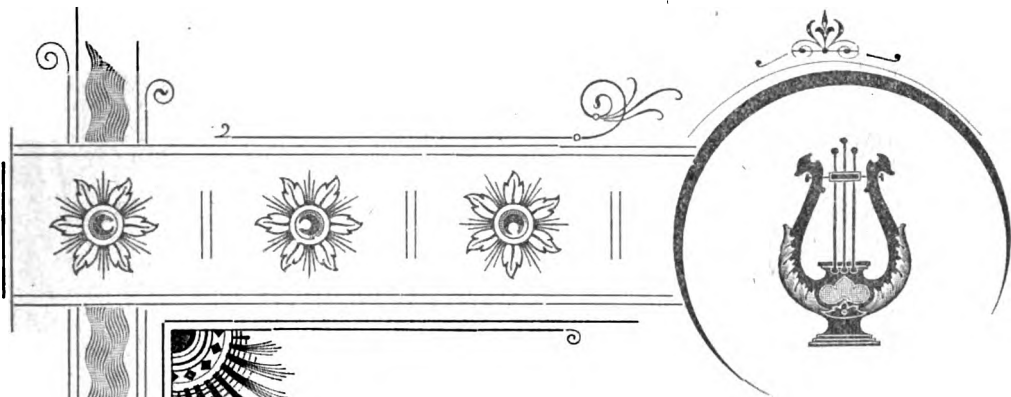
Троянци.

Оцёго й мы хочемъ
И такъ всемъ жыть треба,
Колы хочемо драбынку
Выстроить до неба.

О, боги Олыпма внемлите,
Кинець цій війни закрепите,
Щобъ скрызъ на земли мырь панувавъ,
Й кровы людської ништо не жадавъ.
Слава жь Энея, Анхызowego сына,
Хай богамъ и людямъ по вискъ буде
мыла!

З а в и с а .

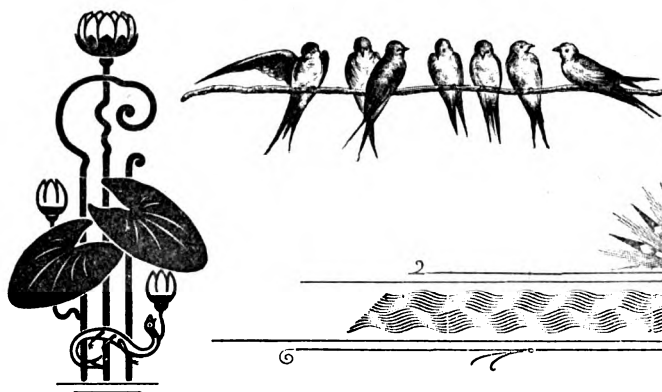

Дурьсвѣтка

Этюдъ зъ природы, въ 1-й дѣи.

Къ представленію дозволено. С-Петербургъ,
7 Сентября 1898 года.

ЛЫЦЕДІИ:

Лукія, підстаркувата жинка.

Хотына, іа небога, дивчына.

Хвылымонъ, парубокъ закоханы вь Хотыну.

Марына, его сестра, дивчына.

Мусій, музыка— скрыпныкъ.

Иванька, хлопецъ, бубоныстый.

Домка	}	дивчата.
Вустя		
Приська		
Хыма		

Антонъ, парубокъ.

Парубкы и дивчата.

Діетця пидъ Андрія, на сели.

Середына не багатоу хаты.

Я в а 1 - а.

Домка, Вустя и дивчата пораються быля печи, инчи липлять вареныкы, а инчи чыстят картоплю и инчу прыправу; Хотына сидыть на лавы, замыслывшысь.

Домка.

Що, якъ и сегодня, такъ якъ торикъ, або й позаторикъ, забороняць намъ справляты Калыты?

Вустя.

Торикъ такы жъ кусалы Калыту, а позаторикъ не довелось. А памятаете скількы рэготу було, якъ Ларивонъ убрався за дида та всихъ, хто рэготаць, кусаючы Калыту, вихтемъ мазавъ?.. А якъ дійшло до балабушокъ, тилькы що заманылы собаку въ хату, ажъ десятынка й прытырыло, и пропала гульня!...

Домка.

Эге, пропала ни за цапову душу! То Нечипиръ тоди зновистывъ десятынка.

Дивчата.

Нихто якъ винъ, за те що парубкы прогналы его зъ своен кумпані!..

Вустя.

И якы е кляты люде!

Домка.

Тилькы що торикъ одне було началство, а теперь друге, може новый старшына и дозволыть? Якъ ты думаешъ, Хотыно: дозволыть, чы не дозволыть?

Хотына.

Хочъ дозволыть, хочъ не дозволыть.
(Зитха).

Домка.

Такъ и я умію вгадувать. Що це ты сегодня якась, мовъ у воду намочена? Я вповала, що ты й сегодня верховодытымешъ на вечорныцахъ и весело буде; а ты розквасыла губы, тай...

Хотына.

Сумъ мене обгорта, журытысь хочу!..

Вустя.

Це вона, мабуць, не хоче вареныкы в липыты, черезъ те и прыкыдаецця хворою? (До Хотыны). А правда?

Хотына (Зитха).

Ой, не кажы такъ, Вусте, боронь тебе Боже, не кажы!..

Вустя.

То скажы видь чого сумъ?

Домка.

Лыбонь, выгадуешъ ты щось нове?

Хотына (чуло).

Не вповала я, щобъ и ты, щыра подруга моя, та не йняла мени вшыры?

Домка (зазыра въ вичы).

Справди ты журысея?

Вустя (дывытыця на Хрыстю).

Не до выгадокъ ій, колы ажъ слезы въ очахъ!..

Домка.

Чы не видь цыбули ти слезы? Де та цыбуля, що оттуть на викни лежала?

Хотына.

Домко, Домко!.. Грихъ тоби, грихъ, грихъ!..

Домка.

Колы й справди яке лыхо, то роскажы.

Хотына.

Заспывайте, сестрычкы, мени сумной, такой сумной, щобъ я у волю натужылася.

Домка.

Чому й не заспываты?

Вустя.

Спываймо, тилькы потыхеньку, щобъ бува десятныкъ не наскочывъ.

Домка.

Якъ наскоче, скажемо, що на оденкы зибралысь.

Вустя.

Якъ разъ, пидъ празныкъ на оденкы?

Домка.

А може не наскочыть? *(Почынають тыхо спивать).*

Та кохавъ мене батько
Якъ билу туполоу,
Та й видавъ мене за нелюба
Втопывъ мою долю.

Та кохала мене маты
Якъ рожеву квитку,
А теперъ мени довелося
Обратысь въ намитку.

Та кохавъ мене братикъ
Якъ яру пшеничку
Та й запродавъ чужимъ людямъ
Безщасну сестрычку.

Та кохалы мене сестры
Та якъ мьяту-руту,
Та й нараялы мени дружыновку,
Якъ гирку отруту.

Хотына.

Оттакъ! Кохають, кохають тебе, а дали вговорять, або сылюо прымусять иты за нелюба, и мовъ наумысне втоплять.

Домка.

Ты жъ це проты чого таке кажешъ?

Хотына.

Ця писня не мовъ цилкомъ зразокъ зъ мене. Ни я его николы не бачыла й не знала, ни винъ мене, а теперъ беремось!..

Домка.

Що? Чуєте, дивчата? Зъ кымъ же ты бересся?

Хотына.

И сама не знаю хто винъ и звидкы? Охъ, прощавайте, сестрычкы!.. Журитця за мною та згадуйте мене безталаночку!.. *(Кыдаецця видъ одній дивчыны до другои на плече).* Я жъ, лыбонь, никому зъ васъ ничего лыхого не заподіяла? Оплачте мене!

Домка.

Та роскажы товкомъ. якъ воно трапылось?

Хотына.

Де вже у мене той товкъ визьметця? Десь у ярмарку батькы змовылись; а оце учора вже й парубокъ зьявлявся.

Домка.

Якъ же ты идешъ за него? Невже безъ суперекъ и ни крыхты не вагаючысь?..

Хотына.

Нибы мене обморочено, чы зачаровано!.. Якъ глянула на него, то не мовъ зразу забула про всихъ и про все. Гарный же, такой гарный зъ облыччя!.. И такой смиренный та приятный на розмову.

Домка.

И заможный?

Хотына.

Нибы багатый, бо гарно зодягнений.

Вустя.

Щастя тоби, Хотыно!

Домка.

Ну, а якъ же буде дило зъ Хвылымономъ?

Хотына (*жаснулася*).

Охъ! Зъ Хвылымономъ? (*Розвела руками*).

Домка.

Винъ же лагодывся заразы пился Риздва за рушныкамы до тебе?

Хотына.

Лагодывся жъ, знаю...

Вустя.

А теперь розлагодытця.

Домка.

И коха жъ винъ тебе, та ще й не абы якъ коха!

Хотына.

Думаешъ я его не кохала?..

Вустя.

Але, якъ теперь на коханья нема моды, то...

Хотына.

Правду кажешъ, Вусте, яка ты розумна, сестрычко! Нема моды на коханне!..

Домка.

И не вже тоби не шкода Хвылымона?

Хотына.

Не знаю? Разъ здастця, нибы шкода, Господы, якъ шкода; а вдруге, вже нибы й байдуже!..

Домка.

То якъ же воно буде?

Хотына.

И сама не втямлю!..

Вустя.

Буде такъ, що выйде замижъ у чужу сторону, то й забуде про Хвылымона.

Хотына.

А вже жъ, забуду. Розумно кажешъ. Правду ты сказала, Вусте. Беры вже ты соби Хвылымона.

Вустя.

Винъ на мене и не дывытця.

Я в а 2 - а.

Ти жъ и Марына.

Марына (*вбигаючы*).

Добрывечиръ, сестрычки! Чы Хвылымона ще не було?

Хотына (*зъ жасомъ*).

Невже винъ вернувся вже зъ городу?

Марына.

Оце надъ вечиръ прыбигъ. Трохы-трохы не прогавыла я Калыты. Вже малягаты спаты, ажъ чую, маты озы-

ваються до батька: „чы пам'ятаешъ, кажуть, чоловиче, якъ ще за пашыхъ часивъ парубецтво та дивоцтво Калыту справляло?“... Я й насторочыла вуха. А батько й одмовылы: „не той вже, кажуть, теперъ свитъ. Першъ було у цей день ще тилькы почина смеркаты, а вже чутно спивы по веихъ вулицяхъ, ажъ село стогне; а сегодня ништо й гласу не подасть, нибы бенеря по селу пройшла“... А мене, вирите, сестрычкы, такъ раптомъ всю неначе комашнёю обсыпало, все тило такъ и спалахнуло на мени. Якъ схоплюсь та мерщій до своєї скрыни. А маты якъ галаснуть: „чого то ты такъ метнулася?“ А я нибы й не чую та швядчъ празныкову одужу пидъ плече та въ сини!..

Домка.

Гараздъ що прыйшла, а то бѣ жалкувала.

Вустя.

Теперъ прочуешъ новыну.

Хотына.

Ой, Вусте, мовчы, ще не 'пора!..

Марына.

Що тако, га?

Хотына.

Доказуй свое зпершу.

Марына.

Якъ выскочыла, кажу, я въ сини, ажъ дывлюсь у комирчынн горыть свичка и Хвылымонъ прыбираецця у празныкову одужу.

Хотына.

И на вищо винъ сегодня прыхавъ?

Марына.

Якъ на вищо?

Хотына.

Завтра бѣ...

Вустя.

А на мою думку нехай сегодня и вищъ довидаецця.

Хотына.

Ой, языката жѣ ты, Вусте!

Марына.

Про вищо довидаецця? Вы зѣ чымъсь выховуетесь видѣ мене?

Домка.

Доказуй, доказуй свое, а мы описля тоби выявимо.

Марына.

Ну, добре. Про вищо жѣ я? Эго. Не знаю, чы хвалытсы вамъ, сестрычкы? Хвылымонъ мени, Господы, якъ наказувавъ, щобъ мовчала. Але якъ его вмовчышь? Чы сказаты вамъ, га? Тилькы жѣ мовчить, не промовтесъ Хвылымонови. Чуешъ, Хотыно! Я пидслухала, якъ Хвылымонъ радывся зѣ батькомъ-матирью, щобъ благословылы тебе свататы.

Домка и Вустя.

Оттакон!

Хотына.

Що жѣ батько й маты?

Марына.

Зѣ дорогою душею ради, щобъ ты була намъ невесткою; а що вже я була бѣ рада, то й Господы!.. Тилькы батько сказалы, що тепера у ныхъ нема грошой на весилле, щобъ ажъ инсля Велькоднѣ за рушныкамы.

Хотына.

Писля Велькоднѣ?

МАРЫНА.

На Юрія продадутъ у ярмарку тельцю яливуку та годованого кабана, то й буде за що весилле видбуты.

ДОМКА.

Шкода, що спизнытця Хвылымонь.

ВУСТЯ.

Эге жь.

ХОТЫНА.

Мовчить-бо!..

МАРЫНА.

Выпада такъ, що ранищъ ни якъ не можна, грошей не стача... И закоханий же Хвылымонь у тебе, Хотыно, страхъ якъ закоханий!.. Разъ, ще у литку, прийшовъ у ночи до дому, а я лежу бяля хатнего порога, ще не заснула, тилькы очи заплющыла. Чую, сопе та витха, дали сивъ на прызьбу. Я розплющыла очи, дывлюсь: сыдыть, схылывся на руку и не мовъ окамяннивъ. Жалко мени его стало, я й озвалася. Чого це ты такой? пытаю. А винъ якъ не плаче: „Хиба, каже, ваша сестра не призведе людynu до лыха?“ Я его, ну розпытывать, ну розважать, такъ куды тоби!.. Мовчыть, якъ воды въ ротъ набравъ, мовчыть однимъ лыцемъ!.. Ничого видъ него и не допыталася, такъ и заснула соби.

ХОТЫНА.

Дуже бувъ засмучений?

МАРЫНА.

Биди!.. А другою дня, надъ вечеръ, жене видъ ричкы воливъ та такъ весело спива, маю не танцюе. Що, пытаю, вже помырылысь? Винъ усмихнувся та й каже: „Ну й Хотына! Учора пиддурыла мене такъ, що я цилу ничъ и очей не заплющывъ, а сегодня регоче мовъ нависна!“...

ХОТЫНА (*зареготала*).

И сама не знаю, чого мени забагнулося его тоди подратуваты... Але теперъ додратувалась.

МАРЫНА.

Нате жъ вамъ ось мысочку пшенишного борошна и пляшечку олин. А ось дечкы, у папери, медъ. (*Дае все*). Давайте и я допоможу вареныкы липыты. (*Роздлагаетця и помога*).

ДОМКА.

Що жъ, Хотыно, чы ты сегодня признаеся Хвылымонови?

ХОТЫНА.

Мабуть сегодня.

МАРЫНА.

У чимъ? Вы щось выховуете видъ мене?

ХОТЫНА.

А може й не сегодня?..

МАРЫНА.

Та въ чимъ же?

ХОТЫНА.

У тимъ, що й я радылась зъ отцемъ-ненькою.

ВУСТЯ.

И такъ вже порадылась якъ найкраще!

ДОМКА.

Тилькы не про Хвылы...

ХОТЫНА (*раптово*).

Домко! Ты хочешъ, щобъ я заразъ втекла до дому, то я втечу!.. Не кортыть, мабуть, вамъ почуты, якъ я каятымусъ привселюдно?

Домка.

Якъ такъ, то я потерплю.

Вустя.

И я.

Марына.

Та що тамъ такє?

Хотына.

Потерпы и ты, сестрычко! Потерпы, Марынка, голубко!.. Охъ, потерпы!..

Я в а 3-я.

Ти жь, Приська и Хыма.

Хыма.

Ось и капуста и олія, и картопля!..

Домка.

Добулы такы?

Приська.

А я пидцупыла у матери зъ скрыни
двѣ тарани и пять цыбульнъ!

Домка.

Теперь у насъ вечера буде на славу!

Хыма.

Такого Калыты справымо, якъ давно
не справлялы. Чы коржа и балабушкы
печете вже? Глядитъ, щобъ коржъ не пе-
рѣпикся.

Марына.

Чы приведуть хлопци музыкъ? Ко-
лы бъ Мусія привелы, отъ грає на скрыщи!..

Домка.

А що, якъ Мусія переманють у друге
село, якъ и торникъ?

Марына.

Погано буде.

Домка.

По другихъ селахъ може не забороняють справляты Калыты, а въ насъ забороняють.

Вустя.

Може и тамъ справляють крадькома.

Приська.

Торикъ за мисць музыкъ Вархоло-
мей гравъ на качальци, а Лавринъ у
решето выбывавъ; а цего року вже вони
намъ не кумпанія, бо жонати.

Домка.

Навдаху, чы теперь хто зъ паруб-
кивъ тямє хочъ на качальци заграты?

Марына.

А я вмю на гребени граты.

Дивчата.

Та невже?

Марына.

Ей-ей, умю! У насъ якось беседа
була та маты граты на гребени, я й соби
у нихъ навчылась. А Хвылымонъ такъ
ловко выбыва въ решето, що краще й
не треба.

Домка.

А ну заграй, чы потрапышь пидъ
ногу?

Марына.

А хто жь у решето выбье?

Хыма.

Може я потраплю.

Марына.

Давайте гребеня.

Домка.

И дныще даты?

МАРЫНА.

Ни, дныща не треба.

Хыма.

Давайте решето. (Даютъ).

МАРЫНА (обгорта гребеня тонкимъ паперомъ и гра губамы. Хыма бье въ решето и те жь прыграе иноди языкомъ).

А що, якъ? (Дви дивчыны почи-
нають танцюваты).

ХОТЫНА.

Пидь ногу, та якъ ловко!

ДОМКА.

Хотыно, потанцюй и ты зъ журбы.

ХОТЫНА.

И справди!.. Наплакаться ще буде
часъ, а теперь потанцюю! Ходимъ, Вусте,
зъ тобою. (Въ пивголоса). Доручу тобі
Хвылымона, а ты, гляды мени, жалуй его!..

ВУСТЯ.

Наврядъ, щобъ винъ мною зацика-
вывся, а що вже жалувала бь!..

ХОТЫНА.

Винъ тобі до любви?

ВУСТЯ.

Э... мало чого не бува!..

ХОТЫНА.

Я ему звелю, щобъ и винъ тебе кохавъ.

ВУСТЯ.

Колы бъ же то?

ХОТЫНА.

Давай же потанцюемо: тобі на ра-
дисть, а мени на лихо!.. Грайте. (Тан-
цюють).

ДОМКА.

Присько, а я зъ тобою! (Танцюють).
Ой, хороше жъ якъ, краще нїжъ пидь
сопилку. (Починаять де-яки приспи-
вувать, а дали спивають гуртомъ).

Нихто жъ мени не докучывъ

Якъ той Осавуло,

Загадуе на панщину

Ще й я не заснула.

Осавуле, Осавуле,

Дай же мени покій,

Нехай же я поперу

Сорочки зъ видмокы.

Ой ты знавъ, на що бравъ,

Мене новельчку,

Мене маты годувала

Якъ перепельчку.

Ой ты знавъ, на що бравъ,

Я жъ тобі не ривня,

Бо ты ткачь нытконлуть,

А я бондаривна.

Ой ты знавъ на що бравъ,

Може бъ я й робыла,

Наробывъ веретинъ

Чортъ ма мотовыла.

Ой ты пьешъ, мене бьешъ,

За якін вчынкы,

Хиба жъ тобі не напряла

За рикъ тры почынкы?

Одынъ пряла до Риздва,

Другый до Мыколы,

А якъ третій почала,

Буде й до Покровы.

Та не сама пряла,

Кума помогала,

Дала куми мыску пшона

И тры кускы сала.

Та не сама пряла,

Булы помишныци,

То за хлибъ, то за силъ,

То за паляныци...

ДОМКА.

А цытьте, лыбонъ щось торга дверыма!
Чы не парубкы? Хто це заперъ синешни
двери?

ПРИСЬКА.

Льбонь, я.

Дивчата.

На вищо?

ПРИСЬКА.

Я звыкла дома запираць, бо мене маты разь-у-разь были, щобь не кыдала синешныхъ дверей, я й тутъ заперла. (*Побигла видчынять*).

Домка.

Може началство почуло, що мы спиваемо, та й?..

Я в а 4-а.

Ти жь и Лукія.

Лукія.

Ну, дивчатка, була я у волосты, сказать, такой смилосты набралася, що достушыла ажь до самисепького старшыны. А все це ты, небого, пидцькувала мене; послухала тебе та й набралася клопоту. Эге, достушыла та й кажу: такъ и такъ, ваша мылость, чы дозвольте, кажу, у мойй господи нашій молодечи Калыты справляты? Адаже, кажу, прыгадайте, ваша мылость, шо й вы колысь у тій самій хати, ще за моен покійнои матери, якъ были парубкомъ—звольлы не разь Калыту кусаты? А воны усмихнулысь та й кажуть: „тошно що кусавь, верно, памьятаю... Але то було колысь, а теперь „не полыгаецця!“ А я имь зновъ: та дозвольте такы, кажу. Мы жь зь вами и не чужи, льбонь, нибы сваты? Воны стало быть, держуть Хведора Шамрая небогу; а Хведирь мени доводитця дядькомъ у другихъ. А воны мени зновъ: „тошно, що якъ неначе и родакы мы, тилькы „не полыгаецця“. Онъ яке дило! Мабуть, дивчатка, такъ зробіте: повечеряйте соби у гурти, пыщенкомъ та й розиходьтесь по хатахъ. Сами бачыте, що „не полыгаецця“.

Домка.

Що жь воно означа оте: „не полыгаецця?“

Лукія.

Розберы, хто тяме: „не полыгаецця“, тай годи. Полизу жь я швыдчь на пичь, щобь кисточки хочь трохы розимлилы, бо настоялася у волосты въ волю, докы достушыла до самыхъ... А все це, Хотыно, черезь тебе: „пидить та й пидить, титко!“ Отъ и пишла.

Хотына.

Я вповала що певно дозволять.

Лукія.

То-то що вповала. (*Взлизла на пичь*). А воно бачь „не полыгаецця“.

Домка.

Пропавь нашъ захидь. Скильки понаносилы істывного.

Марыпа.

А що якъ парубкы прыйдуть та ще й музыкь прыведуть?

Лукія.

И сама не знаю, що буде?.. Я разь бачыла Мусія скрипныка, каже, що его клыкало парубоцтво.

Марыпа.

Клыкало? Це его Хвылымонь клыкавь. Я вже знаю, шо це винь!..

Лукія.

Я ему кажу: „не полыгаецця“. А винь каже: „а мы налыгаемо“,—отъ и розберы?

Хотына.

Якъ же це воно буде? Я наважылася сегодня натанцоватысь до знесылення!..

Домка.

Хочь на останьци патанцюйся.

Лукія.

Якъ на останьци? Хиба вона куды видзіздыть, чы вь наймы йде?

Хотына.

Иду.

Лукія.

Эъ прымхивь, чы зь болячкы скор- тило тоби у люде?—Дывына!

Хотына.

Добри прымхы!..

Хыма.

Мабуць, свій мнякый хлибь обрыдъ, то кортыть погодуватысь чужымь, цви- лымь та черствымь?

Вустя.

Ни, вона, мабуць, істыме булочки та медянычкы?

Домка.

А може й канхветы?

Хотына.

Годи, сестрычкы, не вражайте!

Я в а 4 - а.

Ти жь и Хвылымонь и скильны парубнивь.

Хвылымонь и парубкы.

Добрывечирь хатнимь!

Хвылымонь.

А надвирнимь: прощавайте! Чы вси вы тутъ? (*Чоломжаеця зг дивчатамы*).

Лукія.

Готуйте, дивчата, вечерю, що тамь у вась е? Погодуйтеь та й розиходьтеь.

Хвылымонь.

Ну, це буде дуже скоро.

Лукія.

Справляты Калыты „не полыгаеця“.

Хвылымонь.

Це мы вже чулы. Якъ що начал- ство наскочыть и розжене, тоди й ро- зійдемось.

Лукія.

Эге, вамь ничего не буде, а мене посадять у холодноу.

Домка.

Не бійтесь, титко, якъ посадять, то мы вамь носытымомь и обидаты, и снн- даты, и вечеряты...

Хотына.

Я вамь и пирижкнєь, и вертуты, и огиркнєь солоныхь... Вамь тамь добре буде!

Хвылымонь (*до Хотыны*).

А я хочу тоби сказаты щось дуже цикаве.

Марына (*шепче Домци*).

Це винь про те, що я казала.

Домка (*до Хвылымона*).

Лыбонь, Хотына тоби скаже щось цикавище.

Хвылымонь.

Хиба?

Домка.

Прызнавайся, Хотыно.

Хотына.

Ни, не хочу.

Хвильмонь.

Що таке?

Хотына.

Та то я промовилась, а теперь...

Домка.

Чы теперь, чы въ четверь, а признаватись треба.

Вустя.

Признавайся вже, адже не бытyme!

Дивчата (*цикаво*).

Хто бытyme?

Хвильмонь.

Що вчынылось, кажы швыдче?

Хотына.

Не могу... (*До Домкы*). Почны ты, сестрычко, або ты Вусте. Бо мени духъ зупыня!..

Домка.

Казать сразу?

Хотына (*зита*).

Кажы.

Вустя.

Хай я скажу.

Домка.

Ни, я, я...

Хвильмонь.

Та кажить вже, котра небудь,—не нудьте!..

Домка.

Що жь, тутъ довго нема чого й розказуваты. Хотына выходе замижъ за чужостороннего!..

Хвильмонь (*жалыво*).

Якъ?!

Домка.

Батькы умовылись на якимсь ярмарку; а вчора вже й парубокъ приздывъ—красывый и багатый!..

Вустя.

И приятный на розмову!..

Хвильмонь (*боляче*).

Онъ що?!

Хотына.

Неначе й досы бачу его передь своими очыма.

Хвильмонь.

И тоби не повывазыло? Такъ онъ яке дило, ловко!..

Хотына.

Хиба я вынна?

Хвильмонь.

Чуете, вона невынна? А хто жь вынень?

Вустя.

Той, хто красивый та багатый!..

Хотына (*падае Хвильмоноу въ ноги*).

Не гнывайся, не гнывайся!..

Хвильмонь (*зирко*).

Хотыно, Хотыно!..

Хотына.

О, Боже мій, Боже мій!.. Та чымъ же я вынна, що мени таке нещасте выснылось?..

Хвильмонь.

Що? (*Зареготавъ и пидійма Хотыну, котра почына реготать*). Ну

и не идолка жъ ты? Ну, дывитця, люде добри, на неи!..

Домка (*регоче*).

Чы не хытра жъ? Бачъ, ій прыслылось, а вона... Ну й не дурывитка жъ ты?

Вустя.

То це тоби у сні?.. То ты онъ яка?!..

Хотына.

А хіба я колы була инчою? (*Регоче*).

Хвлымонъ.

Оттакого дурня зъ мене встроила. (*Хана іи уноперекъ*). Взять тебе оттакъ, перекинута черезъ колыно... Шкода, що нема тутъ мантачкы, або копысткы... Отъ капостна!..

Хотына.

Ты жъ казавъ, на тимъ тыжневи, що зроду-вигу я вже тебе бильшь не обдурю?

Хвлымонъ.

Та казавъ же. Тю и забувъ!

Хотына.

Казавъ, що купышь пивъ хвунта канхветивъ, якъ обдурю. Давай мерщій гроши, я вже сама побижу за канхветамы.

Хвлымонъ.

На, на цылый хвунтъ, ажъ четвертака,—за те, що такъ ловко обдурыла. (*Дае гроши, регочучы*).

Хотына (*бере гроши*).

Домко! А не казала я тоби сегодня бия крыныци, що істымешъ канхветы?..

Домка.

Та казала жъ, а мени и не втямки.

Вустя (*тымъ часомъ одяглась*).

Прощавайте, сестрычкы!

Вси.

Куды це ты?

Вустя.

Маты звелилы не барытысь, я тилькы на хвылыну выпрохалась...

Хотына.

Зоставайся, Вустя, я дамъ тоби канхветивъ.

Вустя (*зъ гнивома*).

Іжъ сама!

Хотына.

А ты хотила, щобъ я тоби Хвлымона виддала?

Вустя.

Хай вамъ чортъ обомъ! (*Хутко пшшла*).

Хотына.

Дивчата, гайда у лавочку, купымо канхветивъ. (*Хотына, Марына и Приська побиглы*).

Лукія.

Ну й гостра жъ у мене небога на выгадкы!

Хвлымонъ.

Прямо пошыла мене у дурни! Зариклась же, що вже бильшь не буде дурыты и знову!..

Лукія.

Чымъ же вона тебе въ останце пиддурыла?

Хвлымонъ.

Та выбигавъ черезъ неи увесь лисъ и лугъ, такъ чуба нагривъ, пеначе трое день безъ спочывку косывъ. Бачте, иду я поузь іи хату, поздоровкався, а вона якъ сплесне долонямы: „де це ты, каже,

вештається? Тутъ батько твій здорово бидкався, що зорнула сыва лошыця и побигла у панський лугъ. „Побигъ бы, каже, самъ, такъ не сыла моя ін перойняты; а Хвылымона десь чорты вхопылы“. Якъ пужну я въ лугъ: сюды, туды-нема!.. Оббигавшы увесь лись, вертаюсь, бачу, вона зновъ стоить биля хаты. Не бачыла? пытаю. „Кого?“ каже. Лошыци? — „Якой лошыци?“ Нашои жъ, кажу. А вона якъ зарегоче. „А що, каже, перехрестывъ лись вздовжъ и впоперекъ? За те ничего лыхого не прыснитця“. Оттака смиховодныця!..

Лукія (*сміється*).

Правда, шо зиллечко! Весела у тебе буде жинка!

Хвылымонъ.

Зъ такою не зажурься!

Я в а 5-а.

Ти жъ и Марына.

Марына.

Парубкы йдуть и музыкъ ведуть.

Лукія.

Вже йдуть? Ой, не минути сегодня мени лыха!..

Хвылымонъ.

Та що жъ, якъ намъ у хати не можна погуляты, то де жъ можна: по ровахъ, чы по кручахъ?..

Лукія.

А що жъ вдієшь колы „не полыгаєтця?“

Я в а 6-а.

Хотына и ще дивчата.

Хотына.

Нате й вамъ, сестрычкы, канхветивъ! Нате и вамъ, титко! У васъ зубивъ нема,

то вы смокчить. (*Роздає*). На и тобй, Хвылымоне.

Хвылымонъ.

Я солодкого не люблю.

Хотына.

А я кажу: на!.. (*Тыче ему*).

Хвылымонъ.

Не хочу.

Хотына.

Не хочешъ? Отъ, люде добри, яка у мене женышына! Бачыте, якъ винъ мене шанує? Колы такъ, гуляйте, дивчатка, безъ мене, а я пиду до дому, якъ и Вустя. Прощавайте!

Хвылымонъ.

И я пиду за тобою.

Хотына.

Ты пидєшь въ ливоручъ, а я въ праворучъ.

Хвылымонъ.

Ну, вже давай канхвета.

Хотына.

Оттакъ бы й давнищъ. (*Дає ему порожній папирецъ*). На. мій соколыку, годуйся!

Хвылымонъ (*розверта*).

Де жъ канхветъ?

Хотына.

Канхветъ я зыла, а тоби папирецъ!

Хвылымонъ.

Такъ я жъ одному у тебе.

(*Ганлетця за нею, потимъ утїмаєв*).

Хотына.

Ой, задушышь!.. Титко, печить мерщій пырижки та готуйте колыво, бо винъ мони вика вкоратае. Стрывай, стрывай, на вже тоби. Геть подряпавъ руки. Я жъ тоби видячу за це!..

Я в а 7 - а.

Ти жъ, Мусій, Иванька, Антонъ и други парубкы.

Мусій.

Добрывечирь, зъ Калытою будьте здорови!..

Антонъ и парубкы.

Добрывечирь! Здоровъ, Хвылымоне! Чудасиі розкажуе, братъ ты мій, Мусій! Послухаешъ его, братъ ты мій, такъ ажъ волоссе стае до горы, братъ ты мій!

Хвылымонъ.

Та винъ на брехни, такъ прямо у перву гыльдю.

Дивчата (до Мусія).

Роскажить и намъ яку страховыну.

Мусій.

Про що жъ вамъ розказать? У мене казокъ повна кешеня.

Антонъ.

Про скорохода. Отъ, братъ ты мій, штука!

Мусій.

Да, скороходъ, дакъ вонъ можетъ усяхи прахтыкы провзойты. Булы мы, выдыте, у однимъ городи.

Хвылымонъ.

А якъ той городъ зветця?

Мусій.

Городъ турецькый, такъ ему и имня турецьке: городъ Кандыбалъ.

Хвылымонъ.

У насъ тилькы вивцю-шпанку, купають у кандыбали, якъ короста нападе; а у туркивъ це городъ.

Антонъ.

Сторія, братъ ты мій!..

Мусій.

Ще о чудниці города. Свить великый!.. Симдесять царствъ-государствъ, симдесять симъ виръ и симдесять симъ языкивъ; а черезъ те и симдесять симъ лыхорядокъ. Такъ воно и у плантахъ показано. Було це, якъ разъ на Петра, якъ ще я бувъ у погоньцяхъ, на Дунаи. Лежымо мы, коло обозу и такъ, що вже, сказать, зовсимъ стемнило и тилькы ричка Дунай шумить!..

Хвылымонъ.

Шумить?

Мусій.

Невмовкно шумить, день и ничъ шумить!.. Тилькы на першый день Велькодня та на Риздво затыха, докы люде розговіютця.

Антонъ.

Штука, братъ ты мій!

Мусій.

Потому недзя и ричка мусыть маты видпочывокъ.

Хвылымонъ.

Такъ бы-то встроено?

Мусій.

Верно. Такъ ото лежымо мы и дывмось, що воно за рыхметыка?—Всю

гору вогнемъ освитило, нібы пожежою. Прислухались, ажъ и музыка гра. Я заразъ якъ схоплюсь, а за мною ще декотри и побігли мы на те вогнище. Прибигаемо, а вже народу тамъ выдымо-невыдымо!.. Пляць такой великий, стовбчыкы навкругы повбывани и двичи обкунуто канатомъ, щобъ ни-що не пройшло и не пролизло въ середину. А по середини гра музыка и начальныкы сыдять. Ажъ це бижить, такъ бижить, такъ бижить!.. Бижить та все по жыжкахъ себе нагаемъ хлѣска... Сказать, винъ чалавѣкъ, якъ и прочи други, ну тилькы въ его лытокъ нема.

Дивчата.

Нема?

Хвылымонь.

Невже безъ лытокъ?

Антонь.

Сторія, братъ ты мій!

Мусій.

Лытки ему повыризувано ще змалку, щобъ швядчъ бигавъ и безъ втомы... Тилькы що винъ била насъ пробигъ, ажъ це щось якъ загуде, якъ затрищить, якъ зашкварчыть, а дали якъ палахне, такъ вогнешнымы искрамы и засыпало весь народъ. Я зыркъ въ гору, ажъ летыть якась велика жарына, прямо мени въ вичи; я навтеку, а вона за мною, пуць и впала передъ самисенькымъ носомъ... Я оторопивъ, зупынився и ничего не збагну. Трохы згодомъ очумався, роздывився, ажъ лежить цурупалокъ, нібы качалка. Взявъ я его, понюхавъ—смердыть... Хотивъ ще разъ понюхаты, ажъ воно якъ прысоне вогнемъ та прямо мени въ пыку!.. Я, бабахъ его объ землю та драла, а воно за мною, неначе гадука, та все трись, трись, трись!.. Та такъ ажъ до самисенького обозу

гналось за мною. Вже другого дня, одынъ унтырхыцеръ, якъ росказавъ я ему про це, такъ винъ тоди догадався, що то була вогненна кышка!..

Антонь.

Чудасія, братъ ты мій! Чы васъ тамъ и на скрипци навчено, чы де ниче?

Мусій.

Нигде прочее, якъ тамъ. Бо тамъ доходятъ до всякихъ навукивъ и до всякихъ практикивъ. Колысь-то, передъ свитомъ, у тимъ же такы городи...

Хвылымонь.

У якимъ?

Мусій.

Та я жъ казавъ вамъ, той, якъ бо его? Стрывай!.. Стильки городивъ бачывъ, що й забувъ якъ его на имня? Конотопъ.

Хвылымонь.

Бувъ Кандыбаль, а теперъ вже Конотопъ?

Мусій.

Ты мене вывирять хочешъ, чи що? По турецькому Кандыбаль, а по нашому Конотопъ. Такъ передъ свитомъ, іхавъ я черезъ греблю, возывъ на той бикъ провьянтъ... Вертаюся до гамазю та доізжаючы до гребли и вставъ соби зъ воза, щобъ бува воли не сполохались та не наробылы шкоды. Ну, ото иду я попередъ воливъ и думаю: якъ бы то мени навчытысь такъ граты на скрипци, щобъ що тилькы надумавъ те й загравъ? И вчулося тутъ мени, що нібы поручъ зо мною идуць музыка и такъ ловко грають. Одна скрипка, нібы прямо вымовля: „Будемъ істы, будемъ пыты, будемъ істы, будемъ пыты!“ А друга непаче дражне и: „Побачымо якъ тамъ буде, побачымо

якъ тамъ буде!“ А бась, то той вже уперекъ имъ обомъ: „И я жъ кажу, що такъ такы, и я жъ кажу, що такъ такы!“... А що каларнетъ та хлѣта, то не мовъ дивчата голосять... Иду, иду я, а дали й спиткнувся и трохы-трохы не вправъ. Озырнувся, ажъ проты мене купына!.. Що воно таке? Глянувъ назадъ: ни воливъ, ни воза и самъ я по колина въ болоти. Ажъ це зъ купыны чорненькый котыкъ пльгъ, перекинувся проты мене черезъ голову и бачу, що то вже людына. „Здоровъ, каже, чоловиче, я давно вже тебе чекаю! Хочешъ навчытысь на скрюпци граты?“ А мени неначе хто пакола забывъ у рота: хочу промовыть и не поворухну языка, и тилькы чую, що шкура у мене на голови отерпла. „Не пужайся, каже, бо якъ ты проты нашего брата знаешъ такого слова, то будьмо прятателями“.

Антонъ.

Слова? Сторія, братъ ты мій!

Мусій.

Тоди тилькы я згадавъ, що тошно мене навчывъ одынь бургаръ такого слова и заразы ставъ я смилывищымъ, куды и перелякъ подився. Почоломкався зъ нимъ, ще й за хвостыка подержавъ. Вони дуже люблять, щобъ ихъ за хвостыка подержать. А дали й кажу: навчы, братухо, гратъ на скрюпци, потому тошно жалаю, онъ якъ жалаю прахтыкывъ усякихъ на етомъ штрументы. „Можно“, каже. „Ходимъ же пидъ оцей опустъ, тамъ у насъ е всякы штрументы. А що жъ ты дасы мени за навуку?“—А що жъ? пытаю. „Душу твою, каже, взять не можна, бо вона казенна“. Розуміете, що погонецъ все ривно що салдаты?.. „А отъ що, каже. Якъ ты оженился и дасть тоби Богъ дыте“... Ось черезъ що, братця, я й досы не жонатый и увесь свій викъ, значыть, спарубкувавъ... Пишлы мы пидъ опустъ. Идемо,

а попереду насъ зъ кожної купыны, чортенята: пльгъ, пльгъ!.. Одынь пидбигъ до мене: „дайте, каже, дяденька, табачкы понюхаты!“ А чемерыцы, кажу, не хочешъ? А вже звисно, що тилькы напхай чортови чемерыцы въ низдри—заразы его чемеръ нападе и здохне. Винъ зновъ до мене пльгъ: „Та дайте-бо, каже, дяденька, табачкы!“ Такой уідлывий! Я его за вухо хапъ! Винъ якъ закрычыть: „Ой, видпустить, дяденька, душу на согришеные!“ Бачте, мы, прымеромъ, хрыстыяно, кажемо: видпусты душу на покаяныя, а нечыста сыла каже: на согришеные! Ну, я его й пустывъ. Прыходымъ мы пидъ опустъ, ажъ тамъ штрументу така сыла, що куды не глянь одынь штрументъ... Кимнага така велька, скрызъ на викнахъ вышывани рушныкы, а на полицяхъ срибни та золоти тарилкы та мыскы. Заразы давъ мени скрыпку у руки и шмычокъ. „Грай“, каже. Самъ голосомъ почавъ выводыть, а я за нимъ шмычкомъ. Ажъ пидъ зъ мене юшыть, а винъ одно крычыть: „грай!“ Гравъ я, гравъ, дуже довго гравъ, ажъ це чую: „кукуруку!“ Тутъ въ ментъ все, не мовъ кризы землю провалылось. Оглянувся я сюды—туды, дывлюсь, противъ мене: брама, волю вѣямъ вперлыся у браму и я сыдю на вози... Очумався, схопывся, видченывъ браму, розпригъ воливъ, ажъ вже й на день поблагословылося. Якъ тилькы розвыднылось, пишовъ я на базаръ. Иду и бачу, на зустрічъ мени иде цыганъ: „а я тебе, каже, давно выглядаю!.. Бачу по очахъ, що скрыпку хочешъ купыты, то ось тоби и скрыпка... Давай пивтора карбованця и полу чай“... Думаєте, хто то бувъ?

Де хто.

Та хто жъ?

Мусій.

Та *винъ* же, я его зразу впизнавъ... Купывъ я ту скрыпку та мерщій назадъ

и заразъ, якъ прійшовъ, вона мѣни зразу и голосъ подала. Онъ воно якъ бува. Теперъ покуримъ. (*Робе цыгарку*).

Домка (*пыта*).

Кинець?

Мусій.

Кинець и Богу слава. Ну можна ще скільки завгодно.

Хотына.

Стійте! Теперъ я розкажу.

Мусій.

Гавары, я охочый слухаты. Ванюшка, покуримъ, подай цыгарошныкъ.

Хотына (*до себе*).

Ну-ну, мовчы ты тамъ!

Марына.

Що тамъ у тебе?

Хотына.

Не покажу.

Хвылымонъ.

Це вже щось нове выгадала.

Антонъ.

Штукарка, братъ ты мій!

Хотына (*зновъ до себе*).

Отъ же хочъ разъ ще поворохнысь—задавлю!..

Домка.

Ей-Богу, у неї щось тамъ е, бо й ворухытця.

Марына.

Покажи-бо, що тамъ таке?

Хотына (*знову бѣ*).

Отъ же выйму, та такъ объ доливку и джвякну!

Антонъ.

Хотына хочъ и брехню яку выгада, ну такъ же вона ловко, братъ ты мій, розкаже ии, що ажъ слухаты хороше.

Домка.

Розкажуй-бо, Хотыно, хочъ швядчъ!

Марына.

Нехай покаже, що тамъ у неї.

Хотына (*до себе*).

Ага, замовкла? Слухайте жъ, та не полохайтесь. Якось торикъ прійшовъ до насъ пидъ викно старецъ, такый же старый, що ажъ неначе мохомъ обрисъ и ледве-ледве дыба. И ставъ винъ прохаты мылостыни...

Домка.

Ага-га! И до насъ винъ прыходывъ?..

Хотына.

Отъ бачыте, що я й не думаю васъ пиддурюваты? Вынесла я ему окраецъ хлиба, дрибокъ соли и дви цыбулыны. Це було якъ разъ у Петривку.

Домка.

Такъ, такъ, правда, то у Петривку.

Хотына.

А що, Хвылымоне, выгадую я? Отъ взявъ винъ мылостышу та й каже: „За те, що въ тебе така щыра душа, я тоби ось якъ подякую. Е, каже, тутъ у вашій ричци, пидъ однію кручою, у води печеря, у котрій сыдыть вже симдесять симъ литъ зачарована дивчына...

Мусій.

Ето верно, що якъ зачаровують, такъ на симдесять симъ литъ не инакше, я и въ Турціи про ето слихавъ. Какъ 77

знахарствъ, такъ тошно 77 царствъ-государствъ, 77 виръ, 77 языкивъ и 77 ляхорадокъ...

Хвильмонъ.

Не мишай-бо, Мусію!..

Мусій (до Хотыны).

Продолжай, красная дивыця!

Хотына.

Ту дивыцю одынь знахаръ оберпувъ у гадюку. Пиды ты, каже, у першу середу, писля Петривкы, до ричкы по рыбу; тилькы йды до третихъ пивнивъ; якъ пивни зашють, щобъ ты вже була на мисьцеви. А щобъ тоби не страшно було одній, то пиды зъ матирью. Попадетця, каже, вамъ у тканяцю гадюка, ты заразы перехресты іи трычи и надинь на неи оцю мотузочку. И заразы вынявъ зъ торбы мотузочку и давъ мени. Тоди, каже, гадюка заговорыть до тебе людськимъ голосомъ: „ой, змерзла я, змерзла, погрій мене дивчыно!“ (Бъе себе). Зновъ ворущыся? Мовчы, а то у пичъ укыну!..

Домка.

Невже вона у тебе за пазухою?

Марына.

Ой, я боюсь!

Хотына.

Беры, каже, іи у пазуху и несы до дому. Якъ зогрєшь іи, тоди вона служытме тоби вирую и правдою; захочешъ що збыты, чы спыты—все въ ментъ зьявытця!.. Захочешъ кого обдуриты... Зновъ забунтовала?.. (Выйма зъ пазухы гадюку). Иды жъ ты къ бису, колы такъ!.. (Вси зъ страхомъ одскакують).

Антонъ (пидійшовъ и взявъ гадюку).

Эге-ге. Вона, братци, деревьяна!.. (Регитъ).

Домка.

Ну, давайте вже выиматы коржа та чипляты до стели, почнемо Калыту кусать. Титко, вы вашу собаку сегодня не годувалы?

Лукія.

Ще не годувала.

Домка.

А то якъ годованный, то не захочетъ й балабушокъ хапать. А хто жъ буде за дида?

Дивчата.

Нехай буде Антинь.

Други.

Нехай Хвильмонъ.

Хотына.

Хвильмонъ, Хвильмонъ! Винъ уміе до ладу прымовляты.

Вси.

Нехай и Хвильмонъ.

Хвильмонъ.

Якъ я, то й я. Ось заразы прычепурюсь. (Иде межъ кочергы и тамъ робе соби бороду зъ клочья и вуса, потимъ розбовтуе у черепку сажу и робе вихотъ).

Лукія.

И боляче мени, черезъ те, що „не полыгаецця“ и зновъ кортыть подывытыся, якъ вы кусатымете Калыту?

Хвильмонъ.

Слушайте жъ умову. Кто вкусе коржа и не засміетця—тому мынетця; хто засміетця—давай пятака, на дохидъ мuzzyкамъ.

Мусій.

За ето благодарымъ.

Хвильмонъ (*сиди край столу. Дивчата намазують коржа медомъ и чепляють до стели на пояси. У коржи по середини дирка*).

Ну, хто почына? (*Дивчата росплитають косы*).

Вси.

Хто, хто першый? Ты! Ни, ты!.. Я не хочу!.. А я боюсь!.. Я й такъ регочу вже!..

Антонъ.

Ну, я першый поїду. Симъ бидь—одынь отвить. (*Сиди на кочергу верхы и иде до коржа*). Диду, диду, я до тебе въ гости їду.

Хвильмонъ.

По якимъ диламъ?

Антонъ.

Заразь обявимо вамъ.
Хочу Калыту кусать.

Хвильмонъ.

А я буду по пыци пысать.

Антонъ.

Якъ засміюсь—пысай!

Хвильмонъ.

А ну-ну кусай!

Лукія.

Обыдва мытци до ладу промовлять.
(*Антонъ укусывъ коржа и иде назадъ*).

Дивчата.

Эге-ге! Хвильмонъ не схотивъ розсмишты Антона.

Хвильмонъ.

Иды ты его розсмишы.

Антонъ.

Мене, братъ ты мій, зъ роду-вику ништо не розсмишыть.

Приська.

Давайте, я поїду. (*Сила на кочергу*). Диду, диду, я до тебе Калыты кусать їду!

Хвильмонъ.

Гляды жъ не наробы слиду. (*Дивчата хихикають*).

Приська.

Та нуте-бо, не смійтесь.

Хвильмонъ.

Ну, ну кусай!
Або пятака прыпасай.

Приська.

Ой, ей Богу, не можу!

Хвильмонъ.

Кусай, кажу тоби.

Приська.

Ой, нажыла биду соби! (*Вкусыла и зареготала*).

Хвильмонъ (*маже їи вихтемъ по щокахъ*).

Ось тоби и сюды и туды!.. (*Регить*).

Хыма.

Я не засміюсь. (*Сиди и иде*).
Диду, диду, я до тебе їду
Калыты кусать.

Хвильмонъ.

А я тебе буду
Вихтемъ цымъ пысать.

Хыма.

Якъ засміюсь
Тоди й провynyюсь.

ХВЫЛМОНЪ.

А що въ тебе пидъ носомъ?

Хыма.

Губа.

ХВЫЛМОНЪ.

А на губи що?

Хыма.

Нема ничого.

ХВЫЛМОНЪ.

А я бачу.

Хыма.

Що?

ХВЫЛМОНЪ.

Задачу.

Антонъ.

Ловко, братъ ты мій, Хвылымонъ пры-
мовля!

Хыма.

Яку задачу?

ХВЫЛМОНЪ.

Сыръ та муку и грудочку масла,
Що ще видъ пущеня Антонови пры-
пасла.

Хыма (*засоромылась*).

Тьфу! Хай тоби абы-що!

ХВЫЛМОНЪ.

Кусай, кусай,
Або жъ два пятакы прыпасай.

Хыма (*злизе съ кочергы*).

Не хочу. Краще виддамъ два пята-
кы. Антоне, позычь мени?

Антонъ.

Можна. (*Дает гроши*).

МАРЫНА.

Я, я, я поїду! (*Сиди*). Братику,
ты жъ мене не дуже мажъ, якъ про-
вынюсь.

ХВЫЛМОНЪ.

Ну-ну, паняй!

МАРЫНА.

Диду, диду, а вгадай куды я їду?

ХВЫЛМОНЪ.

Може покосомъ, въ помыйницю по-
сомъ? (*Регитъ*).

МАРЫНА (*до дивчатъ*).

Та ну-бо, не смишыть.

ХВЫЛМОНЪ.

А ты не спишы,
Їдь пидтюпцемъ, тыхо,
Щобъ не вчынылось лыхо.

МАРЫНА.

Ой, кортыть же мене вкуснuty.

ХВЫЛМОНЪ.

А мене кортыть пыснuty.

МАРЫНА (*жуса*).

Жылавый, не одкусю. (*Регоче*).

ХВЫЛМОНЪ.

За це патреть тоби спышу. (*Маже*).
Оце за Мыколу,
Це за его ридъ,
А це за весь пидъ.

МАРЫНА.

Ой-ой! Увесь выдъ замазавъ. Ой,
дайте воды, хочъ очи промыты! (*Умы-
ваетця*).

Мусій.

А дайте и я проскакаю, на тимъ ска-
кунови и я жъ парубокъ.

ХВЫЛМОНЪ.

Пожалуйте, господинь-сковородынь.

Мусій (*сидъ на кочергу*).

Дѣдушка, дѣдушка,
Я до тебе іду кусать хлѣбушка.

ХВЫЛМОНЪ.

Не дуже басуй
Та коня не попусуй.

Мусій (*до всихъ*).

И въ мене до ладу выходыть и въ
него до прыкладу.

Диду, диду,
Я кусаты Калыты хочу.

ХВЫЛМОНЪ.

Стрывай лыпъ, вихоть умочу.

Мусій.

А солодка Калыта?

ХВЫЛМОНЪ.

Хай куштуе, хто пыта.

Мусій.

Ой, укушу.

ХВЫЛМОНЪ.

Ой, напишу!

Мусій (*зареготавъ*).

Ну, куснувъ!

ХВЫЛМОНЪ.

А я пыснувъ. (*Маже его*). Кто дали?

Дивчата.

Нехай хто другый за дида, Хвыл-
монъ здорово смишыть.

Хотына.

Теперь я. (*Сидя*).

Диду, диду, я іду!

ХВЫЛМОНЪ.

Куды?

Хотына.

До твоєи бороды. (*Кыдаецця до
него, зрыва бороду и втика*).

ХВЫЛМОНЪ.

Виддай-бо бороду, виддай! (*Женет-
ця за нею, вона хутко втика зъ
хаты, винз слидомъ*).

Антонъ.

Мабуть по калыти. (*Знима коржа*).
Дило доходыть до балабушокъ.

Дивчата.

Дай и мени покоштувать коржа!.. И
мени!.. (*Ламають коржъ и ідыть*).

Антонъ.

Выймайте вже балабушки, намичайте,
братъ ты мій, кожна соби по одній та
й вкльчемо сюды собаку. А други дивчата,
ставте на стиль, що тамъ е истывного; а
осьдечкы пытво. (*Выйма пляшку и
други пляшки бере у парубкивъ и
ставляе на стилъ*). Ну жъ, жвавиць,
бо ничъ, братъ ты мій, не жде. (*Див-
чата пораютця и ставляють на
стилъ страву*).

Мусій (*до Лукіи*).

Може почынать гратъ, чы якъ вы
скажете, паниматко?

Домка.

Заграйте польку-станъ.

Дивчата.

Польку-станъ, польку-станъ!

Лукія.

И кортыть мене подывытысь на того
моднего тальця и боязко, що... „не по-
лыгаецця“.

Мусій.

Та вже, титко, мовляв, чы разъ
батька въ лобъ, чы двичи—однаково.

Я в а 8-а.

Ти жъ и Хвылымонъ.

Хвылымонъ.

А де жъ Калыта?

Домка.

Поминай якъ звалы. покоштуешъ хйба
вже на той рикъ.

Лукія.

А Хотына куды подилась?

Хвылымонъ.

Не знаете хйба ии натуры? Майнула
до дому, я погнався за нею та не до-
гнавъ; а вона ускочыла у двиръ та за-
разъ давай цыкувать собакамы... Трохы-
трохы кляти жупана не порвалы.—Потимъ
зареготала и побигла въ хату. Я ждавъ-
ждавъ ии та зъ тымъ и назадь пи-
шовъ. У ныхъ, лыбонъ, бѣседа, бо сви-
тытця и чутно гоминъ. Може й не прыйде
вже, зосталася матери допомогаты, бйля
гостей поратысь?

Мусій.

Що жъ, налагодылысь до танцнвъ?
Я не люблю гратъ на витеръ. Иванька!
Ты жъ гляды выбывай не хапаючысь, а
щобъ у темпу потраплявъ и щобъ поту
не хвалшыву—розуміешъ? На, докуры
мою папыросу. Привчайсь курыть, потому
для музыкъ перве дило папыроса и во-
дочка. Старайся, парень. Якъ дастъ Богъ,
поклычуть насъ колысь въ городъ, до якого
яднырала лыбо копытана гратъ свальбу,
дакъ тамъ я тебе навчу и пиво пыть,
значыть, щобъ якъ городськи музыканты, по
хворми... Пидберай темпу по нози и не

заикайся; де слидуе—пусты два пальци
черезъ увесь бубонъ, а де не слидуе—
тамъ гуды на одынъ, лыбо выбывай на
пидошву, якъ я тебе вчывъ. Антоне, пид-
несы каныхволи. (*Антонъ почаствуавъ
музыкъ, потимъ хазяйку, музыка
почына гратъ польку, дивчата и
парубкы танцюють.*)

Голосъ (*за викномъ*).

А що це за положеные? Хйба гулять
полыгаецця?

Лукія.

Хи, лыхо! Гасить, гасить мерщій
свитло! (*Гасять свитло*).

Голосъ.

Геть розиходытесь по хатахъ. Лукіе,
а выйды лышь сюды!

Лукія.

Казала вамъ, що „не полыгаецця“.
Отъ и встереглысь?

Голосъ.

Лукіе, выходи мерщій!

Лукія.

Кажить, що мене нема.

Мусій.

Чого доброго ще побье скрыпку. Ивань-
ка, гайда въ сины та тамъ покы пры-
стоймо и може якъ небудь выкрадемось.
(*Пшшлы*).

Голосъ.

Лукіе!

Хвылымонъ (*переминывъ голосъ*).

Ии нема!

Голосъ.

А хто жъ-то озываецця?

Хвильмонь.

И мене нема.

Голосъ.

Лукіе! Я тобі заразъ велю вийти сюды. Тоби у волосты сказано, що „не полыгаеця“.

Лукія.

Чы йты, чы не йты?

Голосъ (*вже вє синяхъ*).

Колы такъ, то я тебе за косы потягну!

Лукія.

Чомъ вы синешныхъ дверей не замкнулы?

Голосъ (*вже вє хати*).

Свиты мерщій свитло! А, не хочеш? Це непослуханье!.. (*Свितыть недогарокъ. Вси дывуютья зпершу, а дали разомъ*). Це Хотына!

Хотына (*у чоловичимъ кожуси. Вє шапци и зє дубыною*).

А то жь якый бисъ?

Дивчата.

Чы не шаленна? (*Регочутъ*).

Хвильмонь.

Дывитця, всихъ пиддурыла!

Антонъ.

Сторія, братъ ты мій!

Мусій (*входе*).

Настояща рыхметыка!

Хотына (*скынула кожуха и шапку*).

Гуляймо безпешно, бо у насъ у беседу и старшына и староста; а я, щобъ ще безпечницъ було, побигла за соцькымъ та за десятныкамы и ихъ поклыкала у беседу до насъ, ныбы бь-то батько звелилы клыкаты; батько жь наши Андрій, вони почалы вже зь вечора святкуваты Андрія... Теперь наше село цилкомъ безъ началства и намъ гуляты до самисенького свита *полыгаеця*. Зпершу потанцюемо, а потимъ балабушкы выйmemo зь печи. Хвильмоне, гайда зо мною у таець. Заграйте жь музыкы такои, щобъ я ажъ умлила видъ танцивъ!... (*Почынають танцюваты*).

Зависа.

РАЗОМЪ.

СУПРОТЪВНИ
ТЕЧІИ.

Комедія въ 3 д. и 4 одминахъ.

Къ представленію дозволено. С.-Петербургъ,
28 Марта 1901 г. за № 2646.

ЛЫЦЕДІІ:

Андрій Хылько, селянынъ.

Надежда, его дочка.

Тымишъ Дударь, селянынъ.

Логвынъ, его пасынокъ.

Хведиръ Жовтякъ, селянынъ.

Демидъ, его сынъ.

Васылына, дочка.

Прохоръ Квокчій, селянынъ, соцькый.

Солоха, его жинка.

Мыкхворъ (Мыкышка) Нонырка, зъ двирскихъ.

Текля, его жинка, зъ двирскихъ.

Ольга, панна.

Мыкола, лакой.

Хвенька, дочка Понырки.

Гаврыло, селянынъ.

Пысарь.

Квасолыха, стара баба.

Диты-школяри, народъ, дивчата и диты.

Д і я 1-а.

Хата передилена на двое—на меньчу и більшу; у більшій: пичъ, стилъ, лавы, скрыня, пилъ, жертка зъ одежою и всяке хатне збижже; у меньчій: виконце, стилъ, навкругы стола стильци и табуреты, на стини дешева лампа.

Я в а 1-а.

Гаврыло и Андрій у більшій хати сидять била столу; Надежда, Догвынъ и диты-школяры у меньчій навкругы столу, у нихъ книжки, шыткы и всяка прымуся.

Надежда (держачы въ руки шытокъ, каже до хлопця).

Отъ сегодня напысавъ краще, ніжъ учора; але зновъ хапався и попропускавъ де-яки буквы. За мисць: „чобить“ напысавъ: „чбитъ“; за мисць: „курка—кука“!.. (*Диты сміютця*). Пышы жъ сегодня ще оци дви стричкы, та пышы зъ повагомъ, то й буквъ не пропускають. (*Хлопець сивъ*).

Гаврыло.

Чого жъ ты мовчышь? Чуешь, Андрію, вирьшь ты, що я тоби добра бажаю?

Андрій.

Та чомъ же й не вирьты? Я жъ тоби николи ничего лыхого не вчынивъ, за вищо бъ ты мени лыха мыслывъ?

Надежда (*до дивчинкы*).

Зновъ кляксу зробыла? Яка жъ ты вечепурна, Оксанко!

Гаврыло.

Нема за вищо, це правда.

Андрій.

Николи мы не сварылыся зъ тобою и ни якои тяганыны промежъ насъ не було.

Гаврыло.

Такъ отъ я й кажу тоби прямо, що оти книжки та бумажки, надъ котрымы сидыть твоя дочка—дурныця. На вищо й ота морока зъ чужымы дитымы? Нехай краще мерщій иде замижъ та й воловзытыметця зъ своимы, колы така впадыва до чытання.

Андрій.

Та це вже іи дило...

Гаврыло.

Мы жъ зъ тобою не грамотни, та прожылы, слава Господеву, вить?..

Андрій.

Звисно, прожылы... Але, лыбонь, було бъ краще, колы бъ грамоту тямылы?..

Гаврыло.

Ни, не краще!.. Яке пуття зъ грамоты?

Андрій.

Та якесь тамъ е... Бувъ бы я добре грамотнымъ, я бъ тоби выслывъ те пуття...

Гаврыло.

И не высловывъ бы, бо то дурныця, баловство! Ни до чого вона намъ та грамота.

Андрій.

Ни, не кажы такъ, не кажы...

Гаврыло (*загляда у вѣкно*).

Що воно йде мимо?

Надежда (*до хлопця*).

На вищо ты такъ грудьмы прытуляеся до столу? Сядь трохы виддала.

Гаврыло.

Щось чуже, чужосторонне... (*Помовчавъ*). Такъ я оце до тебе й прийшовъ... А спытай, чого?

Андрій.

Кажы, то й знатыму. (*Надежда зъ повагомъ дыктуе Логвинови изъ повѣсти Гоголя: „Тарасъ Бульба“*).

Гаврыло.

Чы знаешъ ты Хведорового Демыда?

Андрій.

Ну?

Гаврыло.

Вже двичи Хведиръ посылавъ его до людей за рушныками, — такъ що жъ? Винъ нибы й послуха батька и вже дійде зъ старостами до хаты молодои; але жъ якъ тилькы старосты въ хату, винъ разъ на втеки!.. Вже двичи мавъ Хведиръ и тяганыну зъ людьмы за безчестя!.. Положымъ, що не я тамъ старостувавъ, ни, не я, а Матвій Кушниръ, та Есыпъ Бабенко. У мене не втикъ бы.

Андрій.

Невже?

Гаврыло.

Ни, не втикъ бы! Бо треба умиты, якъ зъ кожною людною поводитысь, якъ до него забалакаты и зъ якого краю...

Андрій.

Та ты на словахъ видимый мытець, старостуешъ, вже, лыбонь, годивъ зъ тридцятьокъ, такъ добре прымадыкувався заговорюваты зубы.

Гаврыло.

Бо це, наука та ще й не лехка! Эге жъ. Такъ ото, на тымъ тыждневи, Хведиръ почавъ зновъ вговорюваты Демыда, щобъ такы оженився. Я, каже, вже старый, такъ якъ неначе и вдивець, бо жинка, — маты вапа — вже два года лежить недвижма; а васъ у мене четверо... Васылыну, це бь то старшу дочку, не сегодня — завтра, каже, виддамо замижъ, — хто насъ обмые, хто обшые, хто істы наваре, хто намъ порядокъ дастъ въ хаты?.. Демидъ слухавъ-слухавъ, а дали махъ зъ хаты, а Хведиръ за нимъ, догнавъ его на двори, та за чуба, та якъ увеликъ его въ сини, та якъ почавъ багогомъ хворостыты... На превельку силу вырвався Демидъ, та зъ хаты, та на вулицю, та якъ дремене у подовжъ села, ажъ закурило... Ажъ смеркомъ вже вернувся пьяный, та й не йде въ хату. Ждавъ-ждавъ его Хведиръ, а дали й каже „чортъ зъ нимъ, гасить свитло!“... А такъ якъ о пивночи Хведиръ вышовъ зъ хаты, а ничъ була мисячна, выдко якъ у день. Глянувъ сюды-туды, нема Демыда — ни пидъ хатою, ни въ подвирри, ни на току. Доходе до повитки, ажъ чуе, щось хропе! Винъ мерцій въ повитку. А дахъ у повитци продертый, такъ воно выдко, неначе на двори. Зыркъ, ажъ Демидъ висытъ на бантыни и землю ногамы скородытъ. Хведиръ вылизъ раптово на бантыну „та вжо, каже, й не тямлю, якъ я его роз-

вязаць і спустыць до долу... Почавъ гукаты, выбигла зъ хаты дивка, прынесла двое видеръ воды і почалы вдвохъ помываць Демка і ледве-ледве парубка видволалы... О таке! Мало не пропавъ парубокъ, ні за цапову душу!..

Андрій.

Чувъ я про це... Бачъ, до чого пьянство доводзіць?

Гаврыло.

Пьянство? Оттакон выгадай! Мало хто не пье?.. Вси людe пьютъ, але жъ не вси вишаюцца.

Андрій.

Бо не вси й напываюцца до забутця...

Гаврыло.

Ні, на пьянство не звертай провны... Це, я тоби скажу, не інакше якъ почынено!..

Андрій.

Вже й почынено?..

Гаврыло.

А хто й почыныць?

Андрій.

А хто жъ?

Гаврыло.

Хто? Завельсь у насъ на сели такі, що капісьць людямъ коять.

Андрій.

Де жъ воны такі. у перше чую?

Гаврыло (*усмиваецця хытро*).

У перше чуешъ?.. Невже?.. Г-мъ! Спытай ты мене, а я тебе?... Про одну плетуть такъ, а про другую інакъ. Та, кажуть, прырожденна видьма—зъ бабы, зъ прабабы, а та вже вчена, тількі не на

лыхе... А про інчу таке верзуть, што й слухаць страшно...

Андрій.

Такъ, такъ... Вже што-що. а щобъ языкамы плескаць, то сыла е людeй охочихъ до того.

Гаврыло (*пидморгуе*).

Тадже жъ і про твою покійнычку варнякаюць, што вона була не проста людына?

Андрій (*зъ жахамъ*).

Што це ты, Гаврыле, перехрестысь! Чы ты жъ зъ розумомъ?

Гаврыло.

А прыгадай, што якъ разъ у той день, якъ ховалы твою покійнычку, такъ такыі пороснуць дощъ, што вси людe, што булы на кладовыщи, перемоклы на хлющъ?

Андрій.

Такъ щожъ, што перемоклы?

Гаврыло.

А ранищъ, лыбонь, зъ мисяць дощывъ не було?

Андрій.

А, лыбонь, такы не було?.. Такъ, такъ...

Гаврыло.

То-то, што такъ, такъ! А што воне означа?

Андрій.

Ну-ну?

Гаврыло.

Вси людe тоді, у одынъ голось зашепотылы: „ага, онъ воно што!..“ А баба Хыма такъ божылася, што у той ментъ, якъ пипъ увійшовъ въ твою хату, бачыла, якъ зъ дымаря вылетыло, щось таке блыскуче та чорне і понесло въ обіймахъ щось бильеньке!..

Андрій.

Слухай, Гаврыле, це ты?.. Та тобі, я знаю, не дорогого заходу коштує выгадати, що у Петрівку и ричка замерза и на санкахъ їздять... Тильки на вищо жь ты оттаке плетешь про мою покійницю?

Гаврыло.

Я кажу те, що чувь видь людей; а що я самъ бачывь, то про те вже мовчу.

Андрій (*жахається*).

Щожь ты бачывь?

Гаврыло (*шурить очи*).

Що я бачывь?.. А дочка твоя думаешь не тее?.. Ну, одначе, годи про це!..

Андрій.

Якъ-то годи? Слухай! Ты на вспряжкы, чы абы бовкаты языкомъ? Кажешь, щось про дочку!.. Та що це на тебе сегодня нашло?

Гаврыло.

Ой-ой-ой, якъ распалывся! Якъ бачу, зь тобою не моїжна и пожартуваты?.. Та кажу жь, що пожартувавъ. Ну, шабашь, годи!..

Андрій.

Я ненавидю такихъ жартивъ.

Гаврыло.

Ой-ой-ой, якый ты? Я й не знавь!.. Я вже й не радый, що зачепывь... Та плеты ты, що хочешь, про мою жыву жинку, такъ я тобі а ни же не скажу, байдужисенько!.. (*Рече*).

Андрій.

Белькотунъ ты та й бильшь ничего!.. Старый чоловикъ, а таке варняка!..

Гаврыло.

Ще жь такы? Та годи вже тобі!.. Такъ ото сегодня Хведирь прійшовъ до мене и розказавъ про прыгоду зь Демьдомъ... „Писля того, каже: почавъ я вчора зновъ балакаты зь Демьдомъ, тильки вже не гризно, а обережно“... Такъ Демко и одмовывъ: „колы хочете, каже, оженыты мене, такъ оженить на Надежци“... Це бь-то на твой дочци.

Андрій.

Та ты наумысне наважывся сегодня мене полохаты та драгуваты, чы якъ?

Гаврыло.

Ты не гарячесь-бо! Звычайно, що мы законъ сповнымо, якъ належитъ, стало быть, прійдемо за рушныкамы по хворми... А знершу хотивъ бы я довидатысь: якъ ты на це дило?

Андрій.

Ни, ты такы, мабуть, пьяный?! На таки речи та на таки питання, я не вмю видповидать!..

Гаврыло.

Звисно, що й говоритъ, на сухо не та розмова? То ходимо мы оце до шиньку, бо у тебе, мабуть, дома уси пляшкы порожни? Тамъ мы зь тобою якъ найкраще розбалакаемось.

Андрій.

Ни, не розбалакаемось мы сегодня зь тобою: ни я тебе не втямлю, ни ты мене... Окримъ того, я у будень не люблю ходыть до шиньку... Та такы и ни обь чимъ намъ розмовляты.

Гаврыло.

Якъ ни обь чимъ?

Андрій.

Це все не дило... А ще прямиць скажу, що воно цилкомъ тычетця до доччыного розуму. (*Надежда тимъ часомъ кинча диктувать*).

Гаврыло.

Ты жъ хто свой дочци, невже не батько?

Андрій.

Годи, рады Бога, годи!..

Я в а 2 - а.

Надежда (*идучи до дверей*).

Идить же теперьъ обидать, а пидля обидь прыходьте та допоможете мени бурякы полоты.

Диты.

Мы хутко пообидаемо. (*Проходять черезъ велыку хату, за дитымы Логвынъ*).

Надежда.

А завтра раненько збиретесь та пидемо вси у гурти, у Бугаивку, до церкви.

Гаврыло (*дывлячысь на Логвына*).

Невже и цей доробало вчытця?

Логвынъ.

Трохы пизно? Але жъ, дядьку, кажутъ, що краще пизно вчытись, чымъ никола.

Гаврыло.

Хто жъ це тобі таку мудрацію сказавъ?

Логвынъ.

Я и въ книжци про це чытавъ.

Гаврыло.

А книжка бѣ-то й не бреше?

Логвынъ.

Якъ яка книжка. (*Пишовъ*).

Надежда (*увійшла въ більшу хату*).

Здрастуйте, дядьку.

Гаврыло.

Здорова дивко-чорнобрывко! На вищоты того гарнадера вчышь?

Надежда.

Я всихъ вчу, хто забажа. Може й вы, дядьку, хочете повчытись?

Гаврыло.

Я не маю часу на дуроци.

Надежда.

То бѣ-то, у шынѣкъ не поспіете?

Гаврыло.

Ачѣ, яка балакуча!.. А скільки жѣ тобі Логвынъ платить?

Надежда.

Винъ допомога намъ иноди въ работи: на току, або въ поли, чы въ левади...

Гаврыло.

И багато вже проковтнѣувъ?

Надежда.

Умїе чытаты й пысаты, зна вже трохы ариометыку... Багато вже й молытовъ повмучувавъ.

Гаврыло.

Молытовъ? Невже винъ молытовъ не вмивъ? Отъ дурбыло!..

Надежда.

Я не про ти молытвы кажу, якихъ и вы знаете и вси наши селяне; а про ти, що въ книзи.

Гаврыло.

А въ книзи хйба инчи молитвы?

Надежда.

Е и инчи, е и ти, котрыхъ вась змалку навчено. Тилькы у тихъ молитвахъ, якихъ вчать не зъ книгъ, а зъ переказу, багато помилокъ е... На мою думку, годилося бъ всихъ селянъ перевчыты молитысь по книжци.

Гаврыло.

Та невже? Це щось таке, нечуване!..

Надежда.

Я вже багатѣхъ дивчатъ попереучувала. И вашихъ дочокъ—Евгенію и Докію, якъ мы говили разомъ, тежъ перевчыла.

Гаврыло.

Хйба? О цего то вже не слидъ було робыты... Якъ молились наши батькы та матери, то такъ и намъ належыть...

Надежда.

Помилкы скризъ годытця поправлять и въ молитвахъ такожъ.

Гаврыло.

Та ты вже у насъ видома книжныця. Мудра та премудра!..

Надежда.

Вамъ я здаюсь мудрою, а на вспряжки я цилкомъ заурядна... Я, дядьку, де що чула зъ тїи хаты.

Гаврыло.

Чула? Оце гараздъ що чула!.. Стало быть, буде куценька и розмова промежъ насъ? Я вже бачу, що зъ тобою я швидчъ розговорюсь!..

Надежда.

Куценька буде розмова, вже така куценька, що куцищъ заячого хвостыка.

О такисенька! (*Показуе кинчыкъ пальця*). А що вамъ татко видповили, то цего я не дочула?

Андрій.

А те одповивъ, що въ тебе своя голова на плечахъ и свій розумъ, а до того ще й серце у тебе свое.

Гаврыло.

А ты жъ яку дасы мени видповидъ?

Надежда.

Ни якисенькою!

Гаврыло.

Що-о? Подумай краще та скажы разумнищъ... Парняга бравый, шкода, якъ пропаде. И прямо каже: „Якъ не Надежку, такъ я ни якои другои не хочу!“...

Надежда.

Якъ и Василь Дудай посватавъ Варьку Луцькову и тоди Демьдъ те жъ хотивъ утопытысь. Або якъ Лунька Грыгорашева подавала рушныкы за Бовкуненка, то Демьдъ почепывся бувъ на бантыни... Зъ пьяну та зъ дуросивъ парубокъ скаженіе!.. Почувъ, що въ ноци батько вийшовъ зъ хаты, винъ схспывъ зъ себе пояса та й почепывся на бантыни, а ногамы уперся въ землю; а якъ батько увійшовъ въ повитку, винъ давай тоди човгаты ногамы та харчать...

Гаврыло.

Якъ оженитця, не дуритыме.

Андрій.

Ни, вже зъ пьяныци добра не сподивайся.

Надежда.

Демьдови, дядьку, треба бъ сыдты у больныци, а вамъ скортило его оженыты. Може й знайдетця яка, котру сылоу

видадуть? А що по своїй воли, то наврядь чы згодитця котра за такого пьянюгу?

Гаврыло.

И красывый парняга, и зристь, и постать—хочь малюй!..

Надежда.

И горилку якъ виль брагу дме?..

Гаврыло.

Але до якого жь зросту ты істымешь батькивь хлибъ? Ты жь уже дивка на пори.

Надежда.

Гарна порада. Щобъ не переіла батькового хлиба, иды за першого пьяницю?..

Андрій.

Я ии годуватому, докы схоче мій хлибъ істы.

Гаврыло.

Та вона жь у тебе не мезыночка, е жь ще сынъ и дочка?

Андрій.

Е, е. Якъ що й ти меньчи вдадутця натурою у неи, то у мене никола голова не болитыме.

Гаврыло.

Г-мъ. Не сподивавсь я такой розмовы!..

Надежда.

Вы певно думалы, що мене можна, якъ козу, або тельцю, взяты за рогы та й повесты на торга? Помилылысь. А про те, що вы о тутечкы бовкалы про мою матирь, то скажу вамъ, дядьку: соромъ, соромъ и грихъ плескаты казна-що, на ту людynu, котра не може встаты зь домовны и зацпыты вамъ рота! Але докы я жыва, то ще зумію постановыты вамъ передь очи вашъ наклепъ!..

Гаврыло.

Чого жь ты вже й розгнивалась? Хиба то я зь себе?

Надежда.

О, я повна, що бильшь зь себе!.. А хочь и не зь себе, а зь чужого голосу переказуваты дурни выгадки та ще й на мертвого—велькый грихъ! (*Пшла*).

Гаврыло.

Онъ якимъ вона духомъ дыше!.. Бачь, яка вона вь тебе?.. Чы вона часто переганя тебе на гречку? (*Регоче наумыне*).

Андрій.

Зо мною не траплялось, а що тебе, то загнала на слызьке!

Гаврыло.

Але я не то, щобъ... Байдуже! Та, я на неи не гниваюсь... Скильки лить старостую, а ни разу безъ рушныка не вертався; а тутъ мало не пымфу пиднеслы та ще й пидъ самисенькій нисъ.

Андрій.

Бо ты соби забравъ у голову таке, що й купы не держытця!..

Я в а 3-я.

Ти жь, Логвынь и Тымишь.

Логвынь (*вбигае*).

Це жь такы справжній грабижь та ще й бьетесь? За вицо жь це?

Тымишь.

Ты зь мене будешь допросы здійматы та опыты браты, куды я гроши подивъ? Ахъ ты жь!.. (*Хоче вдарыты палыцею*).

Андрій (*хана за палыцею*).

Ни, вь мойй хати цуръ не бытысь, не дозволю!

Гаврыло.

А по моему кожного слидъ быть на тимъ самимъ місцевѣ де провнывъ! Повчы, повчы, Тимоше, пасынка, якъ почитуваты витчыма: нехай книжочкою не бавытця, а краще молотыть, та ровы копае... Гарненько его! (*Пштовъ*).

Тымишъ.

Пусты палыцю!

Андрій.

Моя хата зъ роду колотнечи не бачыла. (*Вырыва палыцю и выкыда въ сны*).

Тымишъ.

Теперь я зъ голымы руками, то винъ кынетця мене ще й быты?

Андрій.

И ему бійкы не дозволю.

Логвынъ.

Не гнивить Бога. Зъ роду-вику я на васъ руки не пидійму, у мене и думкы такой николы нема. А що вы забралы зароблени мои гроши въ якономіи, то це жъ хйба по правди? (*Зъявляється Надежда*).

Тымишъ.

Ну, забравъ?

Логвынъ.

Осинь вже на двори, скоро й зима, а въ мене ни кожушыны, ни свытыны путящой... За вищо я теперь справлю соби одержу? Взялы мои гроши и пропылы!..

Тымишъ.

Пропывъ, ну, пропывъ!.. Такъ що жъ? Але, ёлопе ты, бузувире, хто я тоби такый? Чы я тоби не за місць батька?

Логвынъ.

Пизно захожуется батькуваты.

Тымишъ.

Мало я объ тоби клопотався, мало годувавъ тебе моимъ хлибомъ?

Логвынъ.

Николы вы объ мени не клопотались и завжды я свій хлибъ івъ. Ранищъ я вси заслужени гроши видававъ матери до рукъ, вы й тоди ихъ у матери завжды одіймалы та пропывалы... А теперь годи вже вамъ такъ робыты! Я увесь викъ ходывъ у латкахъ та у драньти, пора вже мени й себе пошкодуваты!..

Тымишъ.

Такъ оттака мени подяка?.. Ахъ ты жъ сатанаидоль!.. Дать бы тоби по мордяди такъ, щобъ ажъ пыку звернуло на бикъ! Щобъ ты до моеи хаты и дорогу забудь, щобъ не знавъ, якъ и двери въ ній видчынняютця. Тьфу! (*Плюе на него и выходе*).

Логвынъ.

Онъ якъ, люде добри! Увесь викъ витчымъ поневирався надо мною, теперь двадцать тры цилковыхъ взявъ зъ якономіи, пропывъ и сказавъ, щобъ я й до хаты не навертався, а на прыдачу ще й плюнувъ межы очи!..

Андрій.

Якъ же це ты таку гаву упіймавъ, що не забравъ зъ якономіи своихъ грошей?

Логвынъ.

Бачте, думка була попоробыты ще зъ мисяць, щобъ зибралось усихъ трыдцять цилковыхъ; миркувавъ одержу соби справыты та пару бычкывъ купыть... Отъ и одягся, отъ и купывъ бычкывъ... Ще треба десь шукаты й прытулку!.. (*Втира слезу*). Не журысь, козаче, ще наша доля поскаче!.. (*Хоче йтти*).

Надежда.

Якого тобі ще треба притулку? Хіба ты у насъ пересыдишь, чи перележишь мисьце въ хати?

Логвынь.

Та вы жъ це якъ?

Андрій.

А такъ. Не рыпайся зъ хаты докы що, а згодомъ обмиркуемо дило. Чы такъ, доню?

Надежда.

Авже жъ!

Логвынь.

Дядьку!.. Вы це... Та вы й справди добряча людына?.. Надеждо! За вищо мени оттаке?

Надежда.

За те, що въ тебе чыста душа, що ты мучоныкъ!..

Андрій.

И не журись, хлопче, якось воно буде!

Логвынь.

Та я нібы й не вмю журытись,— чы видъ того, що за злыднямы ніколы було, чы така у мене вдача?..

Андрій.

И грошенятъ на одѣжу знайдемо.

Логвынь.

Та невже? Та я вамъ видроблю и видслужу, якъ найкраще!

Андрій.

Авже жъ, що видслужышь та видробышь. Даромъ не позычу.

Логвынь (*уклоняючысь*).

Спасыби вамъ, на выки спасыби! Спасыби и вамъ, Надеждо!

Надежда.

Мене не дякуй. Колыбъ не батькова воля, то щобъ я змогла?.. А правда, Логвыне, що у мене батько гарный? (*Кыдаецця до батька и цилуе и мылуе его*).

Андрій.

А хіба дочка у мене погана?

Логвынь.

И батько, и дочка янголськи души!..

Андрій.

Ну, це вже за надто. Люде соби та й годи.

Логвынь.

Дайте жъ панъ-отченьку я васъ поцилюю въ руку. (*Цилуе старому руку*). Хіба жъ моя доля вже не скаче? Пиду на тикъ та зибью вамъ заразы снопивъ зъ трыдцяткомъ проса. Я чувъ, якъ вы казали, що вже мало пшона, що треба змолотыты проса. Буде пшоно, буде й каша!.. (*Весело сміецця*).

Андрій.

Пиды, пиды та змолоты. Отъ и заробышь пополудноваты и повечеряты. А у вечери порадымось про гроши... Треба буде тобі, парубче, опричь теплои одѣжи и сорочокъ хочъ зо дви купыты, а то у цій сорочци, що на тобі, дуже вже багато прудухвынь.

Логвынь.

Та у мене е одна сорочка путяща. я ин у празныкъ надиваю.

Андрій.

Щось я не бачывъ?

Логвынь.

Ось тутъ тилькы латка, та о тутъ латочка. Тилькы дви латкы! (*Пшывъ прытанцевуючы*).

Гей, козаче, не журись, не журись,
Зь лыхомъ день и ничь борись,
Лыхо — злыдни, якъ здолаешъ,
Свій таланъ за хвистъ впіймаешъ!

Андрій (*смістця*).

Ачъ, яку писню десь перенявъ!

Надежда.

Думаєте, перенявъ, певно самъ
выгадавъ.

Андрій.

Та ну?

Надежда.

А який винъ, тату, впадливый до
вчення, та якъ зразу розумомъ обсяга
усе, про що ему розкажешъ!

Андрій.

Эге!.. Бачъ, який винъ!.. То якъ же
такого не пожалить?

Я в а 4 - а.

Ти жъ и Солоха.

Солоха.

Здрастуйте!.. Зновъ витчымъ Логвына
ограбувавъ, чы чулы? Скільки хлопця
змалку служыло по наймахъ, завжды вси
его зароблени гроши Тымишъ пропывавъ!..

Андрій.

А пиду я на тикъ та подывлюсь яко-
го тамъ Логвынъ хоче початы стижка?
(*Пшшовъ*).

Надежда.

Який не хороший чоловикъ Тымишъ!

Солоха.

Не хороший? Звирь то, а не чоло-
викъ! Я не знаю чы й е на свити клятици
витчымъ, якъ оцей Тымишъ? А що винъ
вымучывъ сердешну Марту, Логвынову ма-

тирь!.. Якъ напъетця, та якъ почне іи
катувать!.. А пье мало не що-дня. Нема,
мабуть, у мыру проклятищои доли видъ
покрытчыной?..

Прохоръ (*за викномъ*).

Селямыдо! Чуешъ-бо, Селямыдо! Несы
мерщій ключи видъ скрыни, бо мени треба
вычытувати невокоснытельни паперы та ле-
порты!..

Солоха.

Заразъ, заразъ иду! Чуешъ, це винъ
зъ учорапного дня, якъ повернувся видъ
станового, перехрестывъ мене у Селе-
мыду? Певно десь тамъ почувъ таке имня.
Чы воно жъ е й справди людське имня:
Селемыда?

Надежда.

Е. Соломоныда!

Солоха.

А винъ: Селемыда та й Селемыда.
Слухай, Надю! Скажы мени, будь ласка,
ось що. Чы можлыво вивчытысь чытаты
самому зъ себе?

Надежда.

Ни! Треба щобъ зъ першу хто не-
будь скільки разивъ проказавъ.

Солоха

Отъ же мій Прохоръ, певень, що
домадыкуетця чытаты самъ зъ себе!..
Якъ визьме папирецъ вь рѹкы та якъ
сяде, та якъ почне вдывлятысь: вдыв-
ляетця та й вдывляетця, та все щось бубо-
ныть нышкомъ, та мырмыть?.. А може такы
що небудь и выдывыть?.. Видтоди якъ
настановылы его началыкомъ, то винъ
ныбы зовсимъ перелыцовався, ну зовсимъ
ставъ не схожий на себе: и постать цил-
комъ не та, и поглядъ, и хода... И роз-
мова якась переплутана... И не розберу

его—чы винь поразумнищавъ, чы подурнищавъ?.. Учора сивъ у хливи, въ холодочку та якъ устроивъ очи у папирь, мухы ему обсилы выдъ, лизуть у нись, у рить, у вуха, а винь нибы й не баче... Пидійшла я крадькома, дывылася-дывылася на него, а дали не вытерпила и озвалася: попрахавъ бы ты, кажу, чоловіче, краще Надежду, щобъ вона тоби допомогла у читанни? А винь, якъ скоче, не мовъ що его вкусыло, та якъ гримне: „що твоя Надежда понима? Хиба вона зможе прочитаты усяки ляпорты видъ становаго, чи видъ урадняка?...“

Надежда (*сміється*).

Велька яка мудристь прочитаты!

Солоха.

Невже? Певно хто вчений, то усячynu прочита?.. Ой, колы бъ ты его на путь навела?.. Гордый винь, дуже гордый, не зхоче, щобъ ты повчыла его.

Надежда.

То не гордоши, а дуροши.

Солоха.

Ни, не кажы такъ, голубко!.. Гордый! Охитнищъ притыме цилый день, устроившы очи у бамажку, нижь зважытця обернуты за допомогою, щобъ спытаты кого: якъ воно, куды воно и що?..

Надежда.

Ну, то це вже болисть така.

Солоха (*зъ лякомъ*).

Болисть? Невже? Якъ же вона зветця та болисть?

Надежда.

Божевилле.

Солоха.

Ой!.. Чы ты це правду кажешъ? Може й справди оти клейноды та начал-

ныкуванне его спантельчылы?.. Такъ, певно, божевилле!.. Бо на вищо бъ винь напьявъ якусь не людську одижъ?.. Такъ, такъ, певно болисть!.. Брукы купывъ, таки вузьки, що ледве налазять на халявы, бия жалёткы почепывъ ланцюжокъ та якисъ брязкальця... „Ще, каже, куплю сердута, або палто“... Збожевиливъ!..

Прохоръ (*на порозы*).

Селямыдо! Чы я тебе диждусь? Што это за сторія? Иды мерщій, бо мени невкуснытельно!.. (*Пишовъ*).

Солоха.

Розтовкуй мени, Надю, що воно ото за слово: невкуснытельно?

Прохоръ (*гука у вично*).

Чуешъ ты, розносна книга, штахвета! (*Пишовъ*).

Надежда (*сміється*).

Ото все божевилни слова!

Солоха.

Невже? Чуешъ, вже я якась штакета? (*До вична*). Чую, чую! (*До Надежды*). Допикъ винь мене своимъ невкуснытельствомъ!.. (*Иде хутко до дверей*). Певно збожевиливъ!..

Я в а 5 - а.

Ти жъ и Васылына.

Васылына.

Здрастуйте—прощайте!

Солоха.

Здрастуйте—не застуйте, прощайте—выбачайте!.. Николы, чоловікъ клыче... (*Побыла*).

Васылына.

И куды вона попленталась? Отъ капостна, не держытця двора, хочъ ты ій голову видкруты, бодай вже вона луснула!..

Надежда.

Кого це ты такъ шануешъ?

Васылына.

Здорова була, сестро!.. Тилькы, тилькы що вскочыла на хвылыну въ хату, вихожу зъ хаты, ажъ вже ии и слидъ простыгъ. А щобъ тоби ноги покорчыло!

Надежда.

Це ты чы не за гускою зновъ клопочесся?

Васылына.

Та за нею жъ. Боюсь, щобъ гавы не похапалы гусять, або щобъ диты не повбывалы... Не бачыла ты ии?

Надежда.

Ни. Яки у васъ пизни гусята?

Васылына.

Скажи спасыби, що хочъ таки е!

Надежда.

Що це у васъ у двори разъ-у-разъ якыйсь розгардіяшъ? Коли не гуска забреде кудысь, то теля у провалле втелющытця, або корова у багнюци завьязне...

Васылына.

Ты жъ кажы? Або братъ повисытця... (Регоче). Чула?

Надежда.

Та чула жъ. Божевильный Демьдъ!..

Васылына.

А батько кажуть, що то ему пороблено. Чы знаешъ, що винъ закоханный у тоби?

Надежда.

Нехай винъ зъ тимъ коханнемъ иде до другои.

Васылына.

А ты не хочешъ за него? Ну, якъ соби знаешъ. Чы ты чула, що нашій матери що-ночи ввыжаютця у снi цыгане? Кажуть: „якъ обступлять мене, та якъ вышкырятця, та якъ почнуть зубамы кляцать!..“ И Господи! Якъ вже вымучылись наши маты!.. Колыбъ вони швыдче померлы, або що!.. Батько кажуть, що цыгане ввыжаютця проты голодного года?

Надежда.

Голодного года сподиваютця, а горилку не кыдають пыты?

Васылына.

Лыбонъ, ще бильшь пьютъ! А що наши маты хворіють, то батько кажуть, що то имъ такъ пороблено видьмами. Демьдови те жъ пороблено... И батькови, мабутъ ни не пороблено? Дежъ, що-дня пьютъ та й пьютъ!.. Ну и що мени робыть зъ отією капостною гускою?

Надежда.

Ни що бильшь, якъ привьязаты у двори, била корыта зъ водою.

Васылына.

А що ты думаешъ, сестрычко? Ей Богу такъ! Привьязу анахтему! Чы чула: Хвенька Мыкышкына позавчора прыхала зъ города, прыхала у хваетонови, трое коней и дзвонькы?... Одежи модней навезла, ажъ дви скрыни! А скрыни у неи модни, выплетени зъ лозы, курзынкамы звутця. Пальмаштромъ такый довгый-довгый, ажъ зъ двома комирамы—одынъ стерчыть до горы, а другый розчепиреный и облямованный сухозлиткою... Волоссе на голови закручене стовбуромъ, а шовкова хустка поверхъ волосся, рясна-рясна!..

Надежда.

Тебе вже й завьдкы беруть?

ВАСЫЛЫНА.

Ще бѣ не брали?.. Балака по мод-
нему, якось такъ, що де-чого й не роз-
беру. Навезла блескучого намыста сылу!..
И двоухъ годивъ не вчылася у мадысткахъ,
а вже й модивъ набралася и одежи здо-
булъ—отъ щаслива!.. А я сегодня знайшла
злотого!.. Колибъ швидчѣ ярмарокъ, куп-
лю соби сережки блескучи-блескучи, куп-
лю намыста!.. Хвенька на батька каже:
папаша, а на матирь: *мамаша*!..

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Солоха.

Солоха (*выходе*).

А на сестру бѣ-то вже: *сестраша*?
Прывезла Хвенька такихъ модивъ, що
хто его зна, якъ воно дило це й роз-
плугаетця?

ВАСЫЛЫНА (*цикаво*).

Що, що?.. Кажить-бо, що таке?

Надежда.

Певно якесь лыхо зъ Хвенькою вчы-
нылось?

Солоха.

Та що й яке лыхо!..

Я в а 7 - а.

Ти жъ и Хведирь.

Хведирь (*до Васылыны*).

Чуешъ ты, шпандѣрка! Це ты вже у
мене злотого вкрала?

ВАСЫЛЫНА.

Я?.. Що це вы, тату!.. Зъ якои речи?

Хведирь.

Виддай заразъ!

ВАСЫЛЫНА.

Та нехай мени руки покорчыть, колы
я его брала; нехай мени заслипыть, колы
я его бачыла!

Хведирь.

Ну, анахтемо, якъ тилькы жъ дови-
даюсь! (*Хоче йти зъ хаты*).

Надежда.

Васылыно! Ты жъ хвалылася мени
що знайшла злотого?..

Хведирь (*зъ кыркома до Васылыны*).

Бачъ, бачъ!..

ВАСЫЛЫНА.

Я жъ знайшла, ей Богу, знайшла!..

Хведирь.

Знайшла? У мойй кешени, у жалетци
знайшла? Ахъ ты жъ!.. (*Наступа на
ней*).

ВАСЫЛЫНА (*выбигаючи зъ хаты*).

Ой, гвалтъ!..

Хведирь.

Ахъ ты жъ злодійка, бузувирка!..
Я жъ тоби!.. (*Хутко пишовъ за нею*).

Надежда.

Яка жъ брехлива Васылына: и бо-
житця и кленетця!..

Солоха.

Хотила тоби розказаты про Хвеньку...
(*На порози зъявляецця Андрій*).
Ц-сь!..

Я в а 8 - а.

Андрій.

Доню! А вынесы гындычатамъ воды,
тамъ такъ пыть хотять, що ажъ роты
пороззявлялы.

Надежда.

Ось я заразъ. Я имъ недавно налывала воды въ корыто! (*Бере кухоль воды*).

Солоха.

Стрывай, Надеждо, пиду и я зъ тобою. (*До Андрія*). Прощайте! (*Пшла*).

Андрій (*самъ*).

Про вищось шепочутця. У бабивъ завжды своя кумерція! Ну й чоловіки инчи, то тежъ люблять молотыты языкомъ! Хочъ бы й Гаврыло, вже такой брехунъ, такой брехунъ... Тьфу! (*Помовчавъ*). Тай добрячий же робитныкъ зъ Логвына, прямо за двохъ молотыты!.. Та щобъ такого не зарятувати, щобъ такому та не допомогты? Це вже було бъ и грихъ! (*Шука чогось*). Колябъ ниhto не перешкодывъ почитаты? (*Взявъ псалтыря и сивъ край столу*).

Я в а 9 - а.

Баба Квасолыха и Андрій.

Квасолыха.

Здрастуйте! Зъ суботою будьте здорови.

Андрій (*хутко хова за стьну книгу*).

Оттакои! Спасыби, будьте и вы здорови... Сидайте у насъ.

Квасолыха.

Авже жъ сяду, бо втомылася; а ноги вже не молоденьки... Вже й ликъ забула скільки годивъ вони мене носять... Эге! (*Сйда*). А де жъ це Надежда, може нема дома?

Андрій.

Вона дома, ось скоро увійде въ хату.

Квасолыха.

Гарна у тебе дочка, добряча душа!.. Теперь таки вже переводятця; а колысь

було у кожній хати тебе и пошанують, и погодують...

Андрій.

Не турбуйтеся и мы васъ пошануемо. Це вы певно зъ тимъ же крамомъ?

Квасолыха.

Та зъ тимъ же. Кортыть твоій дочки знаты старосвитськихъ писень, та казокъ, та...

Андрій.

Ии й хлебомъ не годуй, а дай тильки письню про старовыну...

Квасолыха.

Эге, вона цикава, дуже цикава!.. Я вже переказала ий десяткивъ зо тры. Вона мени, спасыби ий, выддячыла, эге жъ, выддячыла: дала мысочку пшона, дви мысочки пшенишного борошеньця, дала и сальця... „Якъ ще, каже, нагадаете писень, чы казокъ, то зновъ приходьте“... Такъ я оце и прыйшла. Колябъ дала вона мени яку драночку-сорочку, а то у мене ихъ дви, та й ти вже якъ павутынне... Эге, якъ павутынне! А воно такы далеченько видъ нашего хутора до вашего села? Думаю, пиду зараня, щобъ не стемнило въ дорози... Я вже у тебе и переночую, га? Мыхайловычу, чы чуешъ?

Андрій.

Та чую, чую, ночуйте.

Квасолыха.

Эге, нема у мене ни роду, ни плоду... Онука е, за салдатомъ... Дитворы, якъ червы, а винъ калика, на мылыци... Яка зъ его работа? Псалтыря по мертвыхъ чыта. Такъ мало жъ людей вмира, все бильшь диты мруть, а надъ дитьмы не чытають псалтыря, то й нема заробитку... Булы й сыны у мене, булы й дочки...

Будо и хозяйствечко... А де воно все теперь?.. Нема... Куды подилось—не скажу, не знаю!.. (*Зитхае*). Все видъ Бога, все!.. Колю бѣ було що, то я бѣ попоила, Михайловычу?

Андрій.

Та ось мы скоро полудноватымемъ.

Квасолыха.

Полудень полуднемъ, а я бѣ и пид-полуднувала?..

Андрій.

Чого жѣ вамъ, хлиба хибя?

Квасолыха.

Хлибъ найсмачнище іство... Дай хлиба та солы. Пидымъ, водычки напыюсь та й задоволяньюсь на який часъ... Істочени вже такъ скортило, ажъ тимьячко болыть...

Андрій (*знявъ зъ полицы хлибъ и дае*).

Одрижете соби та й погодуйтесь.

Квасолыха.

Э, ни, визьму скыбочку, тилькы зъ хазяйськыхъ рукъ, а сама ни за-що не ризатыму, бо то не годытця.

Андрій (*риже хлибъ*).

Якъ що такъ, то нате вамъ.

Квасолыха (*ість*).

Гарный хлибъ, не глевкий. У васъ завжды хлибъ гарно выпеченый... Не кожна й молодыця зугарна до смаку выпекты хлибъ. Инча й дижу вымысьть, ягъ слидъ, и дастъ тистови зйты до ладу, и посаде въ пору, а выйме зъ печи, розломе, за мисць выпеченого—глевтякъ!.. Що то за книга у васъ?.. Чы не вчытеться и вы чытаты? У насъ тамъ по ху-

торахъ чутка пишла, що вже по де-куды стари люде почынають грамоты вчытись...

Андрій.

Ни, я... я не вчусь... На вищо бѣ я? Це такъ книга... (*Кладе псалтыря на полицю*).

Квасолыха.

А чутка йде именно про васъ. „Здуривъ, кажуть, чоловікъ, на старосты литъ почавъ у дочки вчытись“... Кинець свитови!.. Яйця почынають курей вчыты!..

Я в а 10 - а.

Надежда (*побачывши бабу*).

О, здрастуйте, бабуся! Давно прыйшли до насъ?

Квасолыха.

Оце свижо прыдыбала... (*Встае и кланяетця до образивъ*). Спасыби Богови и вамъ! Отъ и пиджывылась... А колы бѣ оце чарочку горилочки, то я зразу и заспывала бѣ... (*Смиетця*).

Надежда.

Та я вже дамъ вамъ и дви.

Квасолыха.

Э, ни, двоухъ заразомъ не подужаю. (*Надежда шука пляшку*).

Андрій (*проходячы мимо Надежды*).

Вже пишла помовка про мене по хуторахъ, що... нибы-то я вчусь чытаты.

Надежда.

Отъ и справдылася поговирка, що не тилькы худа слава бижыть, а й добра не лежыть?..

Андрій (*тыхо*).

Ц-съ, не треба... На вищо? (*Показуе очыма на Квасолыху*).

Надежда (*здыгує плечамы*).

Дивно! Пора бь`уже вамь, тату...

Андрій (*перебива*).

Ну, я не буду вамь заважать, пиду на тикь!

Надежда.

Тамь и диты обполюють городynu, вже не багато зисталось.

Андрій.

Пиду, подывлюсь, якь тамь вони? (*Пишовь*).

Квасолыха.

Зь чого жь почнемо: зь писень, чы зь казокь? (*Надежда частує бабу*). Я тоби прынесла того добра цилый оберемокь. А сама хиба не выпьешь? (*Бере чарку*).

Надежда.

Ни, мени щось не хочетця...

Квасолыха.

А мене кортыть!.. Доброго здоровлячка! (*Вытыва*). И за молоду не цуралася чарку и теперь, абы частувалы!.. (*Смієця*).

Надежда.

Стривайте жь, я визьму книжочку. (*Бере записну книжку и оливоць*).

Квасолыха.

Такь зь писень почнемо, чы зь казокь?

Надежда.

А вамь якь?..

Квасолыха.

Якь?.. Ось нациды ще чарочку, то я й заспиваю!.. (*Надежда ии частує*). Дай Боже, помершимь у труни лежаты, а живымь медь-выно кружаты! (*Вытыва*). И-и, якый у мене бувь колысь голосочокь, якь дзвиночокь!.. Було покійни пань, Харлакь Лымоновичь,—давно це було, ще за крипацтва, эге жь, за крипацтва ще!.. Було, покличуть передь свои ясни очи та й кажуть: „ну, шельмо, Хросько! Пой песнєвь, хочь треснєвь, а істы не просы!..“ Було, якь тилькы що не по ихнему, заразь за косы та по морди!.. Чудакь булы покійни пань, царство имь небесне, вичный покій!.. (*Пидперлась рукою*). Эге, каже: (*Почына стивать*).

Надь моими воротамы
Чорна хмара...

Надежда.

Э, ця вже у мене записана!

Квасолыха.

Хиба? Ну, то ось ци. (*Стива*).

Тече вода зь пидь города
Зь пидь кореня дуба,
Не зазнала видрадосты
Видь свого нелюба...

Зависа.

Д і я 2 - а.

Зъ боку хата Хылькова; насупротивъ повитка, котра належыть до двору Квокчиевого.

Я в а 1 - а.

ПРОХОРЬ (*сидѣть у повитци и дыгытця у папирѣ*).

Колы бѣ мени намацаты очыма де воно стоить: „предпысанне?“ Чы оце зверху, чы оце знызу? Тильки бѣ домацатысь до предпысання, то усю оцю бамагу промовывѣ бы зѣ копыта!.. Неначе оце воно: „предпысанне“. А що, якъ оце? Бо й тутъ закрукта надѣ паличкамы и осѣдечкы?... (*Ныбы чыта*). Предпысанне, которе... опысанне... какъ ежелы не согласно справности... Ни, лыбонь, це не воно? Морока та й годи!.. Черезъ щожъ Надежда, ось Андриѣва дочка, такъ вона може чытаты, а я не можу? Хиба вона розумниша за мене, чы якъ? Що вона зросла пры горныцяхъ, якъ маты ин була мамкою пры панночци, такъ хиба ин тамъ хто навчывѣ? Тадже жѣ и Халымонъ бувѣ у двори за лакея, скилькы годивѣ, або й Мыкышка; а Артемъ бувѣ за кучеря... А хиба вони грамотни, хиба ихъ тамъ навчено? Мабуть, Надежда чы не сама зѣ себе долубалась?.. Инчи жѣ вчятця сами зѣ себе ковалюваты, або чоботы шыты?.. Е таки, що й машины выдумують. Росказують же, що тутъ десь биля насъ недалечко, якыйсь чоловикъ, такъ выдумавѣ машину: якъ выдумавѣ, заразы сивѣ и поихавѣ. (*Знову дыгытця въ папирѣ*). Предпысанне, которе воно... какъ ежелы штобѣ непослуханне, такъ ведзя... Надобно штобѣ сповнено...

Я в а 2 - а.

СОЛОХА (*изъ за вугла*).

Зновѣ надѣ паперомѣ пріе. Ой, колыбѣ винѣ справи не спантельчывся та не зварювавѣ!..

ПРОХОРЬ (*ныбы чыта*).

Несповненне началство не позволя...
Надобно сповнять невкоснытельно...

СОЛОХА.

ПРОХОРЕ!

ПРОХОРЬ.

Тю! Пидкралася, ажѣ неначе злякала мене!.. Чого прятѣпалась?

СОЛОХА.

Послухай, чоловиче, мои порады.

ПРОХОРЬ.

Сесямыдо!.. Не чепай ты мене, бо якъ почну я тебе радаты!.. Ну й чого лезешъ, чого втыскаеся туды, куды твоя голова не влизе?

СОЛОХА.

Боже мій, Боже мій! За вищо таке лышенько на мене? Чымъ я провиныла, чымъ прогришыла?.. (*Плаче*).

ПРОХОРЬ.

Скажена баба! Я ин ще й палцемъ не торкнувѣ, а вона вже й ревы пидняла!..

СОЛОХА.

Чы мене маты проплакала, чы лыха людына пляхъ мени перейшла?

ПРОХОРЬ.

Згвалтуе чысто усихъ сусидивѣ, подумаютъ, що я й справди завивѣ бійку!..

СОЛОХА.

Господы, Боже мій! Уже здаеця такъ ему догожаю, такъ потрапляю, навить, вси думкы его наважаюся видгадаты!..

Прохоръ.

Пидняла справжни ревы! Тьфу!..

Солоха.

Ударь мене, ударь краще, тильки залышы Бога рады, оте невкуснытельство! (*Показуе на папиръ*).

Прохоръ.

Слухай, Селямыдо! Иды ты у кватирю и не безкопой меня!..

Солоха.

Якъ же мени не тревожыться, що вчера, якъ росказала я Надежди, якъ ты приешь надъ паперамы, такъ вона каже, що такъ може и зтеряться людына!..

Прохоръ (*тревожно*).

Що-о?..

Солоха.

Надежда вычитала у книзи, що каже, якъ тильки людына почне сама зъ себе вытиваты грамоту, то заразы свить замакитрытця ий и вона божевиліе.

Прохоръ.

Що ты брешешъ?

Солоха.

Ни, не брешу. Я цилисеньку ничь не спала, все жахалася!.. Тильки що заплющу очи, такъ мени и почне выжатысь, що ты вже збожевиливъ и такъ страшенно вытрищаеся на мене, звырсыя та плямкаешъ губамы!..

Прохоръ.

Тяме твоя Надежда зъ носа та въ ротъ. (*Тимъ часомъ Надежда выйшла зъ хаты и наслуха*).

Я в а з - я.

Надежда.

Дядьку, Прохоре! А гляньте на себе, видъ чога це, якъ тильки вымовылы

вы оти розумни слова: „зъ носа та въ ротъ“, раптомъ пидвело вамъ голову до горы, мовъ той порожній колосокъ, зъ котрого выпало останне зернятко?

Прохоръ.

Якъ?

Надежда.

Не розжуєте?—Посылкуйтесь.

Солоха.

А що? Це тоби не зо мною заідатись!

Прохоръ (*регочучи*).

Надежда, такъ вона мудра та ще и премудра, бо що-дня ість карандаши, а чорныломъ запыва!..

Надежда.

Гляньте, гляньте, господынь соцькій? Теперь васъ ще бильшь потягло до горы... Ой-ой, яки жъ вы высоки стали, ажъ до неба!..

Солоха.

А дурный, якъ треба.

Прохоръ.

Селямыдо, прыкусы языка! Бо кому-кому зкрутытця, а тоби змелетця!

Надежда.

О, у кулачній росправи, вы не звынете розуму!.. Инчымы людямъ годылося бъ до лоба, замисць розуму рогы прыстановыты, а до нигъ ратыци,—воны раптомъ свить перевернулы бъ.

Прохоръ.

Та ты... Ов-ва, яка розу... Зъ тобою товкувать не стоить!.. (*Хоче йти въ хату*).

Надежда.

Звисно. Бо вы хвалылы кулачну розмову, це бъ-то чортову навуку, а

Божу: розмову та розумъ—занехаялы; а я завжды корыстаюсь тилькы Божимъ.

Прохоръ (на бикъ).

Лыбонь, зъ цією не зговорышь?..

Солоха.

Закусы, Прохоре, чымъ Богъ пославъ.

Прохоръ.

Ой, морсну я тебе!.. (До Надежды).
А ты... той... Хиба я, разли тебе возомъ,
чы хургономъ зачепывъ?..

Надежда.

Возомъ зачепылы бъ за одежду, а словомъ гыдкимъ вы уразылы въ душу.

Прохоръ (не зна що сказать).

Це ты все зъ книжокъ?

Надежда.

Абы не зъ хворон головы.

Прохоръ.

У кого жъ-то хвора голова?

Надежда.

У кого мозокъ болыть.

Прохоръ.

А въ книжкахъ бы-то багато розуму?

Надежда.

А вамъ здаеця, що въ книжкахъ тилькы дурныцю провадятъ?

Прохоръ.

Якъ можна? Не, книжки, такъ той...
Адже и въ началства е книжки и багато книжокъ: журналъ обходящий и выходящий, розносна книга, протоколы, справкы... Такъ тамъ ни которой дурныци. Зновъ и въ церкви зъ кыжокъ вычитують...

Я ва 4-а.

Андрій (на порози хаты гука).

Надеждо! А йды на хвылыну въ хату, дило е. (Пишовъ).

Надежда.

Заразъ, тату, иду.

Прохоръ.

Ну, въ тебе, Надеждо, на плечахъ голова, хочъ бы й станowego жиньци таку голову, або вурядныци Селямыди Ивановни!

Надежда.

Невже по вашому я бильше тямлю, ніжъ зъ носа та зъ ротъ? (Пишла).

Прохоръ.

О, яка ты... Прычепылася зъ носомъ та зъ ротомъ!.. Ачъ, яка, той...

Солоха.

Я тоби, чоловиче, щось такъ скажу, що ты онъ якъ здывуеця!

Прохоръ.

Навдаху чы бильшь здывуешъ видъ Надежды... Лыбонь, такы вона не дуря?..

Солоха (оглянулася).

Надежда вчыть грамоты своего батька!

Прохоръ.

Що-о? Та це ты?.. Це вже ты пидбрехнула!

Солоха.

Я сама бачыла, оцыми своими очыма бачыла!

Прохоръ.

Колы? Де?

Солоха.

И вже скільки разивъ бачыла! Учора, якъ ото пишла Надежда зъ школярамы,

Солоха (*проходе до Андріевої хаты и підслуха*).

350?.. що таке 350?

Гаврыло (*побачывз Солоху*).

Проходь, проходь мерщій, це не до тебе ричь. (*Солоха пишла*). Ось ходимо до Мыкшыкы и я тебе запевляю, що сегодня й могорычъ запьемо.

Хведирь.

Та якъ що заразомъ...

Гаврыло.

А на оцю, па Надежку (*показуе на Надеждыну хату*), ты не сподивайся!.. Хоча я и вговорывъ бы ін, колы бъ на те пишло, бо я могу; але на мою думку, не варта й клопотатись!.. Яка зъ неи робитныця? Кныжныця, а не робитныця. А тоби треба не билоручку,—чы такъ? Або робитныцю, або 350 карбованьцивъ грошей? Окريمъ того, Надежда видемяского кодла!..

Хведирь.

А правда? Ага!.. Я давно це постерегаю!..

Гаврыло.

Це жъ всимъ видно, що ще якъ ин матирь мамкувала у двори такъ одынъ поварь-видьмакъ навчывъ ин, а маты вже навчыла дочку...

Хведирь.

Чувъ и я про того поваря. Аглычынъ бы-то, чы що? Кажуть, що було никола и лоба не перехресте и въ церкви его не бачылы... Жабъ івъ и всяку нечысть!..

Гаврыло.

Ото-то жъ бо й е! Ходимо мерщій. Бо якъ упіймаешъ гаву та хтось инчий покорыстуетця—жалкуватымешъ тоди, та пизно вже буде.

Хведирь.

Зайдимо жъ до монополькы та смыкнемо... Бо ты оце надыхавъ на мене горилчанымъ духомъ, такъ беда якъ кортыть... Доки не чую носомъ горилкы, не наче, не дуже и кортыть, а якъ почувъ—не выдержка!..

Гаврыло.

Чого жъ заходьтъ? Тамъ, у Мыкшыкы, насъ зразу почастують!

Хведирь.

Хиба? Якъ що 350 карбованьцивъ, то можна такимъ хазяиномъ зробытись!..

Гаврыло.

И зробыся хазяиномъ, не то що на всю губу, а й черезъ губу. (*Пишлы*).

Я в а 6 - а.

Демьдъ выходе зъ другого боку, на зустричь ему Васылына.

Васылына.

Чого ты такъ рано прыплентався зъ поля, ще й не полудень, а ты вже пошабашывъ орать?

Демьдъ.

Якымъ чортомъ орать, колы ось чересло поламалося?.. Хиба у насъ плугъ? Чорты батька зна-що, а не плугъ! Похряпаний, чепигы позвьязувани у десятихъ мисьяхъ, повзунъ геть стерся, градиль у двоухъ мисьяхъ цуркою скручений... Именно що плугъ! Насылу спряглыся зъ Володькою, ништо не хотивъ зъ нами спрягатыся; а теперь и Володька зайнявъ своихъ воливъ та й погнавъ... „Я, каже, краще пиду свое волочыть, бо зъ нашои супрягы товку не буде“... Теперь пошукай кого другого до супрягы! Треба ще й чересло несты до коваля, ажъ у Щеняче, за десять верстовъ, бо нашъ коваль и зварывъ

бы, такъ каже: „багато людської роботи, невправка“...

Васылына.

То вже сегодня, хочъ заскородь те, що выоравъ.

Демьдъ.

А чымъ? Хиба у насъ справна борона? Зъ такимъ хазяйствомъ якъ у насъ, чортового батька розхазяйнуеся!..

Васылына.

Батько мене сегодня мало-мало не были.

Демьдъ.

За вищо?

Васылына.

За злотово. Воны згубылы, а я знайшла.

Демьдъ.

Виддай мени!

Васылына.

Батько одняли.

Демьдъ (*дражне*).

„Одняли“. Дуря! У мене не одняли бь.

Васылына.

А вгадай, що мени Хвенька подарувала?

Демьдъ.

Яка Хвенька?

Васылына.

Мыкышкына! Хиба ты не знаешъ, що вона прыхала вже зъ города?

Демьдъ.

Велькый мени клопить до неи.

Васылына.

И дытну привезла.

Демьдъ.

Чью?

Васылына.

Свою.

Демьдъ.

Онъ якъ?.. Ловко!..

Васылына.

Вгадай, що подарувала?

Демьдъ.

Перстень?

Васылына.

Ни, ось що! (*Выйма коробочку, у котрій скількись бусивъ. Розглядають*).

Я в а 7-а.

Солоха и Надежда.

Солоха.

Якъ тилькы постережешъ, що винъ выйде чытать у повитку, ты й поговоры зъ нимъ. Винъ тебе теперь послуха.

Демьдъ.

Ловко якъ блещыть! А въ цій велькій намыстыни, неначе въ дзеркали, пыку мою выдко... Ачь, братъ ты мій, який здоровенный нись!.. Хиба у мене такый велькый нись? Сторія, братъ ты мій! (*Дывытця у намыстыну*).

Васылына.

И я себе бачу! (*Дывытця*).

Солоха (*до Надежды*).

Якъ увійшовъ тоди въ хату, то довго про тебе балакавъ та дывувався. „Николы, каже, и не думавъ и не гадавъ, щобъ можна було промовою такъ заотсыты чоловика, що й паморокы ему не мовъ засота и языка задубыть“... Зробышь такъ?

Надежда.

Зроблю, зроблю. (*Пишла въ хату, а Солоха за повитку*).

Демьдъ.

Дай мени ще одну намыстыну, я причеплю обыдвн, ось сюды до жалетки.

Васылына.

Э, ни, виддай н ту. Виддай-бо! Виддай!..

Демьдъ (*зтулывъ кулака, бусъ розсыпався*).

Теперь ни тоби, ни мени. (*Регоче*).

Васылына.

Идоле! Геть роздаыввъ!.. На вищоты роздаыввъ?

Демьдъ.

А хйба я нарочыто? Ну вже й намысто, чортъ батька зна яке: не мицне, хрупке!.. Дай мени ще одну?

Васылына.

Не дамъ, ни за-що не дамъ!.. (*Побигла. У цей ментъ зъ Хыльковой хаты выходятъ школяри и розсходятця на вси боки, ззаду Логвынъ*).

Демьдъ.

Здоровъ, Логвыне. Вчыся и досы?

Логвынъ.

Вчусь.

Демьдъ.

Та й довго якъ! И не обрыдло?

Логвынъ.

Наврядъ чы й обрыдне? Эъ кожнымъ днемъ все бильшь зацикавлюе чытанне.

Я в а 8 - а.

Надежда (*на порози*).

Логвыне! Виднесы, будь ласка, мишокъ жыта до млына, бо батько не зможуть...

Логвынъ.

Э, ни, батькови я не дозволю несты, заразы самъ одтартарю.

Демьдъ.

Здрастуй, Надеждо!

Надежда.

Здоровъ.

Демьдъ.

Ты бъ може й мене прийняла въ навуку?

Надежда.

Тоби батько не дозволытъ вчытысь.

Демьдъ.

Батько? Ни, я самъ соби не дозволю! (*Регоче*). У мене до кныжокъ нема охоты.

Андрій (*зъ синей*).

А де ты, Надеждо!

Надежда.

Заразы, тату, иду. (*Пшла*).

Логвынъ (*й у слидъ*).

Я тужь-тужь жыто виднесу! (*До Демьда*). Дай, братухо, покурытъ, беда якъ кортытъ.

Демьдъ (*дае тютюнъ*).

На.

Логвынъ.

Дядько Андрій не курять, такъ ни въ кого й поживытысь. (*Закурютъ*).

Демьдъ.

Штукерію, братъ ты мій, розказувавъ якыйсь прохожый,—чы воно москаль, чы богомоль якый? Певно здалеку йде, бо за плечыма клунокъ, зъ боку бляшана балцапочка и торбынка зъ харчу, а на голови стовббуватата шапочка?.. Пидійшовъ,

поздоровкався, дали сивъ на рылли и почавъ розказувать. Дали мы ему окраецъ хлиба и дви цибулыны. Такъ розказувавъ, що десь-то винъ іхавъ, по чавуньци, такъ на одній станці якыйсь началникъ звеливъ зупыныты ма́шину. Кондукторъ свыснувъ у свыстокъ, ма́шина зупынылась и заразъ мыру насунуло выдымо-новыдымо. Выйшовъ зъ вагону онораль, за нымъ другый, а дали й третій, пытають людей. „Што у васъ, реблята, бувъ голодь?“ — „Бувъ!“ — Одповили люде. „Ну, ето не воченно харашо! А кушала вы хлѣбушку, што вамъ началство прислало?“ — „Кушала!“ — „Ну й харашо што кушала. Намъ васъ, реблятушки, жалко, черезъ тое самое, што требуетця салдатовъ... И зъ тымъ, што прощайте, зоставайтеся здорови, реблята, и не сумливайтесь“... Онораль увійшовъ у вагонъ, за нымъ другый, а дали и третій, кондукторъ свыснувъ у свыстокъ и ма́шина покотыла та й покотыла!..

Логвынь.

Може якый генераль и проіздывъ, може й справди промовлявъ що до людей, тилькы певно богомоль не розчолопавъ про вищо винъ промовлявъ?

Демьдъ.

Чого жъ не розчолопавъ, хйба то штука велька чы мудрація яка?

Логвынь.

Не зъ нашымъ, брате, розумомъ розчолопуваты те, про що генералы промовляють.

Демьдъ.

Чому? А я такъ думаю, що зъ нашимъ!..

Логвынь.

Думай соби. Памятаешъ, якъ ще мы малымы паслы телятъ бия велького шляху и проіздывъ якыйсь панъ, зупынив-

ся винъ, злизъ зъ калясы и почавъ до насъ балакаты та ще й по нашому, а мы видъ него якъ пужулы, мовъ вивци видъ вовка?..

Демьдъ.

Мали булы, звисно, дурни булы.

Логвынь.

И теперь не геть-то розумни!..

Демьдъ.

Не, я не дуракъ!.. Зновъ богомоль почавъ розказувать, що зъ Пекеньбурху три оноралы везуть людямы пять мыллыѣнивъ грошей... А тутъ якъ разъ мій борозній быкъ мотнувъ головою, зламавъ заноса, а бувъ не налыганый, якъ задрочытця, якъ дремене!.. Доки я его перенявъ та прыгнавъ до плуга, а богомоль вже й пишовъ дали... Може то намъ везуть гроши?

Логвынь.

А чы ты знаешъ, скильки людей у нашимъ царствіи?

Демьдъ.

А скильки жъ?

Логвынь.

Бильшь якъ на сто мыллыѣнивъ.

Демьдъ (*здывуався*).

Ой-ой-ой!.. Та невже?

Логвынь.

То роздили ти пять мыллыѣнивъ, що везуть генералы, промежъ усима людымы, чы достанетця тоби хочъ четвертакъ?..

Надежда (*у викини*).

Логвыне!

Логвынь.

Ось я заразъ! (*Хутко пишовъ, а черезъ хвылыну вертаетця зъ миш-*

комъ на плечахъ). Я два такихъ мишка за разъ понесу. Нехай, Демыде, мы колысь зъ тобою ще про це побалакаемъ! (*Пшиовъ*).

Демыль.

А хйба мени цикаво? Не мавъ зъ кымъ у патеки заходыты та зайду зъ тобою?.. Сто мыллыенивъ?.. Це брехня!..

Я в а 9 - а.

Хведиръ и Демыдъ.

Хведиръ.

Бачъ, про вовка помовка!.. Де це ты выскипався?

Демыдъ.

Та ось поламалося чересло.

Хведиръ.

Чересло? А чортъ его поберы!..

Демыдъ.

Коваль сегодня не зварыть, бо николы.

Хведиръ.

И не треба! Чортъ его поберы!

Демыдъ.

А Володька погнавъ воливъ до дому, каже: „мороча зъ такою супрягою!..“

Хведиръ.

Чортъ его поберы и Володьку и его супрягу!

Демыдъ.

Оттакон!

Хведиръ.

А ты думавъ якои? Ты скажи мени, такъ якъ оце стоишь, тильки скажи по моему, зъ одного слова: хочешъ щобъ я тебе оженивъ?

Демыдъ.

Вы зновъ свои? (*Показуе на хату Надежды*). Вже не хочу!

Хведиръ.

Ге, ты, хамуло!.. 350 карбованьцивъ грошей, опричь одежи и скотыны!

Демыдъ.

Ого-го! Та ну?

Хведиръ.

Кажы зъ одного слова, жалаешъ?

Демыдъ.

Ежели што 350 карбованьцивъ— жалаю!

Хведиръ.

Отъ люблю, маладецъ! Уклонися жъ батькови, сучый сыну, що винъ объ тоби побываецця денно и ношно.

Демыдъ.

Я могу. (*Кланяецця*). Ажъ трычи уклонюся!.. (*Кланяецця*). Хто за 350 не вклонывся бъ, не тильки батькови, а й кому завгодно?

Хведиръ.

Корысь батькови, а не дурій! (*Бере его за чуба*). Дурню, вишатысь задумавъ? Краще я тебе оженю, визьмемо приданого 350 карбованьцивъ, одежу и худобу и станемо першымы хазяинамы!..

Демыдъ.

Оце такъ ловко!..

Хведиръ.

Бачышь, що батько видъ тебе разумнищый?.. (*Знову скубе его за чуба*).

Демыдъ.

Ой-ой! Та вы не въ шуткы, ажъ слезы потеклы зъ очей, такъ скубонулы!..

Хведиръ.

Завтра тебе и звинчаю, ничего и видкладаты на дали!..

Демьдъ.

Якъ завтра? А колы жъ коровой
поспіе, а шишки, а дарунки, а стравя?..
Хиба по моднѣму весилле справлятьемъ:
безъ спивывъ, безъ шышѣкъ?..

Хведиръ.

Весилле черезъ тыждень видгуляемо,
головне дило повинчаты. А про страву
на весилле нема чого пеклуватысь, абы
була горилка!.. Скильки не настановляй
стравы, а якъ не частуватымѣмъ пнсля кож-
ной ложки локшыны та пнсля кожного шма-
точка мнѣса, скажуть: сумне було весилле!..

Демьдъ.

Це ваша правда. Я й самъ, сказать,
до стравы не такой охочый, якъ до пытва!..

Хведиръ.

А догадайся на кому я хочу тебе
оженыты?

Демьдъ.

Та воно все ривно!.. О, у васъ пляш-
ка стерчыть у кешени, невже порожня?

Хведиръ.

Ласый до пытва, каналія!.. На, хыль-
ны, я нарочыто чарокъ зо дви зоставывъ.
(*Дас ему пляшку, але зъ рукъ не
выпуска*). Годи, годи! Ты всю выжлук-
тышь!.. (*Одійма пляшку*). Ну, сыну,
нехай тоби Господъ допмага, у щасти
та въ добри вкѣ звикуваты!.. (*Це
нижыльци*). О! Ондечкы вже йдуть твои
свекоръ и свекруха.

Демьдъ.

Мыкышка йде, зъ жинкою! То це вы
хочете мене на Хвеньци оженыты?

Хведиръ.

Угадавъ, якъ у око влпывъ.

Демьдъ.

Щожъ?.. Якъ що на Хвеньци, такъ
и на Хвеньци! Тилькы, тату, вы купить
мени небезпрѣменно сердука и дзыгета на
весилле?

Хведиръ.

Купымо, купымо!.. 350 карбовань-
цивъ своимы очыма бачывъ! Це воны до
насъ идуть, треба бъ горилкы... У тебе
нема якого тамъ семьгрывенного?

Демьдъ.

У мене якъ разъ заваляетця, та-
квивський я!.. (*Регочучы пишовъ*).

Хведиръ.

А все жъ такы якось треба прийн-
няты сватывъ? (*Пишовъ пеклуючысь*).

Текля (*спива за лаштункамы*).

Ой умеръ мій хорошый
Та й покынувъ копу грошей,
Щобъ я пыла та гуляла,
Его душку спомынала!..

Ой умеръ мій Данылко,
Поховалы—ногы выдко,
Вже й до ямы волочуть—
Въ мене слезы не течуть!..

Я в а 10-а.

Текля. Мыкышка и Гаврыло.

Мыкышка.

Текле, перестанъ-бо!..

Гаврыло.

Ни, ничѣго, нехай покуражитця!..

Мыкышка.

Ненавыжу! Стрывай-бо!

Текля (*танцюючы*).

Стрыбай вже ты, Мыкыхфорочку, колы
ты молодчый, а я вже свое видстрыбала!..

Хиба я зъ радощивъ танцюю, зъ радощивъ спиваю? Зъ досады, зъ превелькой досады, моя ты бородата мачуло, мій ты зозуле, мій ты одуде!.. Ни, ты скажи мени, за вищо отой кырпатый бакалійщыкъ обедывъ мою Хвеничку, мою красу?.. Я жъ скільки разивъ паиздыла въ городъ, у гости до Хвенички, такъ винъ мене мамашечкою велычавъ. „Я, каже, мамашечко, оженюсь на Хвенички, бо ужась улюбень! Выдыте, яку кватырю ий нанявъ—первосортню?.. Яѣзъ тилькы, каже, Хвеничка довчытця у мадыткы усяки плаття шыты. такъ я заразъ встрюю ий майстерську и повинчаюсь зъ нею“... Выйшовъ винъ, я й кажу: Хвеничко, душко, красно моя пысана, не верь ему кырпату, обмануть!.. А вона мени: „Мамашо! Винъ клявся-присягався, цилувавъ окону и сыру землю кушавъ!“... А теперъ обманывъ. Ахъ ты жъ гыльдейскій бакалійщыкъ, шкарпіёнъ курпосый!.. Выражаючы мене, кожень разъ дававъ на дорогу: булочку, асаледочку, або маслынокъ и бутылку пыва!.. Бувало, якъ посадовытъ Хвеничку на колина та якъ почне цилувать, та мылувать ии... „Выдыте, каже, мамашо, какъ я улюбень?“ Ахъ ты падлець кырпатый!.. Щобъ тоби губы попрыщыло, щобъ тоби жывить обдуло зъ тїи земли, що ты кушавъ!.. Охъ, бедная моя мадысточка!..

Гаврыло.

Ну, годи вже, годи!

Мыкышка.

Люде почують, заразъ почнуть лыхословыты... На глумъ пидіймутъ... Ходимъ, Бога рады, ходимъ вже!.. Колы бъ Господь помигъ худчій повинчаты ихъ, щобъ сорому того позбутысь!..

Гаврыло.

Про соромъ не турбуйтеся, то пустякове дило. Я бильшь тридцятка годивъ старостую, такъ...

Текля.

Ахъ ты марзавецъ, адіеть! Осоромывъ на всю губерню! А за вищо? За верну любовь!.. „Я, каже, мамашечко, улюблень!..“ Ахъ ты хвараонъ курпосый!.. Ну, попаду я тебе въ городи, я тоби твого кырпатого носа одгрызу, ей-ей, одгрызу!..

Гаврыло.

И не слидъ цего робыты, нехай краще грошеняты дае...

Мыкышка.

Ондечкы й свать.

Я в а 11-а.

Хведиръ (*идучы на зустричъ*).

Просымо въ хату.

Мыкышка.

Ходимо швидчъ... Що жъ, Хведиръ Семеновычъ, перебалакалы зъ сыночкомъ?..

Хведиръ.

Я сказавъ слово и вже якъ шапкою накрывъ!

Гаврыло.

Я жъ казавъ, що у Хведира дило кыныть!..

Текля.

О, винъ такой! У, памьятаю я его ще парубкомъ, забисованный бувъ!.. Простягся бувъ до мене за рушныкамы,—памьятаешъ?

Хведиръ.

Ни, я... вже забувъ!

Текля.

Забувъ? Почула я, що винъ до мене лагодытця зъ старостамы, якъ упаду батькови въ ноги, якъ заголося: не виддавайте мене, таточку, за Хведора, бо

винь мени вика вкоротає!.. (*Погрожує на него рукою*). У, катюго сибирный!... Ачь, очи якъ у гада, ачь, якъ искратця!..

Мыкышка.

Та годи!.. Отъ наказанье!..

Гаврыло.

Именно: згадала баба дивера, що добрый бувъ!..

Текля (*спива и прятаньцѣвуе*).

Ой дидь ходе по току,

Баба по городу,

Ой дидь носе чаплію,

Баба сковороду.

Ой дидь бабу товче, товче,

Що не вдало млынъци пече,

Цыть диду, не бисысь,

Якъ напечу—наісысь!..

Мыкышка.

Отъ же я вернусь до дому!..

Текля.

А я тебе за мачулу та назадъ!..

Мыкышка (*смѣючысь*).

Скажена баба!

Текля.

Хочь и скажена та любышь! (*Почына спиваты*).

Ой на мене мій мужъ бурчыть...

Хведирь.

Свахо! Затулы лышь на хвылыну пыска!

Текля (*показує на него*).

У-у, якъ вызвирився!.. Чортячи очи, ей Богу, чортячи!.. Бузувире, кате!... Жинку прыбывъ, замучывъ, що лежать вже два роки?.. (*Входять Демко*). Оце мій и зять?

Демко (*пидходе*).

Та я жъ винь и е!

Текля.

Цилуй же мене въ ручку, бо я твоя теща.

Демьдъ.

Скільки завгодно! (*Цилує ии өз руку*).

Текля.

Красунь!.. Куды жъ тому кырпатову гыльдейщыку до тебе? (*Здійма зъ своєї шыи хустку*). На жъ тоби видь молодои хустку. Стий! Я почеплю сама тоби на шыю, нехай у твоихъ товаришивъ зъ заздрощивъ очи рогомъ повилазять! (*Завязує*). А ты мою Хвеничку жалуй, не бый мою красавыцю, бо вона у мене нижна!..

Демьдъ (*регоче*).

Та тамъ, якъ прыйдѣтца...

Хведирь.

На жъ, сыну, грошей та збигай по горилку, визьмы пивкварты. (*Шука өз кешеняхъ*). Оказія!.. Загубывъ десь два злотыхъ!..

Мыкышка.

Та не шукайте, свате. На, зятю, ось карбованьця та прынесы квартиру.

Текля.

А я кажу: пивторы!

Демьдъ.

Я живо справлюсь. (*Побигъ*).

Хведирь.

Ходимте жъ у хату!

Текля.

Охъ, бедная моя Хвеничка! Будуть тебе быть, охъ, чье мое сердце, що будуть!.. (*Пишла спиваючы*).

Ой на мене мій мужъ ворчыть...

Я в а 12 - а.

Васылына (*бижыть зъ видрамы*).

Мусыла зновъ бигаты по воду ажъ на чужу вулицю, бо зъ нашон крыныци зновъ воду вытягали... Може й справди батько правду кажуть, що то видьмы зменьчуютъ воду у нашій крыныци?.. Певно воно такъ такы й е!.. Отъ кляти видьмы!..

Надежда (*видсунула у-викни кватирку*).

Васылыно! До васт Мыкышкы пишы.

Васылына.

Вже? Треба жъ швыдчъ бигты до дому. Сегодня зновъ у нашій крыныци за мисць воды тилькы грязюка!..

Надежда.

Наносыла бъ воды зараня, у дó-свита, якъ я разъ-у-разъ роблю, той не довелося бъ бигаты на чужый кутокъ по воду.

Васылына.

Добре тобі, що ты можешъ у дó-свита прокынутысь, а я завжды просыпаю.

Надежда.

И я иводи заспала бъ, такъ батько будять.

Васылына.

А наши батькø й сами такъ сплять, що ажъ!.. Батько кажуть, що то видьмы воду зменьшають у нашій крыныци!..

Надежда.

Яки тамъ видьмы? Теперъ воду выбирають зъ крыныць, не тилькы за для варева та пытва, а й на всяку роботу; и скотыну поять зъ крыныць, бо ставкивъ же нема, весною вси гребли повырвало.

Васылына.

Ставки ставкамы, а крыныци... Ни, певно такы це видемякы вытивкы. (*Побигла*).

Я в а 13 - а.

Логвынь.

Отъ и справывся! За яку жъ теперъ роботу прыйнятысь? Бчора хотивъ воды наносыты, такъ Надежда не дозволила, каже: „це моя работа“. Пиду, спытаю дядька Андрія. (*Пишовъ за хату*).

Я в а 14 - а.

Демыдъ (*гука*).

Логвыне, а йды сюды! (*Логвынь вертаеця*). А мене, братъ ты мій, женять?

Логвынь.

Колы?

Демыдъ (*показуе пляшкы*).

Ось и могорычъ вже будемъ пыть!.. Завтра, братъ ты мій, и до винця! Бачышь на мени хустку, це видъ молодой. Ну вже жъ и хустка, хто глянє ажъ губамы зачмока!..

Логвынь.

Колы берешъ дружыну до любви та до мысли, то це гараздъ.

Демыдъ (*регоче*).

До любви? Ни, 350 карбованьцивъ приданого!..

Логвынь.

Що-о?

Демыдъ.

Верно! А хустку шынкарь, якъ помацавъ у руци та й каже: „Вона стоить не меньчъ, якъ два съ половиною!“.

Хведиръ (*гука*).

Демыде, чога ты теревени розводишь? Несы мерщій горилку!..

Демьдъ.

Слухаемъ, господинъ палашо! ради старатця! (*Побигъ*).

Логвынъ.

На кому жъ це винъ женыця? Каже: 350 карбованьцивъ. Ого-го! (*Пишовъ*).

Я в а 14-а.

Прохоръ (*идучы нидъ повитку, оглядаеця*).

Лыбонъ, Солоха заснула? Заразъ у снѣ прыверзлось мени, що я такъ ловко вычитувавъ. (*Сиди и выйма папиръ*). А ну, чы прыгадаю, якъ мени воно выснылось? (*Нѣбы чыта*). „Предписаные, которе... какъ ежелы воно прыказаные, щобъ какъ недзя, штобъ не сповнено, то буде наказаные... Скоропостыжно и невкосьнительно, посылаю стую бамагу, становой прыставъ“...

Надежда (*пидкралась*).

И оце все тамъ спысано?

Прохоръ.

Зновъ тебе прыперло? (*Побачывъ Надежду*). Чы це не Солоха?..

Надежда.

И на щобъ я оттакъ себе обдурювала та мучыла? Дайте я подывлюсь у бамагу, чы такъ же воно тамъ напысано?

Прохоръ.

Та що ты тям... Ни, той. я забудь!.. Ты... ты понимаешъ...

Надежда.

Давайте, я вамъ поможу прочытать.

Прохоръ.

Невже ты зможешъ мене навчыты?

Надежда.

Чому жъ ни? Якъ що вы вже домизкувальсь до того, що грамота розумови очи, то навчу?

Прохоръ.

Мабуть, що воно такъ такы й е?

Надежда.

Авжежъ що такъ. Хто чыта, той и розумомъ зроста. Отъ вы держите въ руци бумагу, а чы вы знаете зъ чого вона зроблена?

Прохоръ.

А зъ чого жъ, зъ бамагы?

Надежда.

Якъ зъ бумагы? Цебъ-то бумага росте де, чы якъ?

Прохоръ.

А може й такъ?

Надежда.

Ни, не такъ. Якъ навчытесь грамоты, то тоди и вычытаете зъ кныгъ, якъ ии роблять.

Прохоръ.

А воно любопытно?..

Надежда.

Умитымете чытаты, тоди на що не глянете, про все у кнызи вычытаете: и зъ чого що робытця, и якъ?.. И не доведетця вамъ за кожною малечою обертагысь зъ пытаннемъ до грамотного чоловіка, а сами вызьмете кныгу и вычытаете.

Прохоръ.

Воно неначе такъ и справди?..

Надежда.

Давайте жъ бумагу, я вамъ прочытаю.

Прохоръ.

Це тужь-тужь прынись десятникъ, видь урядника... *(Дае)*. Тильки, якъ що я не такъ, то ты... не глузуй,—чуешь?

Надежда *(чыта)*.

„Сотскому села Шумихи. Предписы-вается тебѣ пемедленно выслать для исправленія дороги, между Гороховаткой и Сеньково, семь человекъ съ лопатами и прочими принадлежностями, при двухъ конныхъ подводахъ. Урядникъ Григорьевъ“.

(Виддае).

Прохоръ.

Онъ вона про вищо! А покажи мени: де тутъ лопаты, а де прынаглешты?

Надежда.

Осьдечкы.

Прохоръ.

Дывы!.. Зовсимъ не похоже на лопаты.

Надежда *(сміетця)*.

Ходимте, докы у мене е зайвий часъ та никого нема въ хати. я вамъ прокажу азбуку и вы побачыте, якъ швыдко у насъ пиде грамота.

Прохоръ.

Та я той... Ну, а якъ дизнаютця та вхоплють на зубкы? Знаешь, якый у насъ народъ!..

Надежда.

Горенько тяжке! И якъ воно у людей неграмотныхъ, пидъ впливомъ виковичней темрявы, перекручуется у розумови все шыворить - на выворить. Зъ такого, котрый пье горилку, а напывшысь лаецця та бьетця, або десь валяецця въ калужи—годылося бь що дня глузоваты, соромыты его та пекты ему разъ-у-разъ очи тымъ соромомъ,—такъ ни, не глузуютъ, а ще почтуютъ и шануютъ!.. У свято напъетця, прыйде до дому озвиреный, бье жинку, попе-

релякуе и порозгонять дитей, ламае все, нивечыть—и мовчять такому, не зупыняютъ его, не забороняютъ ему знущатись надъ сѣмьею... Якъ можна, винъ хазяинъ, мае волю навить и всихъ покаличыты и хату спалыты!..

Прохоръ.

Ну, щобъ хату спалыты, такъ недзя... бо то вже провзошестве и зъ разу треба скоропостыжну штахвету—до станового, чы до урядника...

Надежда *(не слушаючы его)*.

А хто почне у свято, помолывшысь Богови, роботу яку, того зъ разу затюкають: грихъ, великый грихъ!.. А пьянствовать, а бытысь, а лаятысь—не грихъ?.. Свято на те, щобъ чоловикъ мавъ право на видпочывокъ, котрому жь скортыть робыты, той може смилыво робыты й въ свято!..

Прохоръ.

Якъ же-то не грихъ робыты у свято?

Надежда.

А такъ. Бо пьянство та бійка, то чортове дило; а праця—Боже!

Прохоръ.

А може?

Надежда.

Ходимте вже скорій!..

Прохоръ *(озыраючысь)*.

Чы ты й справди вчышь батька своего грамоты?

Надежда.

Справди. *(Оглядаецця)*. Тильки вы не кажить имь, бо й вони такъ точни-сенько заполоханы темрявою, якъ и вы.

Прохоръ.

Якъ що такъ, то ходимъ. *(Идутъ)*. Ц-сь... Лыбонь, хтось иде? *(Оглядаецця)*. Ни, никого нема. Рады Бога, ты никому помы що...

Надежда (*усмихається*).

Ну, ось заразъ такъ и пиду славыты по всему селу!...

Прохоръ.

Та я такъ... Ты, звісно, вумныця, у тебе не така натура, якъ у нашихъ бабивъ. Я певень, що Селямыда перша почне язычыты, тамъ така язычныця!.. (*Пшшы въ хату Андрієву*).

Я в а 15-а.

Демьдъ (*выбига на прычилокъ и гука на тикъ*).

Дядьку, Андрію, а йдить до насъ водку пыть! У насъ и староста и пысарь!.. У пысаря вже ажъ пара йде зъ лысыны, а винъ ще не подастця. Прыйдете? Га? Чому жъ не хочете? Батько гниватымутця!.. Якъ не хочете, такъ наплювать!.. Треба бигты ще за четвертыною. Ну й щедры й же у мене тесь, а теща ще й тесья переважыть! (*Побизъ*).

З а в и с а.

Д і я 3-я.

І-а о д м и н а.

Та жъ декорація.

Я в а 1-а.

Надежда, Логвынь и школяры.

Надежда (*до дивчыны*).

Не забудь же, Марынку, у ярмарку нагадаты таткови про книгу: „Родное слово“, щобъ неодминно купывъ. Я казала вже ему, а ты такы нагадай. Та ще скажешъ, щобъ заразъ пился ярмарку прышовъ до насъ посадовыты дерева въ садку.

Дивчына.

Скажу. А якого вамъ гостыньця зъ ярмарку привезты?

Надежда.

Ніякого.

Дивчына.

Я привезу бублыка, або медяныка.

Логвынь (*регоче*).

А мени привезы дирку зъ бублыка!..

Дивчына.

Якъ... Хиба можна?

Логвынь (*сміється*).

А якъ не можна, то й не треба. (*Дивчына пшшыла*).

Надежда.

Ну, ідь зъ Богомъ. А ты, Мокрыно, просы татка, щобъ купывъ тоби червычы, щобъ хочъ до церкви не босоничъ ходыла. (*Дивчынка побигла*). А тобя, Васылю, за мисць ярмарку, радыла бъ пыты до хвершала, бачъ якъ зновъ увесь пидборидокъ вогныкомъ обкыдало!.. Щобъ не було лыха?

Хлопчыкъ.

Татко велыть іхать у ярмарокъ, бо никому буде воза постерегты...

Надежда.

Та вже колы велыть, то ідь. Хочъ хусткою завьяжы, а то обвитрыть тебе въ дорози... Все такы навидався бъ до хвершала.

Хлопчыкъ.

Та воно ничего!.. (*Пшшовъ*).

Надежда.

Отъ и вся моя школа розѣхалась на ярмарокъ!..

Логвынь.

Я вже завтра прысяду до когось на воза.

Надежда.

Іхавъ бы зъ батькомъ?

Логвынь.

У нихъ и такъ тисно буде на вози. Титка ваша, Приська, прохалы, щобъ ихъ взяли въ ярмарокъ та ще й зъ дивкою, зъ Галькою; и зновъ двое пидсвынкивъ, чотыри мишки ячменю... Але жъ и розгнивався Хведиръ Жовтякъ, що дядько Андрій, ни вчора, ни позавчора, — не пишли могорычу пыть!.. Лаявся на всю губу, упырёмъ славывъ дядька!.. Репетувавъ на всю вулицю „я ему докажу, я его упечу!..“

Надежда.

Зъ пьяну варняка кà-зна що. А тутъ ще й грамота моя ему въ горлянци кисткою стала. Сумно жыты середъ такого людю... Прямо хочъ тикай зъ села!..

Логвынь.

Отъ тоби й на! Якъ же це такъ? А хто ще недавно казавъ, що хто хоче темному людови освичуваты шляхъ до розумного и правдывого жыття, той мусыть умищныты свои сылы заздалегидь, бо его шляхъ буде тяжкимъ, терныстымъ, колочымъ?..

Надежда.

Я й казала. Хиба про себе?... Я жъ и чую, що мои сылы не умищени!.. Гыдкий поклепъ та образлыве пащыкуванне боляче, що дня, що часу выслушуваты!..

Логвынь.

Колы бъ мени осягнуты розумомъ хочъ частыну навукы, щобъ упевннывся я,

що колысь зможу буты у прыгоди людямъ, не тилькы моимъ самотужжемъ та мищю своихъ жылъ, а й освитою, я не сказавъ бы такъ, якъ вы... Я такой, що якъ треба, то й голову пидъ колесо пидкладу!..

Я в а 2 - а.

Ти жъ и Мыкола.

Мыкола (*здоровкаецця зъ Надеждою*).

Мое почтеніе вамъ! Какъ живыете-можете, а мы благодаримъ пакорно. Разви такъ, што не помните меня?.. Припомните: княжеской камарденерь!.. Годовъ два зъ половиною назадъ—ни большъ ни менчъ, какъ мы у вашихъ гасподъ были у гостяхъ; вы были тогды пры барышни и мы вамъ адрикумельдовались?.. Ну, теперь еще рикумельдуюсь. Вотъ. (*Дае вызытну картку*).

Надежда.

Це жъ що? (*Чыта*). „Николай Григорьевичъ Шкуровъ“.

Мыкола.

Это, значыть, я. По просту наше прозвыще Шкура; но пры сертучной либо пры фрачной пари, какось оно не подходить. Я, значыть, посланъ ихъ сїятельствомъ у деревню сдѣлать кой-каки распоряженя... А ваши барышня какъ услыхалы и гаварять: возмишь письмечко, по дорогѣ завезете... Да! Ну, я какъ ѣхаль туда такъ забиль, а теперь, на обратномъ турне, успомныль и... Вотъ вамъ оно. (*Дае письмо*).

Надежда.

Це вы бильшь двоухъ тыжднивъ продержалы письмо?

Мыкола.

Да, бываеъ... Немного попачкался канвертъ, а прочее пустякы... Да!

Надежда (*роскрыва листь*).

Ага! (*Чытае*). Онъ якъ?

Мыкола (до Логвыня).

Послушай ты, хранть, сапогы въ ранть! Уступы-ка мѣсто, а самъ хочь и постой... (Сидя). Достаточно сегодня жарко, не взирая на осенню температуру!..

Логвынь.

Пиду до дядька Андрия на тикъ, лыбонь, воны ячминь віють,—допоможу. (Пишовъ).

Надежда (чыта).

Такъ, такъ! (Упустила картку).

Мыкола (пиднима).

Извольте.

Надежда.

Визьмить соби.

Мыкола.

Это вамъ на память. Теперыча скрозь мода, даже промежь лакеевъ и кучеровъ движеніе цывылизаціи впередь... Да! Я вамъ и хватаграфію свою у другой разъ подарю, штобъ вы у альбомъ... Альбомъ у васъ есть?

Надежда.

Байдуже. (Чыта).

Мыкола (кладетъ била неи картку).

Теперь даже не прылично безъ альбома. Какойсь-нибудь гость, али ухажоръ дарыть вамъ хватаграхвію, такъ надо ее въ альбомъ... Да! Въ дешевой распродажи можно выгодно купить. Мы всѣ, котори княжески, покупылы... Да, теперь альбомы очень въ моди!

Надежда (дочытала лыстъ).

Ну, Слава Богу!

Мыкола.

А правда?

Надежда (хова лыстъ въ кешеню).

Що таке?

Мыкола.

Вы говорыте, Слава Богу, што всюду альбомна мода прыныкаеть?

Надежда.

Ни, я не про те... Це я де-що радистне прочытала въ лысти.

Мыкола.

Да? (Помовчавъ). Штожь, вы тутъ, какъ гаварать, школу имѣите? Это не худо. Мы, котори люди понимаемъ образованіе, такъ должны деревню отъ невѣжества ослобонять поскорѣе... Да! Какъ же ваша прогрессія на счетъ грамотѣйства имѣетъ движеніе впередь?

Надежда.

Вы-бо не кажить такихъ словъ...

Мыкола.

Не любыте заковырыстыхъ, али не понимаете?

Надежда.

Не люблю и нехай: не понимаю!

Мыкола.

Да! Слыхалы: война опьять?.. Тамъ всѣ теперь національности и, знаете, такая пошла промежь ныхъ катавасія и демонстрація... Ахъ, да, вы не понимаете этихъ словъ! Значить, это Испанія гаварыть: „я желаю!..“ А Италия и себѣ гаварыть: „и я тоже желаю!..“ А французъ крычыть: „пардонъ мусью!..“ То есть теперешня политика на столько прозрачна, что ничего не выдать! Возьмешь газету, чытаешь, обдумуешь и только одно выдышь: прозрачно, но не ясно; просто, но довольно хытро!.. Господа театры прыставляли.

Надежда.

Справди? Цикаво!

Мыкола.

Да... Но только зачѣмъ они по деревенскому все? Это довольно глупо и неприятно. И вулиця деревеньска размалевана на полотнѣ, и хаты, и разговоры простые и—ни альтихитурь, ни костюмовъ, ни умныхъ словъ... Неприятно! У цирку забавно. Какъ выбижить, къ примѣру, барышня, платя короткое выше колѣнъ, икры толстыя, сынпатычныя, покрутить это сюды-туды корпусомъ и сейчасъ хопъ на лошадь и ~~пойдетъ~~ скакать и кричать: „Ухъ! ухъ, ухъ!“ А публическія плещеть въ лодочки. Да, занимательно, не заснешь! А потомъ...

Надежда.

Нѣ, вы вже краще про театръ кажить.

Мыкола.

Ну, такъ и быть. Впрочемъ, зпервоначалу оно и ничего, занимательно. Поднимается это занавѣса и выходитъ какаясь чужая барышня и начинать бѣгать по возвышенности и гаварыть: „не хачу я кушать майской каши и газетовъ читать...“ И заплакала отъ скуки. Тутъ выбигаютъ старычокъ, та какъ закричить: „жарко мнѣ, ахъ какъ жарко! Наденька чего плачешъ?..“ Штось-то пагаварыль-пагаварыль и пайшовъ спать. Потомъ выйшовъ Макарка и почаль объяснять про прачокъ, што они платки крадутъ... Вотъ это такъ правыльно. Прачки народъ разбесовѣстой, не только у господъ, а и въ нашего брата крадутъ—и платки, и манишки, и карпетки... А мыють биле звесткою и жалвеемъ. А потомъ почаль Макарка потишаться надъ барышнею: „вы гаварыть деревеньска простота“. Дали заговорыль объ учености и на счотъ божественного; наконецъ того, схопылся, взявъ мамзель етую подъ ручку и пайшовъ у праходку... Тутъ выйшла друга барышня и другой кавалеръ, балталы-балталы, ажъ

покамѣсть не выбѣгъ опять тотъ старычокъ и почавъ смихотворыть: „ежели, гаварыть, бландынка—дура, такъ это Пашка; ежели брунетной кавалеръ, такъ это Макарка!..“ Валяль-валяль дурака, ажъ покедова занавѣса не закрылы. Какъ закрылы занавѣсу, жыды заиграли на скрипкахъ и на трубахъ. Хорошо каналіи играютъ!.. Только што не все подъ ногу: играютъ, играютъ и какурать подладять подъ ногу, а потомъ сразу затягнуть какось уже зовсѣмъ не ладно... Да! Господа повставалы и пайшлы: мужеской полъ у бухветъ, а дамской у комнату... Предводительской поваръ моргнуль на меня, я и догадался. Пайшлы у расторацію, выкушалы по стакану пыва и по стакану сантурьнського и закусылы колбасой... Еще выкушалы сантурьнського и еще закусылы колбасой. Пайшлы. Прыходимъ у тятры, представленіе идеть и вже на деревеньской манеръ и такъ это показалось намъ неприятно... Андрий, Стеха, Олена, Мартынь? За для чово это? Простые и даже безсовѣстные разговоры!.. Не стоить, право, росказувать объ етомъ „Глытаѣ“...

Надежда.

Пожалуста-бо, роскажить?

Мыкола.

Какіе вы любопытни? Какъ заговорылы это они деревеньскими манерамы, а барышня ваши и сибѣ. Ну такъ это имъ не подходить... Я ихъ сразу узнавалъ: бровы начернены, глаза кругомъ обведены, какъ будто вони у очкахъ—смѣхъ да и только..! А на головѣ у нихъ очепокъ. Вотъ это уже, такъ очень глупо!..

Надежда.

Чого жъ глупо?

Мыкола.

Очепокъ? Разви еще не глупо? Нонче даже рѣдкая куфарка носыть очепокъ. На

што уже у городи торговкы, што яблуки али семечкы продають, и тѣ волосы стовбуромъ чешуть и шпылька бронзвая!..

Надежда.

Кажить дали про театр?

Мыкола.

Вотъ я сувѣтувалъ бы и вамъ прычоску переминыть.

Надежда.

Або кажить про театр, або...

Мыкола.

Да! Почалы барышня ваши усяки плаксыви речи выговарювать, я ледва-ледва удержався одъ смѣху. Когда бѣ поваръ не штовхонувъ меня разовъ сколько подъ бокъ—раздохотався бѣ!.. И вотъ, выйшовъ парень Андрій, значить, мужъ Оленынь. Какъ выйшовъ и загаварыль: „не могу я, гаварыть, штобъ кожу мою собственную мазалы саломъ, потому што отъ етаво никотораго мнѣ удовольствія!..“ Выйшовъ другой чалавекъ, пьетъ ето чай и гаварыть: „пойдемъ до волости на счетъ механизму и всякой процендуры, штобъ усяки хвакты, куплеты и сословія“. Заковырысто, каналія, раздобарювавъ, жаль што не довго. Потомъ выйшлы ваши барышня, да какъ заголосять, какъ заголосять!.. А Андрій ихъ обнимаить и объявляить: „не терзай меня стражданіямы чувствительнымы, потому што Богъ на небесахъ, а я тебя оставляю!..“ И занавѣсу закрылы. Пайшлы мы опять у расторацію, подкroppылись сантурынскимъ и уже закусылы по порціи судака, по польски, прыкурылы, пагаварылы; прыходымъ въ театръ прыставленіе вже йдетъ. Парни и дѣвки идуть и поють: „Ой дубъ, дуба, дуба, дуба!..“ А одынь парень въ прысядку шмалыть; тутъ скрипка и бубонь... Когда бѣ еще гармонія? Ето было

веселое прыставленіе; толькы ежелы бѣ еще надѣлы хочъ двѣ-тры маски, тогда смилнѣй було бѣ!.. Закрылы занавѣсу, поваръ подморгнувъ на меня, ну я не согласылся, потому и такъ, признатця, у головѣ шумѣло довольно несносно и за галстукомъ уже було порадочно... Подзвонылы и знова открылы занавѣсу. Ну, тутъ вже я ничево не розобралъ: старычокъ штось пагаварыль-пагаварыль и пайшоль... Такъ толькы можно було понять, што достаецця бѣдному старычку. Ажъ тутъ барышня ваши, какъ выбижать, какъ закрычать, какъ заверещать, какъ зарегочуть, чысто, какъ самашедчіи! Меня смѣхъ такой разобралъ, я какъ прыхну... А тутъ зо мною рядомъ какойсь-то гаспадынь сидѣль, да какъ штолхонѣтъ меня подъ бокъ, да какъ засычыть на меня: „дуракъ ты!..“ Тогда я понявъ, што сміятьця не полагаецця. Одколь не возьмысь Андрій: а барышня какъ закрычать: „Андрій!“ А онъ ихъ какъ садонѣтъ у груди, а оны и впалы. Потомъ выхопывъ онъ ножъ, у пастуха, да какъ полоснетъ имъ старычка, дакъ тотъ такъ и быркыцнулъ до долу!.. „Ну, убейте меня, али закуйте!“ гаварыть Андрій. И занавѣсу закрылы. Правда, ничево интереснаго и непонятно?..

Надежда.

Та якъ вы розказалы, то я ничого не поняла.

Мыкола.

Потому што нечево и понимать: одна простота и деревенщина. Да!.. Даже какіе-то гаспода гаварылы: „однообразіе, безъ всякаго разнообразія!..“ Послѣ етаго. у нашихъ гасподъ былъ вужинъ, шампанское пылы, мороженое кушалы... Я такъ много мороженого зкушалъ, што ажъ внутрѣ почало замерзатъ... *(Резоче)*. Который теперъ часть? *(Дывытця на годыныкы)*. И съ тѣмъ, такъ сказать,

што до прыятного свіданія. (*Почолом-кався и пишовъ*). Пора въ путь вояжъ!

Я в а 3-я.

Логвынь (*трохы раницъ пидійшовъ и слушаъ*).

Що винъ тутъ розказувавъ про театръ, а ничого не розибравъ?

Надежда (*сміється*).

Отъ такъ же и я розибрала... Тилькы, що я вже сама бачыла театръ не разъ.

Логвынь.

Бачылы? Овъ? Щожъ воно таке?

Надежда.

Нехай колысь прочытаю тобі що небудь театральне и роскажу. Оцей лакузований людъ, якъ ось и Мыкола, це покаличеный народъ, котрый почына науку не зъ початку, якъ треба, а зъ киньця. Попаде у панськи покон, та якъ одягне сертука та фрака, то вже винъ личыть себе не простымъ и першъ всего цураецця ридной своеи мовы... А якъ навчытця чытаты, видъ такого жъ лакузованого перевертня та чыта що попало, безъ толку, тоди пышы пропало!.. Простого розуму побудецця, а освиченого не досягне и все ему въ паморокахъ скаламутытця и те, що кожний втяме, ему здаецця не зрозумилымъ... Цилкомъ стане схожий зъ попугаемъ, хочъ заразы садовы его въ клитку!..

Логвынь.

Колыбъ мени побуваты у театри?

Надежда.

Щобъ зрозумити, що таке театръ, найкраще самому у нему побуваты. Колысь побуваешъ...

Я в а 4-а.

Андрій.

Чы у насъ, Надеждо, багацько е хлибивъ, бо, мабуть, прыйдетця мени взять зъ собою, у ярмарокъ, хлибивъ зъ трое?

Надежда.

Е ще пятаеро цилыхъ и пивъ хлиба. Берить зъ собою хочъ и четверо, а я завтра вчыню свижий.

Андрій.

Покладешъ же у мишокъ: четвертыну сала, та сыру трохы, а цыбули не треба, бо у насъ ии и такъ мало, — прыйдетця купуваты. Лыбонь, ты казала, що й кашныка треба купыть?

Надежда.

И кашныка и покрышокъ зо тры. И сыто вже продерте, ажъ у трехъ мисьцяхъ... Я вже латала-латала!..

Андрій.

А чы не пора лагодытсь до обиду, якъ ты думаешъ?

Надежда.

Якъ лагодытсь, то й лагодытсь. (*Встае*). Та прывезить, тату, Настусю до дому, це вже ий годъ скинчывся, не наймайте бильшъ.

Андрій.

Та вона дома не зайва буде, бо тобі, такы що не кажы, треба помишныцю... Слава Господеви, хлибець у насъ цего року зародывъ, не попухнемо зъ голоду.

Надежда.

Настуся помогатыме мени въ работи, а я ии вчытому грамоты. На мою думку и Костя бильшъ не найматы бь?..

Андрій.

Э, це вже ты багато захотила... Ну, ходимъ же обидаты.

Логвынь.

А я вхоплю видро та збигаю до крыныци, прынесу свижон воды. (*Хутко пишовъ въ хату*).

Андрій.

Друзяка парняга. (*Пинилы въ хату*).

Я в а 5-а.

Прохоръ и Солоха.

Прохоръ (*въ чемерци, у вузькихъ штаняхъ и зъ бляхою*).

Не хотивъ-бы я на те весилле йты, такъ не можна жъ не йты, бо тамъ, сказать, уся наша парахвія буде: староста, пысарь, може и урадныка запросять?.. Сылуватымуть пыты горилку, знаю, що сылуватымуть... Пытыме староста, пытыме й пысарь, якъ же мени не пыты? А ще якъ урадныкъ прыпожалуе та скаже: „выкушай соцькый!..“ Якъ же я зможу не выкушать? Бачышь, що иноди трапляюцца таки задачи, що де-кому слидуе пыть!..

Солоха.

А Андрій такы не пишовъ на сватанне, разивъ зо тры клыкалы, не пишовъ!.. Невже й на весилле не пидуть—ни Андрій, ни Надежда?

Прохоръ.

Такъ Андрій же не пры которій довжноты, ему можна й не пыты, ему можна иноди и не выпыть; а началныкови, якъ отъ мени, не полагаецця...

Солоха.

Чомъ ты не заткнувъ горлянки Хведорови, якъ винъ коренывъ Андрія и видмакомъ и упыремъ?..

Прохоръ.

Ежели бъ винъ почавъ быты и викна у Андріевій хати, чы тына ламаты, такъ и тоди ще треба змизкуваты, чы буде це нарушеніе порадкивъ въ тышыни, чы не буде?

Солоха (*дыветця*).

Хиба?.. Чого це Мыкышкамъ забанулося винчаты молодыхъ ажъ у Таранивци, ажъ за дванадцять верстовъ?

Прохоръ.

Нашъ пипъ позавчора раптомъ заслабъ и давъ запыску, що дозволя винчаты у Таранивци. Колы бъ не тее, то ихъ ще позавчора звинчалы бъ.

Солоха.

Онъ воно що?

Прохоръ.

Безъ запыскы не полагаецця.

Солоха.

А якъ же теперь буде дытына Хвенчына?

Прохоръ.

Я бъ тоби и розтлумачывъ це дило та чы ты жъ втямышъ? Ты понымаешъ, що таке розносна книга? Бачышь, вже зразу и вырячылась!.. А що таке сергучъ? Э, то-то жъ бо й е! Треба усе понымать. Сергучъ на те, щобъ зъ него печати до бамагъ налилюваты!.. Повинча пипъ Демьда и Хвеньку и заразы дытыну запыше и якъ печать прылипыть... Ще не розибрала? Ну, отъ, примеромъ, оце ты, такъ це буде Хвенька, а оцей стовпчыкъ—Демьдъ, а межъ нымы дытына, це, скажемъ, я... Повинчалы, запысалы, печать прылипылы и положеные на законнимъ основаныи скородвыжыме и правыльне... Доки не винчани—беззаконны, а повинчани—законъ!.. (*Чутно гуркитъ, дзвинкы, дали весильный спивъ. Спивъ раптомъ обриваетця, чуецця крыкъ и гвалтъ*). О, вже вчынылось изъ закона якесь беззаконъ!..... (*За лаштункамы голосы: „держы, держы, переймай!..“ „Не рушите, не рушите, не хапайте за*

поводы!..“ „*Колесо, колесо злетило!..*“ „*Пережынулъсь! Молодого поволокло за возомъ!..*“). Я жъ кажу, або нарушеные порядкивъ въ тышыни, або беззаконые?.. (*Пишовъ на гвалтъ*).

Хведиръ (*бизыть туды жъ*).

Що тамъ вчынылось?

Я в а 6 - а.

Васылына (*перелякана бизыть ему на зустричъ*).

Ой, таточку! Демьдови кони голову розбыли!.. Я жъ казала буюрынови: не давайте Демьдови коней поганять, бо винъ пьяный!“ А буюрынъ не послухавъ мене.

Хведиръ.

Де жъ Демьдъ успивъ напытысь?

Васылына.

Заіздылы жъ по дорози до мовопольки. Демьдъ якъ запуствывъ коней та все батогомъ, батогомъ хлеска!.. Кони бизыть скильки духу та все хвыцають; а Демьдъ все батогомъ стеба! Дали злетила люшня, а згодомъ и колесо!.. Все мы попадады зъ воза, а Демьда зачепыло виссю за пояса тай поволокло!.. Степанъ Горбатый заразы прыбигъ, перепынывъ коней и повивъ до дому, кленучы насъ... Каже: „понаровылы мени коней, не варта було й позычать такимъ свынямъ!..“ (*Проводяты пидъ руки Демьда, зъ перевязанною головою*).

Я в а 7 - а.

Ти жъ, Демьдъ, Хвенька проходыть зъ весильными гостями, старосты, буюре, дружны и народъ.

Хведиръ (*до Демьда*).

Здорово розбывъ голову?

Демьдъ (*маха руками*).

Наплювать!.. (*Его повелы*).

Гаврыло.

Треба тилькы намочыты горилкою рушныка або хустку, обвязаты голову и завтра буде здоровъ. Я старостую бильшь тридцятка годивъ, такъ траплялося не разъ, що обомъ—молодому и молодій, головы попровалюють, то заразы намочышь рушныка горилкою, обвяжешъ головы и завтра все якъ слидъ благополучно!..

Народъ.

А бува, бува!..

Одынъ зъ народа.

Та отъ, якъ позаторикъ, Сенька Гусаку вертався видъ шлюбу...

Хведиръ.

Ни, люде добри, не такъ воно це дило е, якъ вамъ вбачаетця. Тутъ не безъ прычыны, це почынено!.. Гаврыло, чья оце хата, Андриева? А хто такый Андрий? А хто его дочка Надежда? Кажы прямо!..

Народъ.

А хто жъ винъ? А хто жъ вона?

Хведиръ.

Гаврыле! Хиба Андрий не упырь?

Народъ.

Хто упырь? Андрий? Хиба?

Хведиръ.

А чы его покійна жинка не видьма була?

1-й изъ народа.

Жинка?

2-й изъ народа.

Та казала што...

3-й изъ народа.

Авжежъ што видьма!..

Хведирь.

А дочка его Надежда ще більша видьма!.. У мене є на те прикметы, що вона видьма!.. Ось тутъ до речі и господынъ пьсарь...

Пьсарь.

Да, я здѣсь: трезвъ и при своей памяти... (*Хытається*).

Хведирь.

Воны намъ ти прикметы заразъ и розтовкують!

Пьсарь.

Краще всякого снотолкователя изъясню и выпьемъ вообще...

Хведирь.

Шкода, що нема ще господына старосты!.. Та ось, господынъ соцькый тутъ. Идемо заразъ у хату до Андрія и я привселюдно выведу обохъ—батька и дочку, на свижу воду.

Прохорь.

Ежель што какъ...

Солоха.

Ой, не слухай, чоловіче, брехень!..

Прохорь.

Що ты тямшь? Ежель, которе невкосьнительно обозначено: упырь и видьма!.. Такъ тутъ треба скоропостыжно понимать, потому кожному хазяинові, у котрого корова є, недзя безъ молока зоставатись!..

Солоха.

Та звисно!..

Хведирь.

Ведить передь, господынъ соцькый.

Прохорь.

Ходимъ, господа! Тилькы, щобъ не було никоторого нарушенія порядка въ тышыни,—розумієте?

Пьсарь.

Ибо статья... Извлеченіе изъ свода законовъ... управа благочинія. (*Пшилы*).

2 ОДМИНА.

Декорація 1-й діи.

Я в а 1-а.

Андрій, Надежда и Логвынь.

Андрій (збирається).

Це ты мени стилькы загадала покупокъ, що й десяткомъ карбованцьивъ не одбудусь: и полотно тоби купы, и сытцю купы, и заповочи купы...

Надежда.

Колысь виддамъ вамъ, видроблю... Барышня у лысти пынуть, що надіютця скоро дистаты дозвиль на видкрытте школы: вони помогутъ мени экзамена выдержаты на учительку, тоди я буду жалуванне получать... Може рубливъ сто мени дадутъ?

Андрій.

Такъ, такъ, дождайся... Колы ты ще воно буде?

Надежда.

Я певна, що буде. Тоди вже я не дозволю вамъ роботы безъ спочывку.

Андрій.

Ну, це... Доки я въ сыли, доты й роботыму.

Надежда.

Вы вже попрацювалы на своимъ выку вдоволь и я мушу васъ пожалиты. А якъ вылюдніють Настуся та Кость, то вже вони мене пожаліють...

Логвынь.

Може ще є такі люде, що васъ пожаліють?

НАДЕЖДА.

Тату! Що винь мѣни все *выкае* та й *выкае*? (*Шукае чогось въ скрыни*).

ЛОГВЫНЬ.

Вы вчителька моя, стало быть, не повиненъ я казаты вамъ *ты*.

АНДРІЙ.

По правди сказаты, у мене иноди и въ самого языкъ засакае, щобъ сказаты на тебе *вы*?

НАДЕЖДА.

Оттакон!

АНДРІЙ.

Ты, звисно, вчена...

НАДЕЖДА.

Почнить знову тѣи жъ. И де я загубыла мою кныжочку запысну? Николи зо мною цего не траплялось, а це якъ на грихъ!.. Нема и въ скрыни. Де жъ це вона?..

Я в а 2 - а.

Прохоръ, пысарь, Хведиръ, Солоха, Гаврыло и други входятъ разомъ.

ПРОХОРЪ.

Порадокъ, порадокъ господа!

Хведиръ (*показуе на Надежду и Андрія*).

Панове громадяне! Ото видьма проты васъ стоить, а ото упырь!

АНДРІЙ.

Що це таке? Втыся пьяный въ мою хату та ще й безчестышь дочку мою й мене?.. Геть зъ хаты!

ПРОХОРЪ.

Стрывайте, Андрію! Ежели що винь докаже, що ваша дочка видьма?..

АНДРІЙ (*зъ жажомъ*).

Що це таке?

ХВЕДИРЪ.

Вси вы знаете, панове, що у нашій крыныци, котра межы моею и Андріевою левадою, вода була на все село; ще покойный батюшка, отецъ Есыпъ, разъ-у-разъ бралы воду зъ нашои крыныци на самуваръ.

ПЫСАРЪ.

Верно. Я самъ этотъ чай пывъ и да же зъ ромомъ, а пры не имѣниі такового— зъ водкою.

ХВЕДИРЪ.

Теперь ни зъ сего, ни зъ того вода зъ крыныци позчезла, тилькы багнюка та жабы на дни. Ставь я думаты та гада ты, зъ якои бѣ-то воно прычыны?

АНДРІЙ.

Ось въ чимъ ричъ? А зъ тѣи прычыны, що воду здорово выбираютъ: за для конопель, за для скотыны и на всяку потребу... Ставкивъ же у насъ теперь нема?

ХВЕДИРЪ.

Стрывай, стрывай!

ПРОХОРЪ.

Пождить, Андрію.

ХВЕДИРЪ.

Почавъ я, якъ тилькы смеркне, засидать у левади, щобъ постерегты... Мушу вамъ, панове, признатись, що мене кой-хто навчывъ кой-чому и такъ, що я могу бачыты видьму своимы очыма.

ГАВРЫЛО.

Винь може... верно!

НАРОДЪ.

Ага! Онъ що? Та невже?

ХВЕДИРЪ.

Дывлюсь, прыходытъ Надежда до крыныци, набрала у видра воды, понюхала,

щось пошептала, сплюнула и вылыла ту воду протывъ вечірней зори и пишла зъ порожними видрамы.

Надежда.

Що воду вылыла, це правда; а щобъ шептала, то це неправда, бо не вмю шептать... Якость у день не було часу збигаты по воду, я побигла смеркомъ, а тутъ якъ разъ Дудненки палылы дви здоровенныхъ бочки, зачерпнула я видромъ, глянула—одна тилькы грязюка, а й вылыла ии додолу.

Хведиръ (*призно*).

Але замовкны покы що, будешъ балакаты описля!

Надежда.

Ни, не замовкну!.. Вы правытете якусь висенитныцю, якусь дурныцю, а я мушу все те слухаты,—за для чого?

Прохоръ.

Надеждо! Не нарушай порадкивъ въ тышыни.

Надежда.

Що вы мени торочыте, чого й сами не тямые?

Прохоръ.

Якъ, я не тямлю, я?

Надежда.

Що азбуку до буквы и вивчылы та вже...

Прохоръ (*кыви и морга на неи*).

Ц-сь! Не треба! Надеждо, мовчы!..

Хведиръ (*шука щось у кешени и на решети выйма запысну кныжку*).

Осьдечкы! Ось що я знайшовъ!.. Паламаривъ сынъ, якъ прочытавъ мени, що тутъ напысано!.. Слушайте!.. Господынъ пысаръ, чытайте! Панове!

Пысаръ.

Любопытно! (*Бере кныжку*).

Надежда (*побачыла*).

Моя запысна кныжечка? Виддайте мени ии заразы!

Хведиръ.

Ага, виддайте? Не виддавайте!

Пысаръ.

Не, атанде мадамъ! (*Выйма очкы*).

Надежда.

Мого сміють мени не виддаваты?

Пысаръ.

Позвольте, прочытаемъ и поступымъ по обстоятельствомъ... Одно скло чымсь замазане. (*Плюе на окуляры и вытера*).

Прохоръ.

Надеждо!.. Пожалуста, нехай буде порадокъ... и буде благополучно все...

Пысаръ (*надивъ окуляры чыта*).

„Свиты, свиты мисяцю и вы ясни зирныци,
Нема мылого—не весели вечорныци“...

Хведиръ.

До чого воно оце йде, га?

Молодыця.

Це писня, але теперъ вже ништо такихъ не спива! Нема моды на таки писня!..

Хведиръ.

Такъ за для чого жъ воно спысано?

Надежда.

За для того, за для чого мени треба.

Хведиръ (*зло регоче*).

Тоби? Ни, скажи и намъ за для чего?

Надежда.

Не зрозуміете вы, дядьку! Це той глекъ, у котрый ваша голова не влизе. Годи каламутъ заводыты, наша хата до того не звыкла... Виддайте книжку!.. (*Хведиръ регоче*).

Пысаръ (*чыта*).

„Котылыся возы зъ горы, та въ долини стали“. (*Говорытъ*). Въ старовыну самъ спивавъ оную, подъ гытару. (*Чыта дали*). „Сокиль зъ орломъ купалыся“... (*Говорытъ*). Нехай соби купаютця, когда имъ жарко.

Надежда.

Це прямо якесь знущанне, якесь насыліе!

Пысаръ (*чыта*).

„Колы у кого зубы заболять“.

Хведиръ.

Слушайте, слушайте, панове!..

Пысаръ (*до Хведира*).

А вы не мишайте! (*Чыта*). „Колы у кого зубы заболять, то треба на молодыку выйты зъ хаты у ночи, стати на прычильнымъ вугли и трычи промовыты: „иды соби, болячко-зубачко, на очерета та на сухи болота, тутъ тоби не жыты, жовтой косты пе сушыты, шырого сердца не крушыты, червоной кровы не пыты... одъ мольтвенной, рожденной, хрещенной, сповиданной, прычащенной“... Сказать имня болячого, потимъ сплунуть на ливый бикъ. Такъ треба промовляты тры вечерныхъ зори, тры пивнычныхъ и тры свитовыхъ, а якъ не поможе“...

Хведиръ.

Нуте, панове громадяне, я васъ пытаю, що це воно означа?

1-й изъ народа.

Ликарствыне.

2-й изъ народа.

Сказать бы: средствами?

3-й изъ народа.

Шепотинне?

Пысаръ (*чыта*).

„Якъ кого вкусе гадюка“...

Хведиръ.

Такъ и не видьма вона?.. И колы бъ вона була прырожденною, то ще бъничого, а вона вчена, стало быть, люта видьма! Доки жъ мы ій дывытимемся въ пыку? Ось роздягнемо іи заразь и якъ що у неі е хвостыкъ, такъ вона прырожденна!.. Треба зъ нею расправытысь!..

Надежда (*зъ лякомъ*).

Боже мій! Що це таке?

Молодыця.

Я бачыла у неі хвостыка своимы очыма, такый якъ у зиньского щенята!..

Гаврыло.

И справди роздягнемо?

1-й изъ народа.

Та, мабутъ, прыдетця?

2-й изъ народа.

Таке дило, що колы треба, то треба...

Логвынь (*у бикъ*).

У мене кровь почына закипаты!..

Хведиръ.

Берить іи! (*Народъ замомонивъ*).

Надежда (*зъ крыкомъ*).

Якъ вы сміете? (*Бижытъ до батька*).

Андрій.

Схаменитця, люде добри! Чы вы зъ п'яну, чы подурилы?

Логвынь *(зхопывъ соқыру зъ пидъ лавы)*.

У мене ось соқыра въ руци!.. Моя голова пропаде, але докы трехъ-чотырехъ не розмижжу вашыхъ—не пидступыте до Надежды!..

Хведирь.

Ахъ ты жъ блазень, байстриюкъ! Зхопыть его.

Логвынь *(крыкомъ)*.

Не руштесь зъ мисця! Дядьку, Хведоре! Кому, кому, а вамъ не животиты!.. Пидходьте першы.

Прохорь.

Логвыне, я тоби велю невоснытельно!..

Логвынь.

А я васъ не слухаю!..

Я в а 3-я.

Ти жъ и панна Ольга.

Ольга.

Здрастуйте! *(Вси загомонилы: „панна!“ и видступаютьця)*. Що це за гости у тебе, Надю? *(Здоровкаецця зъ нею)*.

Надежда *(тремтыть и плаче)*.

Самъ Богъ васъ прынесъ! Захытитъ мене видъ оцихъ звиривъ!.. Мене осоромыты хочуть!...

Ольга *(зъ жахомъ)*.

За вицо?

Андрій.

А отъ, спытайте у нихъ?

Хведирь.

Вона видьма!.. Я кныжку таку знайшовъ, по котрій вона видьмувала!..

Пысарь *(подае кныжку)*.

При семь им'ю честь почтительнѣйше представить!

Ольга *(роздывляецця кныжку)*.

Запысна кныжка, котру я подарувала Надежди?..

Народъ.

Якъ?.. Що таке?..

Ольга.

Я прохала Надежду спысувати сюды усяки писни, котри почуе видъ людей, найпаче видъ старыхъ: казкы усяки, прысливья, ворожбу... И ця работа чуть ий не прычыныла лыха? Ахъ вы жъ дыкый народъ!.. *(Сметця)*.

Пысарь.

Точно, сторона дыкая, монголская!.. И какъ мнѣ зъ ными дальше быть?

Ольга.

Горилкы побильше пыть!

Пысарь.

Точно, единственное утишеніе въ горести напрасной!

Ольга.

И соцькый тутъ, началныкъ?

Прохорь.

Такъ тошно!.. Какъ ежылы которе скородвыжыме превзошество...

Ольга.

И бляха на грудяхъ блестыть, а въ головы свыстыть?

Солоха (*тыхо*).

А што, казала я тоби?

Прохоръ.

А, не... безкопай мене!

Ольга.

Боже, Боже! Колы ты здзімешъ полуду зъ очей цего темнаго лоду? Це, Хведоре, все зъ твояго прыводу?.. Оглянься ты на себе: чымъ ты бувъ и чымъ ставъ? Де твои достаткы, де твоя худоба?.. Все въ шыньку! И все те скоилося черезъ твое ледарство та черезъ заздрісь. За мисць праці ты баглаи годувавъ, та завьдувавъ всимъ, всихъ ганьбывъ и пестывъ дурну думку: чы не можна бь до своихъ рукъ прыбраты все те, що други гиркою та невсыпучою працею здобувають?.. А жинку свою до чого ты довивъ што-денню бійкою?.. И очей не ховаешъ? И цей звиръ чоловикомъ зветця? Але годі, не хочу бильшь докярты тебе, ни корысты зъ того, ни толку не буде!.. Я зъ тобою и ранищъ размовляла про це, на рэшти жь переконалася, што ты зъ тихъ, котрымъ хочь килъ на голови тэш!.. А оть краще я поділюся моею новыною зъ тымі, котри ще не пішы по Хведоровій стежці. Я выхлопотала у начальства розрешеніе открыть въ нашій слободі школу.

Де-хто.

Та невже? Це ловко! Отъ тоби й на!..

Ольга.

Отъ якъ ваши диты вчытымутця грамоты та по троху навчатымутця разумиты та змизковуваты те, што коитця навкругы ихъ, то и жытте ихне пиде инчымъ шляхомъ и инчымъ напрямкомъ; и инчи выроблятця межы людмы видносны и погляды на все...

1-й изъ народа.

А по скількы жь прыйдетця платыты зъ души на школу?

2-й изъ народа.

Це нова халепа!

3-й изъ народа.

Эге, хочь здыхай!

Ольга.

Платыты не будете, я открываю школу на свій кошть.

1-й изъ народа (*весело*).

Ага!.. Ну це инча ричь.

2-й изъ народа (*смючысь*).

Якъ не платыты, такъ...

3-й изъ народа.

У мене трое хлопчакивъ, нехай вси вчатця! Колы вже вчыть, то всихъ вчыть, онъ я якый!..

Хведиръ.

У мене дитей малыхъ нема, то мени школа безъ надобности...

Я в а 4-а.

Ти жь и Демьдъ.

Демьдъ.

Тату! Идить, давайте розпорадокъ, вы жь, лыбонь. батько? Уже й господынъ урядныкъ пожалувалы.

Прохоръ.

Невже?.. якъ што той... Бо де началство, тамъ и я. (*Пшювгъ, за нымъ Солоха*).

Демьдъ.

Васыльна побигла до крыныци, пры-
несла воды холодной, якъ лидъ, я намочы-
чывъ голову и полехчалю.

Хведиръ.

Невже прыбула вода?

Демьдъ.

Каже: прыбула!..

Хведиръ.

А што, мыряне, чуеце?.. Якъ пры-
тыслы видьму и вода заразъ прыбула!..

Ольга.

Несчастный ты чоловікъ, Хведоре,
дыкый, дыкый!

Хведиръ (*выходе рогочучы*).

Не знаю, хто зъ насъ дыкый?

Пысаръ.

Страна татарская, монгольская. Какъ
пры такихъ розанафемскихъ обстоятель-
ствахъ не пыть? (*Пишовъ*).

Андрій.

О така, якъ бачыте несподивана на-
пастъ!..

Надежда.

Я ледве можю зрозумиты, што це
вчынылось?..

Логвынъ.

Колы бъ панна не зъявылыся, то
безъ душогубства не обійшлося бы!

Андрій.

Идите, люде добри, зъ Богомъ, часту-
ваты я васъ не буду.

Де-хто.

Не кожень може ласый до частування?..

Андрій.

Та й на балачку не сподивайтесь.
А якъ хочете, то сядайте.

1-й изъ народа.

Та мене клыкано на весилле... (*Пи-
шовъ*).

2-й изъ народа.

Тамъ десь жинка? (*Пишовъ*).

3-й изъ народа.

Тамъ, звисно, веселищъ... (*Пишовъ*).

Ольга (*сида*).

Ну, Надю, тыжднивь черезъ два по-
везу я тебе въ городъ, на экзамень; пилля
того дасы въ городскій школи пробный
уроць, вернемось въ село и Господы бла-
гословы працоваты, на корысть та пид-
могу своимъ кривнымъ.

Надежда (*цилуе ей руки*).

Чимъ я вамъ видячу за вашу доб-
ристь до мене?

Ольга.

Я це роблю не рады подякы. (*На-
дежда цилуе панну*).

Андрій.

Янгольская вы душа!..

Логвынъ (*цилуе панни руку*).

Хиба жъ не лехко у свити жыты,
побичъ такихъ людей, якъ вы?..

З а в и с а.

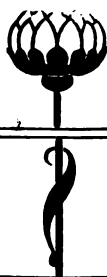
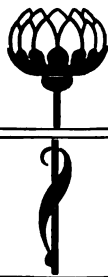
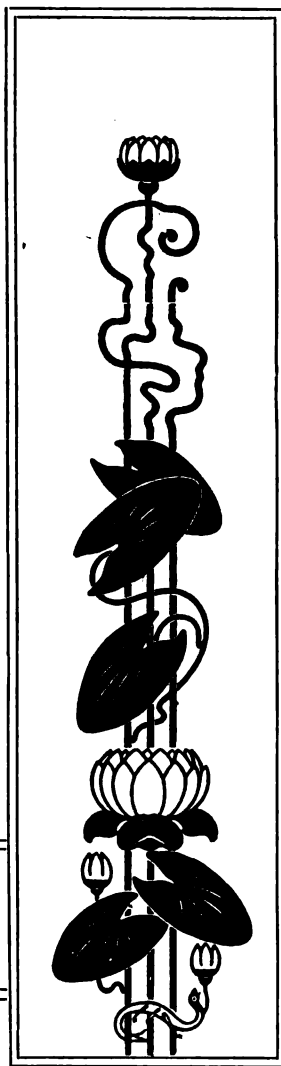

Глумъ

и помста

Драма у 5-ты діяхъ (сюжетъ позыченый изъ поэмы
Т. Шевченка „Титаривна“).

Дія 1-а. У оранди.

Дія 3-я. Борець.

Дія 2-а. Мандривка.

Дія 4-а. Розлученне.

Дія 5-а. Помста.

ДІЕВИ ЛЮДЕ:

Гаврыло Бакаляръ, багатый обыватель.

Степаныда, его жинка.

Настя, ихъ дочка.

Худолій } обыватели.
Деркачь }

Худоліиха.

Деркачыха.

Явдокымъ, бандурысть.

Тетяна, подруга Настына.

Гаврыкъ, } парубкы.
Тымишъ, }
Семень, }

Хома Нетяга, борець.

Марта, покытка.

Мыкыта, ии сынь.

Оксюта, ии прыймачка.

Янкель, орендарь.

Морозыха, знахарка.

Грыць, хлопець.

Тыхонъ, } слугы бакаляра.
Лепестына, }

Соцький.

Поводарь.

Молодыци, дивчата, парубкы, диты й народъ.

Діетця зъ початку 19-го столиття.

Д і я 1-а.

Оранда, дерев'яни столи, лави, ванкыр, на столи: суліи, корици, чарки и закуска. У ванкыри: барыло, суліи, глекы и ласоци.

Я в а 1-а.

(Навкругы столивъ сидять: Бова, Худолій, Деркачъ и инчи стари и пидстаркувати люде. Край одного столу Явдокъмъ зъ поводитаремъ; за другимъ столомъ грають у картъ; парубкы купують у орандаря ласоци и дають дивчатамъ... Народу у оранди повно).

Явдокъмъ *(спива)*.

Чы вмерты, чы жыты—
Не варта тужыты,
Доки льхо ще сміетця,
Доки въ грудяхъ серце бьетця:
Чого жъ намъ сумниты,
Краще будемъ пыты!

Гурть.

Чого жъ намъ сумниты,
Краще будемъ пыты!

Явдокъмъ.

Молодята-юнакы, дидуганы-старыкы,
Не гайте й частыны, случной годыны,
Налывайте вына,
Спорожняйте до дна!

Гурть.

Налывайте вына
Спорожняйте до дна!

Явдокъмъ.

Вась маты повывала,
Повываючы спивала,
Не бійтеса, диты, смерты,
На те й живемъ щобъ умерты.
То чого жъ сумниты,
Чы не краще пыты?

Гурть.

Чого жъ намъ сумниты,
Краще будемъ пыты!

Явдокъмъ.

У юнака одна доля—
Могылонька въ чыстимъ поли,
У юнака здобыченька:
У головкахъ травыченька,
На оченькахъ муравочка,
На лыченьку кытаечка,
На рученькахъ нагаечка,
Нагаечка дротяночка!

Гурть.

Налывайте вына,
Спорожняйте до дна!

Бова *(бъе кулакомъ по столу)*.

Ажъ ось колы наскризь дошкульвѣ,
такы ажъ до самисенького деньця!

Худолій.

Ну, тай писня жъ!

Деркачъ.

Прямо чудова, такъ тебе и пече!

Явдокымъ.

Така, панове, моя паравіа, спиваты болячиць, та гарячиць, щобъ пройматы слухачивъ дошкульніць!..

Бова.

Гей, жыде! Ще око меду, або й два!

Деркачь (до *Бовы*).

Та й друзяка жъ ты, Свырыде! Дай Господы, щобъ тоби и на тимъ свити що разу легенько гыкалось за це твое щыре слово!

Худолий.

И гыкатыметця, побый мене святыи гримъ, гыкатыметця!

Бова.

Янкелю, моторниць повертайся!

Худолий.

Хутчій!

Деркачь.

Швыдче, швыдче, а то нетерплячка ажъ нудыть!

Янкель (*подае у суліи медъ*).

Заразь, заразь! Осьдечкы око меду та й вже!

Бова.

Панове товариство! Пылы мы за мынуле и за покійнычкивъ, нехай надъ нымы земля перомъ, а теперь за кого пытымемъ?

Деркачь.

За кого не пыты, абы пыты.

Худолий.

Авжежъ! Мертвымъ вичный покій, а намъ на добре здоровьячко; и докыживемъ, не слидь часу гаяты, якъ у роботы, такъ и у пытви!

Деркачь.

Истинная правда!

Бова.

Выпьемъ жъ за тихъ живыхъ, котримъ ридный край милиць, нижъ хлиба окрай и дай Господы, щобъ никола не переводылись про межъ насъ таки, за котрихъ варта що разу промовыты путне слово!

Деркачь (до *Бовы*).

Ты може маешъ промовыты про мене лыхе слово?

Бова.

Не про тебе ричь!

Худолий.

Побый мене святыи гримъ и не про мене!

Бова (до *Явдокыма*).

Явдокыме, де ты вышкрибъ оцю писню?

Явдокымъ.

Богъ подавъ мени у виконце, — сказано-бо: Господь слипчивъ умудряе! Витерь голосъ нанисъ, голосъ пошептався зъ серцемъ та й выстачивъ слова, а я вже ихъ выпивую передъ охочымы слухачама.

Деркачь.

Я охочый слухаты.

Худолий.

Послухаешъ, послухаешъ, та й запешъ!

Бова.

Дмухны жъ, старче Божый, зъ нами рядовой та ще утны намъ яко! (*Пидносе чарку*).

Деркачь.

Хочъ бы и такой!

Худолій.

Та ѱ зновъ почаствуемся.

Явдокымъ.

Ловы жъ мою руку, а чарку я ѱ самъ донесу до рота, бо то не хытра работа.

Бова.

Ну ѱ гострословъ, хай тоби щастытѣ на довго. А ну, хыльны однимъ крякомъ!

Явдокымъ.

До пытва мене не пидганяй, бо якъ хвосъкнешъ хочъ разъ, тоди не впеишь и наливаты. (*Пѣе*).

Народъ.

Ха-ха-ха! Ну ѱ бандурыста!

Бова.

Ну ѱ козарлюга жъ! На очи слипый, за те на розумъ надто выдючий!

Худолій.

Я волю почоломкатысь зъ Явдокымомъ.

Деркачь.

И я!

Явдокымъ.

А де жъ ваши губы? (*Чоломкаетця*). Налый мени. Бово, ще. (*Бова налива*). Дай же мени Господы писля цѣи, та хочъ и цѣи, або ѱ мицнищои! (*Пѣе*).

Бова.

Мытець. Кожне его слово гостре, якъ брытва.

Явдокымъ.

Бо самъ те слово кую, самъ сталю, самъ его ѱ гартую, та ще ѱ не на торгъ и не въ боргъ, а за гроши готови, за для хатней знадобы.

Деркачь.

Оттакого переговори!

Худолій.

И не наважайтесь, куме!

Явдокымъ.

Языкомъ може и попередышь, а думкою прыстанешъ.

Худолій.

И яжъ кажу, що даремна ѱ праця.

Деркачь.

Годи змагатыся, частуйте!

Бова.

Явдокымъ на примовкахъ собаку стрискавъ.

Худолій.

Дви!

Деркачь.

Не гайте-бо часу, частуйте!

Бова.

Гѣй, жыде, ще меду!

Деркачь.

Оця промова наймудрища!

Худолій.

До самисенького серця йде!

Янкель.

Ось и медъ вже тутъ! (*Ставе*).

Бова.

Не сикайся зъ розмовою, колы не до тебе пьютъ. Мовчы, то розумнищымъ здаватымесся!

Я в а 2-а.**Ти жъ и Грыць.**Грыць (*заснавшись*).

До насъ якыйсь гультай прыйшовъ,
борецъ бы-то, чы що?

Вси.

Та не вже?

Бова.

Давай его сюды! Давно вже у на-
шимъ хутори не зъявлялысь борци.

Деркачъ.

Ще того року, якъ оселилы мы оцю
Займанщину, инколы зъявлялысь, а то
уже й не стало ихъ.

Худолій.

Теперь, куме, сыла не въ кулаци, а
у мозкови.

Я в а 3-я.

**Ти жъ, Семень, Гаврыкъ, Тымишь,
Настя, Тетяна, дивчата, парубны, по-
задъ всихъ Мыкыта.**

Семень.

Та й садыть же гайдука!

Тетьяна.

Ажъ земля стогне!

Семень.

Ногамы такъ дрыбно выбера, що й
очыма не потрапышь.

Гаврыкъ.

Я дрыбнищъ выберу!

Настя.

Та ты у насъ здавна хвалько!

Гаврыкъ.

Я хочъ и заразы въ закладъ!

Семень.

Ни, брате, заховайся у запичокъ,
далеко тоби до него!

Гаврыкъ.

А може ему до мене?

Татьяна.

Якъ що цей борецъ такый и дужый
якъ танцюрыстый, то завдасть нашимъ
хлопцямъ на довго пам'яткового!..

Гаврыкъ.

Або мы ему?

Настя (*глянула на Гаврыка*).

Ну що, колыбъ ты, Гаврыку, и справ-
ди бувъ такый дужый на сылу, якъ сми-
львый на промову?

Гаврыкъ.

Та вже, куць выгравъ, куць програвъ!

Я в а 4-а.**Ти жъ и Хома Нетяга.**Хома (*танцюе приспівуючы*).

Ты жъ мене пидманыла

Ты жъ мене пидвела,

Ты жъ мени молодому

Вечеряты не дала!

А хочъ дала вечеряты

Та не дала ложки,

Насыпала въ черепочокъ

Сыроватки трошки!

(*За нымъ музыки, юрба дитей и
народъ*). Горилкы, меду! Кто тутъ ота-
манъ? Громадо, сопкый! Препогане, мер-
зене, мерзле парубоцтво, ходите бытысь,
чы боротысь,—бо я борецъ! (*Озырнувъ
всихъ*). Якъ бачу, тутъ опричь сыво-
вусыхъ дидуганивъ, тилькы блазни?

Бова.

Дошкуля митко, матери его хринь!

Деркачъ.

Неначе ажъ пече! Эхъ, колыбъ моя сыла!

Худолій.

Якъ бы мени, десятка два зъ горба, задавъ бы я ему!

Хома.

Та чы це жъ сыны, тихъ батькивъ та онуки, тихъ дидивъ, котри край ридный боронылы и пидпералы шыроку славу прадидивъ? Ледацюгы вы, ледацюгы!

Бова.

Правду каже!

Деркачъ.

Та ще й яку правду!

Худолій.

Чомъ винъ, панове, не зъявися тоди, якъ я бувъ въ сыли?

Хома.

Та невже жъ никому не кортыть чмеливъ послухаты? Невже жъ ништо не цикавый повчытысь, якъ лыка деруть? (*Резоче*). Такъ ось яки тутъ юнаки! Геть же капосни пуцьвирынкы, геть у запичокъ, кашу істы! Орда-бъ васъ полонила, татарва-бъ васъ подавила!

Бова.

А ну, молодята, выходи котрый, утры хвалькови носа!

Народъ.

Ну-жъ, зъявись!

Худолій.

Не гай часу, зъявляйся мерщій!

Деркачъ.

А мы заразъ выпьемъ за ваше здорье!

Хома.

А ну жъ, страхонуды! Пу-гу! Кому кортыть, щобъ я зигнувъ его въ дугу?

Бова.

Та що жъ це? Начхайте краще мени на чупрыну! Нема не одного велетня?

Хома.

Дивчата! Женишь видъ себе геть тихъ вылупкивъ-блазюкивъ, чого вони тулятыся за ваши плахты? А геть, бисова дрибнота, пидъ пиче, межъ горшки!..

Деркачъ.

Дывына!

Худолій.

Новына! Якъ бы двадцять годивъ..

Настя.

Гаврыку, що жъ ты осивъ?

Гаврыкъ.

Хто, я?

Тымышъ.

Разъ маты породыла, не двичи й померать! (*Выходе*). Простору! (*Засукуе рукава*).

Вси.

Простору! Простору!

Бова.

Насылу!

Деркачъ.

Знайшлась спасенна душа?

Худолій.

Око меду за Тымоша,—жыде!

Янкель.

Чую! (*Подае*).

Бова.

Гей, Тымыше, не поганого батька сыну, захысты нашу славу, покажи, що въ насъ ще не вмерла одвага й миць!

Деркачъ.

Выдавы зъ хвалька и хвужъ и олію!

Худолій.

Чы Тымышь борця, чы борець Тымоша, а намъ слидъ почастуватись.

Бова.

Туть тисно, на просторъ борци!

Вси.

Гайда зъ оранды! На просторъ, на просторъ!

Бова.

Янкелю, неси за нами й медъ! (*Выходятъ: Бова, Деркачъ, Худолій Хома, Тымышъ и народъ*).

Янкель (*несе медъ*).

Побачымо, хто кого подужа: чы наши, чы нашихъ? (*Пишовъ*).

Парубкы.

Ходимо й мы подывымось!

Семенъ.

Ходимъ, Мыкыто! Ходимъ, подывымось... На мою думку, хто-хто, а що ты, то утеръ-бы носа цему хвалькови!

Мыкыта (*хова очи*).

Куды мени до него?

Семенъ.

Чы не ему до тебе? (*Пишовъ*).

Мыкыта.

Я ще не вмоцюався!

Настя (*глянула на Мыкыту*).

Яка у Мыкыты, ваблыва постать, вильна та хыстка! (*До Гаврыка*). Що жъ ты, Гаврыку, не выйшовъ на боротьбу, а якъ порскавъ? Мабуть ты проты борця вутла вивця? (*Регитъ*).

Гаврыкъ.

Колыбъ Тымышь не зъохотывся, я заступивъ-бы его мисце!

Настя.

Навдаху!

Тетяна.

Чого жъ гаяты часъ, паруймося до танцивъ. Старымъ цикава боротьба, а намъ танци,—чы такъ?

Гаврыкъ.

Авже жъ. Насте, пидешъ зо мною?

Настя.

Якъ поборешъ борця тоди пиду, а теперь потанцюй зъ инчою.

Гаврыкъ.

А я хочю зъ тобою!

Настя.

Не варта ты того, щобъ я топтала нови сапьянци! (*Регитъ*).

Гаврыкъ.

Та й я забуду, що у мене нови прышвы й закаблукы! (*Видходе*).

Настя.

Ну, ходимъ!

Гаврыкъ (*пидбига*).

Оттакъ бы и давнищъ!

Настя.

Ни, не хочю! (*Пишла у гуртъ*).

Гаврыкъ.

Вымучыла ты мене сегодня! (*Одійшовъ*).

Семень (*входе*).

Воны довго водытымутця тамъ! Степаныдо, гайда зо мною! (*Бере дивчыну*).

Тетяна.

Васылю, а я зъ тобою!

Семень.

Скыдаймо жъ музыкамъ на дохидъ. На стиль музыкъ, щобъ просторищъ було! (*Скыдають Явдокымови гроши*).

Явдокымъ.

Якъ на стиль, то й на стиль, абы не пидъ стиль; а колыбъ на пичъ, то я бувъ бы выщый за всихъ! (*Сивъ*). Купенькой вамъ, чы довгой?

Ливчата.

Довгой, довгой, та щобъ була пидъ ногу!

Явдокымъ.

Бачъ, якъ медъ то й ложкою! (*Почына граць, танцюють не вси*).

Мыкыта (*зипнувся на лаву*).

Видцила буде выднищъ.

Гаврыкъ.

Гляды, Мыкыто, щобъ стеляю плечыма не розвалывъ?

Мыкыта.

Якый розвале, такый и полагоде!

Явдокымъ (*спива*).

Якъ поїхавъ Саврадымъ—

У поле ораты,

Его жинка Саврадымка—

До корчмы гуляты!

Гуляла, гуляла,
Доки не спылася,
Наварыла борщу, каши—
Въ поле потряслася!

Настя (*глянула на Мыкыту, говоре у бикъ*).

Ого-го, якый высокий выгнався, мало не до неба!

Явдокымъ (*спива*).

Ходыла, блукала,
Мылого шукала,
Подывыся, Саврадыме,
Яка жъ-бо я стала!

Мыкыта.

Гарна, мабутъ, якъ вихтемъ змалована!

Настя (*глянула на него, у бикъ*).

Якый речыстый!

Явдокымъ (*спива*).

Подывыся Саврадымъ,
Ничого не каже,
Бере мылу на налыгачъ
Та до ясельъ вяже!

Мыкыта.

Нехай посолонцюе на похмилле!

Настя.

Мытець якый на прымовкы!

Явдокымъ (*спива*).

Чы іла чы не іла
Дае винъ ій пыты,
Запрягае въ борону
Та йде волочыты!

Мыкыта.

Нема крацюи дивкы, якъ Настя Бакаляривна! Чыясъ доля цвите! (*Зитха*).

Настя (*у бикъ*).

Чого Мыкыта такъ ість мене очыма?
Отъ того вже я ненавядю!

Явдокымъ (*спива*).

Выпрягае зъ борони,
Запрягае въ визъ,
Гей собъ-цабе, моя мыла,
Поїдемъ ще въ лись!

Настя (*у бикъ*).

Я чую плечыма, що Мыкыта дывытця на мене! (*Зыркнула на Мыкыту*).
Авже жъ дывытця. Така бь-то гарна?
(*Одвернуласть*).

Явдокымъ (*спива*).

Не барывся въ лиси,
Тилькы набравъ лому,
Гей собъ-цабе, моя мыла,
Поїдемъ до дому!

Мыкыта (*у бикъ*).

И зросте жъ така краса на дыво мывови, а комусь на горе!..

Явдокымъ (*спива*).

Якъ прыхавъ Саврадымъ
Изъ поля до дому,
Та й поставывъ свою мылу
На яшну солому!

Тутъ и мы, докы Саврадымыха пидгудетця, спочынемо.

Дивчата.

Оце вже й край? А нуте, дидусю, инчу!

Тетяна.

Та й ця добра!

Настя (*пидбига до Явдокыма*).

Ще, дидусю, цїен!

Явдокымъ.

Лыбонь, Настя Бакаляривна?

Настя.

Та я жъ вона и е! А вы не добренькы, почалы вже нашу госпуду обмынаты?

Явдокымъ.

Не обмынаю, а не вчащаю!

Настя.

А я ждала, ждала васъ и такъ вже скучыла за вашымы думамы!.. Може я у чимъ не догодыла вамъ, чы татко чымъ не вдоволенылы, чы ненька?..

Явдокымъ.

Ни, я всемъ задоволенный, але треба, голубко, такъ роботы: де люблять—не вчащаты, де не люблять—не буваты!

Настя.

Прыходьте до насъ сегодня полуднуваты.

Явдокымъ.

Спасыби, прышкандыбаю!

Настя.

Неодминно прыходьте!

Тетяна.

А до насъ вечеряты, я васъ медомъ напою!

Настя.

А я вареною!

Явдокымъ.

Спасыби Богови, що й на мою долю, лышылыся ще спасенни души.

Ой вы дивчата,

Рожеви квитчата,

Вы погорда отця-ненькы—

Моторни, гарненькы!..

Тетяна.

Заграйте, дидусю такои, щобъ я до схочу натаньцювалася!

Явдокымъ.

Наврядъ чы выиграю вже до схочу. думка гра, а рука шкундыля! Теперь

вже дидусь, якъ та цыганська шкапа, що донь бижить, а три дни лежить!.. А ты, Насте, чы танцювала вже?

Настя.

Ни, ще не кортило!

Гаврыкъ.

Та ну-бо, Насте, потанцюй зо мною!

Настя (*глянула на Мыкыту*).

Якъ що зъ тобою, то й зъ тобою!..

Мыкыта (*у бикъ*).

Чы драгуе, чы навспряжки клыче мене у талець?

Гаврыкъ.

Ну жь, ставаймо!

Настя.

Може мене кортило зъ инчимъ потанцювати, ну, та колы вже ты прыльпаешъ...

Гаврыкъ.

Зъ кымъ же инчимъ?

Настя.

Зролу-вику не дочухаеся! (*Глянула на Мыкыту*).

Гаврыкъ.

Отъ ненавяду, якъ хто почне загадками балакаты.

Настя.

А я до такой балачки найохоча!

Гаврыкъ.

А чы зугарна жь?

Настя.

Якъ на чый розумъ и на чый хысть!

Гаврыкъ.

Не несесь пидъ хмары, а частищъ дывысь пидъ ноги.

Настя.

Що? Це ты вже сылкуеся вхопыты мене на зубокъ, ой не вгрызешъ!

Гаврыкъ.

Насталымо зуба, якъ треба буде!

Настя.

Не знайдешъ такого коваля.

Гаврыкъ.

Овъ!

Явдокымъ.

Отъ тоби, Гаврыку, вже й осивъ, а то черезъ те, що зразу пишовъ зъ копыта.

Гаврыкъ.

Та Настя сегодня щось дуже пышаеця та малюеця!

Настя.

Не передъ тобою!

Гаврыкъ.

Передъ кымъ жё?

Настя.

Хиба ты мени увесь свить заступывъ?

Тетяна.

Та ну вже танцюйте, або давайте другимъ простору. И завжды Гаврыкъ зъ Настею, якъ кишка зъ собакою!

Гаврыкъ.

Сегодня, Насте, ты мене не перетанцюешъ.

Настя.

Не хвалысь згынаючысь, а хвалысь выпрямляючысь.

Гаврыкъ.

Я гнучкый.

Настя.

А мене зъ проста не зигнешъ.

Явдокымъ.

Та й козырь же дивка! Що промове слово, то все круглиць. Та хочъ бы тоби, хочъ разъ спорснула!

Гаврыкъ.

Ну-жъ музыки, тнить на пропале!

Явдокымъ.

Якои жъ?

Вси.

Догравайте Саврадыма!

Настя.

Якои грайте, то грайте швыдчъ, бо скоро вже скажу: не хочу!

Явдокымъ (*регоче*).

Зъ выбрыкомъ дивка!

Тетяна.

Насте! Проведы Гаврыка, разивъ зо тры навкругы выхылясомъ, нехай выбье тропака, а потимъ въ перебий дрибушечкы зъ вывыхомъ.

Настя.

Знаю, не вчы!

Гаврыкъ.

Розстунитесь абы яки, нехай погуляють онъ яки!

Тетяна.

Насте, почны хрущыкомъ зъ пидъ закаблука.

Явдокымъ (*гра, Настя и Гаврыкъ танцюють*).

Въ Саврадыма у двори
Доцова калюжа,
Ой розсердылася
Та жона на мужа!

Мыкыта.

Поплывла Настя, якъ вута по тыховоду и не схыбнетця!

Явдокымъ (*спива*).

Якъ розсердылася
Та й розгнivalася,
Якъ полизла на пичъ
Розманижылася!

Мыкыта (*сплеснувъ руками*).

Мій Боже, що то за краса!

Явдокымъ (*спива*).

Ой устань, моя мыла,
Прынишь гарнець меду,
Цуръ тоби, Саврадыме,
Головки не звезду!

Тетяна (*до Семена*).

Чы ты бачышь, що зъ Мыкытою конця?

Семень.

Настю пасе очыма, якъ вовкъ ягня!

Явдокымъ.

Ой устань, моя мыла,
Попарывъ дубыну,
Не товстую не тонкую
Та на твою спыну!

Семень (*весь часъ балакавъ зъ Тетяною тыхо*).

Онъ воно що! Не годылося бъ їй драгуваты парубка. Чы винъ же їй ривня?

Тетяна.

Така вже у неи натура. А Гаврыковн хйба не задурыла паморокы?

Явдокымъ.

Схопылася мыла
Та якъ не лежала,
Та й обняла Саврадыма
Та й поцилувала!

Гаврыкъ.

Дрибнищъ, дрибнищъ музыка!

Явдокымъ.

Ой, дай тоби Боже,
Спасеня зъ неба,
Що ты, сердце, догадася,
Чого мени треба!

Гаврыкъ (*крычить*).

Дрибнищъ, дрибнищъ музыка, ось якъ
у насъ!

Настя (*зупынялетця*).

Не хочу бильшь зъ тобою!

Вси (*здывованно*).

Перетанцювавъ, перетанцювавъ Гав-
рыкъ!

Настя.

Соби жъ на лыхо.

Гаврыкъ (*ставъ и музыка зупы-
нылась*).

Чого жъ-то такъ?

Настя.

Я не люблю розжовуваты. (*Глянула
на Мыкыту*). Думаешъ, втомылась?

Гаврыкъ.

Скажешъ: ни?

Настя.

Мени сегодня зкортило даты тоби пе-
ремогу. Не вирышь? А мени байдужи-
сенько!

Мыкыта (*хутко пидійшовъ до му-
зыки*).

Грайте, на останнего! (*Выйма гро-
ши и кыда музыкамъ*). Насте, ходимъ
зо мною у танецъ!

Настя (*озырнулась навколо, ныбы
хотила йты зъ Мыкытою у та-
нець, потимж видсагнулась видъ него*).

Що? зъ тобою у танецъ? Ха-ха-ха!
Видчепься, пройдьсвите!

Мыкыта (*звоннывъ*).

Насте!

Настя (*регоче*).

Хиба тоби наймычокъ не стало?
(*Одвернула регочучы*).

Мыкыта (*зкытивъ*).

Згадаешъ же ты мене, Бакаляривно!
(*Хутко пишовъ зъ хаты*).

Тетяна (*пидбига до Настя*).

Бачыла, якъ у Мыкыты неначе ажъ
искры сыпонулы зъ очей?!..

Настя.

А мени що? Байдужисенько! (*Регоче*).

Семень.

А ну, Тетяно, гайда ще зо мною у
танецъ!

Тетяна.

Вытрушуй мерщій таляры та дукаты.

Семень.

Танцюватимешъ и на шелягы.

Настя (*у бикъ*).

„Згадаешъ, каже, мене!..“ Не знала
кого згадувати!..

Я в а 5 - а.

Ти жъ, Бова, Деркачъ, Худолій, по-
тимъ Хома и останни.

Бова.

Бодай Тymoша пятамы до горы вы-
вернуло!

Вси хатни.

Невже не зборовъ?

Бова.

Зъ одного маху опынввся на споди.

Гаврыкъ (*у бикъ*).

Колыбъ мене черга не спобигла боротысь зъ тимъ бугаємъ!.. (*Хутко пишовъ*).

Деркачъ.

Оттакои славонькы зажылы!

Худолій.

Вернить мени мои молоди лита!

Бова.

Нечуване лыхо, негаданный соромъ! Ой, утнить мени мерщій чупрыну! (*Падае на стилъ, его де-хто обступае*).

Настя.

Пиду до дому! (*Иде*).

Тетяна.

Куды ты?

Настя.

А, видсахнысь видъ мене!.. (*Хутко пишла*).

Тетяна.

Чы не шкода вже Мыкыты? (*Пишла*).

Худолій (*до Бовы*).

Годи-бо тоби, Свырыде, хлыпаты, ну й чого патёкы розпустывъ?

Я в а б - а.

Ти жъ и Бакаляръ.

Бакаляръ.

А що тутъ за оказія?

Бова.

Ой, Гаврыле, друже, соромъ жене мене зъ свита!

Бакаляръ.

Инчому соромъ болячишь болячкы.

Бова.

Скылкай, друже, задалегидь по мойй души на панахыду, не хочу жыты!

Хома (*входе*).

Щожъ, выстачайте ще борця, такого жъ якъ и Тымишь молодця, або гиршого!

Бакаляръ (*глянувъ на Хому*).

Онъ у чимъ ричъ! Та й бравый же нетяжыще. То це бъ-то нема вже про межъ нашою молодечою такого, щобъ нагнавъ борцеви зашпаривъ?

Хома.

Бувъ та скысь! (*Регочучы налива соби меду*).

Де-хто.

А де жъ Гаврыкъ? Винъ охотывся?

Деркачъ.

Панове! Борець насъ зневажа: пье нашъ медъ и не каже доброго здоровьячка!

Худолій.

Гаврыле, де мои молоди лита?

Бова (*схопывся*).

Стійте! Маю борця!

Вси.

Де жъ винъ? Хто винъ?

Бова (*до Хомы*).

Ну, чванлывый гындыче, ображавъ ты насъ у волю, зальемо жъ и мы тоби за шкуру вышкваркивъ! Ось яка умова. Колы мій борець подужа цего харцыза, то утнемо ему одного вуса по самисеньку губу!

Хома.

Дорогий закладъ, варта й головы.
Але згода! Якъ же осылю я, то й твоя чупрына хай спаде зъ головы.

Бова.

Самъ безъ примусу пиду за высокий муръ, на чернечу харчъ... Давайте заразъ сюды Мыкыту-сиру свыту!

Де-хто.

А й справди! Де Мыкыта? Той, лыбонь, подужа? Де Мыкыта?

Други.

На просторъ, скоричъ на просторъ!

Бова.

Мыкыто, де ты?

Грыцько.

Я заразъ збигаю по него! (*Побигъ*).

Бакаляръ.

Якъ що Мыкыта подужа борця, я подарую ему всю зброю до коня!

Деркачъ.

А я дви жмени грошей срибныхъ!

Худолій.

А я... А що я подарую? У мене е шабля, та шкода—поламана!

Бова.

А я коня подарую, якъ змя!

Бакаляръ.

То попереду почастуємося жъ. Жыде, меду!

Деркачъ.

Почастуватись найголивнице дило!

Я ва 8-а.

Ти жъ и Грыць.

Грыць (*вбига*).

Нема Мыкыты!

Вси.

А де жъ винъ?

Грыць.

Мабуть чы не пишовъ у байбузы?

Бакаляръ.

То видкынемо боротьбу до завтрего, а тымъ часомъ, по стародавнему звычайу, мусымо частуваты и голуваты борця, докы не завдамо ему чосу. Почнемо жъ гульню зъ мои господы!

Я ва 9-а.

Ти жъ и Худоліха.

Худоліха.

Бувайте здорови, зъ празныкамы! (*До Худолія*). Це такъ пишовъ у лугъ за киньмы, щобъ іхаты на торгъ?

Худолій.

Ты жъ зпершу розжуй, яке тутъ дило, а потимъ вже и урекай!

Деркачъ.

Кумасю, це мы справляемо громадську покуту!

Худоліха.

Яку тамъ покуту?

Худолій.

А таку, що хочешъ-не хочешъ, а пий!

Бова.

Кумасю, Худоліхо! Сегодня я вже у останне гуляю, а завтра може утнуть мени чупрыну по самисеньку макивку!

Худолінха.

Це мы вже не разъ чулы. (*Бова
підносе їй кухоль*). Бодай же вы кри-
ви гарячою напылыся! (*Пшшла*).

Худолій.

Кобыла зъ воза, на бабу лехче!

Бова.

Явдокыме, затынай голоснои, та шпар-
кои! Гаврыле, беры Хому за руку та
й веды передь!

Явдокымъ (*гра и приспівує, вси
приспівують и прытаньцєвують*).

Якъ посіявъ мужыкъ та й у поли ячмынь,
Мужыкъ каже: „ячмынь“. Жинка каже:
„гречка!“

Не мовъ мени не словечка,
Нехай буде гречка!

Якъ посіявъ мужыкъ та й у поли просо,
Мужыкъ каже: „просо“. Жинка каже:
„гречка“.

Не мовъ мени не словечка...
И т. д.

Зависа.

Д і я 2 - а.

*Выгнз. Вг глыбыни Бакалярова будивля, велькый будынокъ, стани, коморы,
повиткы, тикъ, клуня, садъ, а дали лисъ.*

Ява 1-а.

Настя (*входе зъ саду*).

По садочку похожаю,
Сама себе розважаю,
Куды гляну подивлюся,
Слизонькамы обильюся!..

Думкы душу обхопылы,
Тяжкимъ смуткомъ оповылы,
Серце скиглыть, замирає,
Зъ жалю, зъ тугы умливає!

Ой, хто жъ мене розговоре,
У раптовимъ моимъ гори?..
Не розважуть чужи люды,
Хто бъ розважывъ—не прыбуде!..

Ява 2-а.

Настя и Лепестына.

Лепестына (*надходе*).

Чы не дывына! Чого спиваешъ таком
сумной? у перше чую!.. Що це зъ тобою?

Настя.

То не я, Лепетю, то само серце!..
Одлынулы раптомъ видъ мене вси весе-

лощи, тяжкый смутокъ обгорнувъ... Не
можу соби ни рады даты, ни порады; роз-
бурхалыся думкы, мовъ хвыля на мори:
клекотять и стогнуть, лютують, мутять
розумъ и мордують серце!..

Лепестына.

Оттакои!.. Що це ты выгадуешъ? Чы
не пидвій це, або пристрити?..

Настя.

Не мовъ щось мене заморочыло, не
мовъ зачарувало!.. Охъ, пожалыся жъ
Боженьку, на мій викъ молоденькый!
Чы не збожевила я, чы не опалила?..
Не втямлю ничого!.. Мовъ блискавкою
заспыло мени розумъ, пожежою поняло
серце!

Лепестына.

Ничого не розберу, що ты кажешъ!..

Настя.

Чы ты кохала колы небудь, Лепетю?

Лепестына.

Може й теперь кохаю. Та що зъ того?

Настя.

Стережыся жъ, щобъ винъ не образывъ тебе зневажливымъ словомъ; не доводь его до скрухы, щобъ не дойнявъ тебе докирливымъ та гострымъ поглядомъ... Бо стане той докиръ тоби передъ очыма марю, поглядъ той впищеться въ твои очи и боляче колотыме и ризатыме ихъ!.. Скильки не одвертатимешъ своего погляду видъ его погляду—не одвернешъ!.. Бачытимешъ скрызъ тильки его одного, чутымышъ тильки его голосъ, котрый цвяшкомъ вбыватыме въ твое сердце докирливу промову: „згадаешъ ты мене?..“ Розумиешъ, серденько?

Лепестына (*у бикъ*).

Мени страшно слухаты и! Чы не стерялася? Колыбъ хочъ швидчъ баба Морозыха прыйшла?..

Настя.

Никола не гнивы его и никола не ображай! А образышь, жалкуватимешъ такъ, що й жалю не зупынышь!..

Я в а 3-я.

Ти жъ и Морозыха.

Морозыха.

Ажъ ось де ты?

Настя (*полохливо*).

Хто се?

Морозыха.

Чого жажнулася, Господь зъ тобою! (*Показуе Лепестыни щобъ та ишла соби*).

Лепестына (*на бикъ*).

Мабуть и справди стерялася вона? (*Ишла*).

Настя.

Ой, бабусенько, голубонько, сердце мое, ненько, лышенько жъ мене спиткало!.. Рятуй же мене зозуленько, рятуй!..

Морозыха.

Колыбъ лыхо не по людяхъ ходыло, чы спиткало бъ и тебе? А такъ вже. де люды, тамъ и лыхо; а де сердце, тамъ и жаль!.. Дай гляну тоби въ очыци. (*Дывитьця*). Пристрить, та ще й не абы якый, а зъ зазихомъ!.. Де краса—тамъ и зазихъ, а кого жъ и зазихаты, якъ не тебе?.. Та не буты ему довго въ тоби, выжену и зацрау!.. Хто жъ тебе зазихнувъ?

Настя.

Ой не знаю, бабусенько, не знаю!

Морозыха.

А я вже знаю и добре бачу! Кажы мени все, якъ на духу, все, про вищо пытатому. Де була сегодня, кого бачыла, зъ кымъ розмовляла, зъ кымъ жартувала и кого дратувала?

Настя.

Бавылась у оранди, на музыкахъ... Розмовляла зъ тымы, хто до мене промовлявъ.

Морозыха.

До одного облеслыво промовляла, а другому зневажлыво одмовляла?

Настя (*зъ жажомъ*).

Ой, хто жъ це вамъ таке переказавъ?

Морозыха.

Нихто, сама все бачу де що контыця! Не гордуй тимъ що у латахъ, а гордуй тимъ що у шатахъ, бо цей и самъ погордуе, а той що въ латахъ пожалуетця Богови и Богъ покарае!

Настя.

Охъ, вынна я, вынна!.. Гришна!..

Морозыха.

Бачышь!

Настя.

Погордувала я надъ биднымъ, образыла безбатченка!

Морозыха.

Де батька немає, тамъ Богъ заступає. А який у него волосъ, русявий, чы биявий?

Настя.

Русявий, ажъ нибы чорный!

Морозыха.

Ой, зачепыла жъ ты соби клопоту, та ще й не малого. Видь биявого лехко видшепаты, видь русявого сякъ-такъ, а що вже видь чорнявого!..

Настя.

Ой, страховына!..

Морозыха.

До плачу тебе нахыля, чы до скрухы?

Настя.

Охъ! Лыбонь все плакала та й плакала бь, безъ краю!..

Морозыха.

Та слизь у очахъ нема?

Настя.

А ни слезынки!.. Не мовъ запеклыся бия сердца!..

Морозыха.

Забравъ ихъ, вси слезы забравъ чорнявий волосъ; вси слезы забравъ въ себе; якъ забера въ себе сонце ранню росу, оттакъ чорнявий волосъ забравъ въ себе вси твои слезы!.. Охъ, прыстрить та ще й безъ плаксывыць. А колыбъ плакала, то нибы легко бь тоби стало?

Настя.

Лыбонь, легче бь!

Морозыха.

Винъ, винъ це! Шкода, що мисяць теперь на ущери, бувъ бы молодыкъ, або на пидповни—шепотинне зразу пишло бь на корысть, та на здоровьячко!.. А теперь на ущери, то поморочся. Бия сердца не нудыть?

Настя.

Охъ, нудыть!

Морозыха.

Зверху, чы знызу?

Настя.

По всимъ!.. Не мовъ я отруты напылась.

Морозыха.

Отъ на яки очи наскочыла! Прямо гадючи очи, що пронызали наскризь, мовъ ныткою, розныжы теперь хто зугарень?

Настя.

Охъ, поворожы жъ мени швыдчъ, бабусенько!

Морозыха.

Добре вже наворожыла ты сама соби, а мени прыпада видворожуваты, та видшиптуваты.

Настя.

Що хочъ робы, тилькы рятуй мене! (*Полохлыво*). Глянь, бабусенько, ондечкы зъ отого стовба очи дывлятця, то его очи на мене дывлятця!.. Моимъ очамъ боляче, неначе ихъ хто вдавлює!.. Глянь, якъ искры сыплатця зъ его очей, бачышь, бачышь?.. (*Дрижыть*).

Морозыха.

Святъ, святъ, святъ!

Настя.

Винъ щось промовляє, ты чуешь? Спытай его, бабусенько, чого ему видь

мене треба? Чуешъ, каже: „згадаешъ ты мене, Насте!“ (*Затуляеця за бабу*).

Морозыха.

Ходимо мерщій у хату! Зазихъ и пристрити! (*Шепче*). Зазихъ, зазихъ, иды на волю, та й розмайся по полю! Тутъ тобі не ходыты, червонои кривы не пыты, жовтои кости не сушыты. Тьфу, тьфу, тьфу! (*Повела Настю у будынокъ*).

Я в а 4-а.

Мыкыта и Тымишъ (*сходятця*).

Мыкыта.

Хто на шляху?

Тымишъ.

Мыкыта?

Мыкыта.

Тымоше, ты куды?

Тымишъ.

Туды, де одвага медь пье, де нема видъ кого очей ховаты!

Мыкыта.

Однымъ бы-то шляхомъ зо мною?

Тымишъ.

Хиба?! (*Здывованно*).

Мыкыта.

По воли, чы по не воли?

Тымишъ.

Хиба ты не чувъ?

Мыкыта.

Про вищо?

Тымишъ.

Осоромывся у боротьби!

Мыкыта.

Та не вже?

Тымишъ.

Я боровся на сылу, а винъ на хватку и жбурнувъ мене якъ мнячъ! А ты чога втикаешъ?

Мыкыта.

Ни сыла, ни хватка мене не осыла, а образа... Втикаю видъ самого себе!.. (*Зитхае*).

Тымишъ.

Стало быть, тому правда, що я чувъ? Дай твою руку! Хочешъ буты побратымомъ?

Мыкыта.

Чога серцеви бильшъ и треба, якъ не сердца? (*Дае руку*).

Тымишъ.

Щырысть на вики?

Мыкыта.

До загыну!

Тымишъ.

Нехай же той зъ насъ, котрый першый зречется слова, першый и головою накладе!

Мыкыта.

Нехай! (*Миняютця хрестамы*).

Тымишъ.

Ты и не прыоруженый? На! (*Дае пистолю*). Шкода, що мы обое пиши, не товариши мы киннымъ!

Мыкыта.

Та що жъ робыть?

Тымишъ.

Стрывай, побратыме, будемо обое киннымы. Пожды мене, я заразъ! На горби пасетця батькивъ косякъ! (*Хутко тишовъ*).

Мыкыта (*самъ*).

Просты мене, моя матинько безталанная, моя страдныце не втишная, що не

поблагословившысь, крадькома, мовъ хыжый звирь, я покыдаю тебе. Куды йду и самъ гараздъ не знаю!.. О, колыбъ я змигъ втекты видь самого себе, видь тихъ лыхихъ замиривъ, котри гнитять и мордюють мое серце!.. Все, що дала ты мени, моя нене, моя страднице, все я зъ собою забираю, лышаю тоби тилькы безкрае горе, та незупынни слезы!.. (*Бере грудку земли и привъязуе до хреста*).

Я в а 5 - а.

Мыкыта и Оксюта.

Оксюта.

Насылу тебе догнала!

Мыкыта (*зъ жахомъ*).

Сестра, Оксюта! (*На бикъ*). Постерегла?..

Оксюта.

Куды це ты вырядывся? Вернысь мерщій до дому, бо матуся голосять, ажъ до земли прыпадають. Воны довидальсь, що ты хочешъ змандруваты?.. Вернысь!..

Мыкыта.

Ни, не вернусь!

Оксюта.

Колы не вернесся, матуся зъ роспуку сковають.

Мыкыта.

Нехай Богъ ии прыймае!..

Оксюта.

Ой, такъ страшне говорышь! Схаменысь!..

Мыкыта.

Иды, Оксюто, до дому и не гай даремно часу, не умовышь ты мене!

Оксюта.

Та що це зъ тобою почынылося?

Мыкыта.

Перекажи нашій матинци безталанній, що уклоняюсь иї до сырой землицы, благаючи благословення на вичне розлученне; одынъ тилькы шляхъ мени зостався и не зверну я зъ него, докы не здобуду скарбивъ и роскошивъ!.. А злыднивъ бильше я не хочу, чуешъ: не хочу?

Оксюта.

Ой, що жъ це ты забравъ соби у голову? Булы мы щаслыви и тимъ, що малы, а це раптомъ...

Мыкыта.

„Булы щаслыви?“ Ни, то такъ здавалося. Бачышь отой будынокъ, чый винъ?

Оксюта.

Чый же, якъ не Бакаляривъ?

Мыкыта.

Багатый Бакаляръ, багато у него срибла-злота?

Оксюта.

Нехай воно ему й буде!

Мыкыта.

Багата Настя Бакаляривна?

Оксюта.

Цуръ ихъ роскошамъ и тому сриблужлота!

Мыкыта.

Не кажы такъ, не цурай, бо пидъ срибломъ-злотомъ, на самисенькимъ споди, лежить людське щасте!

Оксюта.

Такыхъ речей я видь тебе не чула николы!..

Мыкыта.

Тамъ щасте, тамъ воно, тамъ!.. Горда Настя Бакаляривна?.. Погордувала? И я нею погордую!..

Оксюта.

Щось таке кажешъ, що й не розберу!

Мыкыта.

Не спатыме ненька, цилисеньку ничъ плакатыме-проквылятыме,—знаю; до билон зори край виконця сидитыме, дождаючи мене, очей не заплющитъ,—не высуше,—чую серцемъ; сподиватыметця, що вчуе мій голосокъ, мою ходу,—даремна сподиванка!..

Оксюта.

Не пустуй такымы речамы, легко хиба ихъ слухаты? Схаменысь-бо!

Мыкыта.

О! Скорищъ нагнешъ до долу верхивья высоченного дуба, нижъ звернешъ мене зъ цего шляху; скорищъ загасышь свить ясної зирки, нижъ задмухнешъ пожежу у моему серцеви!.. Годи! Мовчы, мовчы!.. Скажешъ ще докирлыве слово и сердце мое розирветця!.. (*Ухопивъ себе за голову*). Иды, иды видъ мене мерщій!..

Оксюта (*у бикъ*).

Що це зъ нымъ почынылось? Побижу мерщій по матирь! (*Побигла*).

Мыкыта (*самъ спива*).

Степъ широкий, степъ привольный,
Ты краю мій ридный,
Вси багати, вси щаслыви, } 2
А я тилькы бидный! } раза.

Ой порадь же мене ридный,
Ты краю широкий,
Ой якъ же я скоротаю, } 2
Викъ свій одынокый! } раза.

Ой пиду я свить за очы,
Въ сторону чужую,
Чы не вздрину не спогляну, } 2
Долю мою злую! } раза.

Прощай Бакаляривъ будынку, великый та просторый!.. Тамъ горда Настя пышаеця,

якъ полева квитка, своєю не зривнянною красою, своєю русою косою! Пышайся, Бакаляривно, докы твоя черга... Охъ, Насте, Насте! Насміялась ты привселюдно нади мною и зневажыла,—за вищо? За те, що я въ сирій свити, що я безбатченко?.. А чы у мене нема сердца, нема души? Не подарую тобі цего, Бакаляривно, до суду—до вику не подарую!.. Чы довгого заходу треба, щобъ отой будынокъ зъ коморами и стаями, зъ худобою и skarбамы, обернуты у попилъ? Одна ничемна искра и все господарство, мовъ выхремъ знесе! Але я не зроблю того! На таку помсту зугаренъ коженъ злодій, коженъ дурень!.. Инчой помсты жада душа моя! Запалыты не будивлю, а душу Бакаляривныну, якъ вона запалыла мою!..

Я в а 6 - а.

Мыкыта и Тымишь.

Мыкыта (*хутко входе*).

Побратыме, пора! Двое коней на прыпони копытамы землю збывають, насть чекаючы!

Мыкыта.

Вже?! Прощай матинко, прощай сестрыце! Сподивайся жъ мене, Насте! (*Хутко пишы*).

Я в а 7 - а.

Бакаляръ, Бова, Худолій, Дерначъ, Худоліиха, Явдокымъ, Деркачыха и народъ идучы спивають.

Розлылыся крути бережечкы,
Гей-гей, по роздолли,
Пожурылыся славни козаченьки,
Гей-гей, у неволи!
Гей вы, хлопци, вы добри молодци,
Гей-гей, не журитесь,
Посидлайте кони вороны,
Гей-гей, садовитесь!

Бова.

Стійте! Ця надто сумна, не хочу сьогодні такої, а завтра я може видамся Богови, тоди й заспиваєте мени ще сумнищою. Ой, пиднесить же мени корець меду, бо я вже плачу! Кобзарю, шкребы чеберячки, та ще й зъ прымовкою, та колыбъ ще й зъ скоромною... Затынай мерщій, щобъ зрадливый витерь не почувъ, якъ я плачу, та щобъ не рознисть тієї неславы по шырокому свитови!.. (*Пве*).

Бакаляръ.

Таньцюй, друже, докы ноги носять!

Бова.

И таньцюватиму. Шкребы жъ, кобзарю, бо я вже розходывся и ноги задриботили! (*Танцюю*).

Явдокымъ (*грає, гуртъ прытаньцевує*).

Ой гоць, та помалу,
Якъ пошыла штаны зъ валу,
Якъ пошыла та й надила,
Кажуть люде, що до дила!

Ой гоць, навприсядки,
Потоптала вси высядки,
Ой гоць, та по троху,
Дотопчемось до гороху!..

(*Пишли у будынокъ*).

Я в а 8 - а.

Лепестына (*входе зъ будынку*).

Отъ ще бисяка надавъ! Тутъ музыка у двиръ, а тебе женуть зъ двору, бижи до бабы по зилле, та ще й приказують: „бижи прудчищъ!“ Хазяйска дочка заслабла, а челядонька видбувайся. Хотила хочъ у синяхъ потаньцювати, а тутъ тебе туряють... Колы то у друге диждемось музыкъ? (*Побигла*).

Я в а 9 - а.

Настя и Степаныда (*зъ хаты*).

Настя.

Душно у лижку, душно у хоромахъ!

Степаныда.

Доню, моя едынал! Настусе, квиточко! Скажи жъ, що зъ тобою почынылося?

Настя.

Не знаю... Повчалы вы мене, мамо, гордуваты неривнею, пышатыся достатками... Не на добро вы повчалы.

Степаныда.

Що таке? Дурочко! Я жъ тоби завжди приказувала: гордуй зъ розумомъ, пышайся зъ увагою?..

Настя.

Була бъ я убогою, може бъ теперъ щаслывою була!.. На що дороги шаты, роскишни палаты, колы нема серця, зъ серцемъ розмовляты?

Я в а 10 - а.

Ти жъ и Тетяна.

Тетяна (*прыспивує*).

Ой, була я, ненечко,
На торгу, на торгу,
Та й купыла, ненечко,
Запасчыну дорогу!

Кругомъ себе озырнуся—
Запасчына рясніе,
Куды окомъ подывлюся—
Парубоцтво ажъ мліе!

Ой була я, ненечко,
На торгу, на торгу,
Та й купыла, ненечко,
Соби стричку дорогу! и т. д.

Добрывечирь!

СТЕПАНЫДА.

Веселà ты, Тетяно, спасыби що забигла.

ТЕТЯНА.

А що це зъ Настею? Млява якась, змарнила,—видь чого це?

НАСТЯ.

Стысло мене за сердце, не мовь выдавлюе зъ него жытте!

СТЕПАНЫДА.

Розважь ии, Тетяно, а мени треба бия гостей попеклуватись. Ци гости, якъ той татарынь, зовсимь не въ чась!.. *(Пшла).*

ТЕТЯНА.

Насте, та невже жъ я догадуюсь?

НАСТЯ.

Певно.

ТЕТЯНА.

И це ты за нымъ такъ нудысса? Чы варта жъ?

НАСТЯ.

За кымъ? Я не розберу, про кого ты? Думаешъ, що Мыкыта що небудь?.. Байдужисенько! Та й зъ якои печали? Отъ, не знала бь за кымъ нудытись!.. Це тоби хто сказавъ, чы?.. Ондечкы... Мовчы! Бачышь, щось на шляху наблыжаецця?

ТЕТЯНА.

Щось двое! *(Отходять на бикъ).*

Я в а 11 - а.

Ти жъ, Марта и Оксюта.

МАРТА.

Де жъ винь, де?

ОКСЮТА.

Тутъ бувъ, теперь нема!

МАРТА.

То вже жъ и не вернетця, знаю его натуру! Сыну мій любый, сыну едыйный! Чы на те жъ я тебе повыла, чы на те жъ пестыла и доглядала, щобъ такъ раптомъ утеряти тебе? Чы на те жъ я тебе породыла, щобъ такъ несподиванно, не гаданно оплакаты? А хто жъ видкыкнетця теперь на мій покыккъ? Хто порадуе матырыне боляче сердце любою розмовою, веселою надиею, голосною писнею?.. Хто збудуе мени домовыну, хто посадить у головкахъ червону калыну?..

ОКСЮТА.

Годи, матусю, ходимо до дому. Тутъ побачуть чужи люде, ще поглузують надъ нашимъ горемъ! Може Мыкыта вже дома?..

МАРТА.

Ни, ни!.. Охъ, дай же мени у останній разъ прыпасть до его слидочку, окропыты той слидочокъ дрибными слизоньками, щобъ почувся винь моимъ жалемъ!.. *(Прыпада до земли).* Не клену тебе, мій одычкы, и не нарикаю!.. Колы забажалось здобути славы де-инде, здобувай соби ии! Политай, мій орленьку, по чыстому полю до схочу, та видвидай и свою неньку безталанну!.. А я жъ тебе ждатому, прыслухатымусь до буйного витру, чы не нанесе твого голосочку, пытатыму у орла-соколенька, чы не бачывъ тебе у чыстимъ поли—хочъ у ватази, хочъ у обози!.. *(Простяга впередъ руки нобы благословляе).* Нехай тебе захыстыть Господь и его Пречыста Маты! *(Рыдае).*

НАСТЯ.

Голосыть хтось? Хто то, прыдывысь?..

ТЕТЯНА *(прыдывляецця).*

То Марта. Мыкытына маты.

НАСТЯ.

Марта? Чого вона голосыть?

МАРТА (*рыдаючи*).

Вернися, вернися жь, мій сыночку,
хочь на хвыльничку!

НАСТЯ.

Чуешь, вона клыче Мыкыту?

ТЕТЯНА.

Винь же змандрувавь.

НАСТЯ.

Змандрувавь?!

МАРТА.

Вернись, дай хочь въ останне на-
двляюся на тебе, оплачу тебе!..

НАСТЯ (*порывається*).

Марто, Марто! Не наклеяй лыха на мою
голову, я й такь мучусь!..

ТЕТЯНА.

Опамьятайся, Насте!

НАСТЯ (*рыдаючи прыпада до Тетяны*).

То жь на мою голову вона квылыть!..
На мою безщасну голивоньку наклеяе
лыхо!..

МАРТА.

Охь, сыночку мій, одинчыку!.. (*Плаче*).

З а в и с а.

Д і я 3-я.

*Бакаляривъ будынокъ. Велька кимната, вбрана кылымамы и зброєю; стилъ
накрытый кылымомъ; дзыглыкы, канаткы, верцадло, на стинахъ малюнкы.*

Я в а 1-а.

Тыхонь и Лепестына.

(*Тыхонъ спыть на канатци*).

ЛЕПЕСТЫНА (*сидячы передь верцад-
ломъ, начитлюе на себе сережки,
намысто и всякы прыкрасы*).

Оци сережки я прыстала бь тилькы
у празныкъ и носыты; а Настуся, надивала
ихъ що-дня. Здаеця, добре тому жыты,
хто у достаткахъ та въ роскошахъ? А оть
Настуся и въ достаткахъ, а помирае; а
може вже бидна и померла тамъ, у Києви?
Якъ що померла?.. (*Шрыслушаетця*).
Зновь Тыхонь захрипъ и колы винь
выспытця?.. Якъ уберуся оце зновь у
Настусыну каратчату плаху, та якъ пиду
до оранды— вси хлопци тилькы до мене
и лыцятмутця. Певно наши хазяинны,
якъ що Настуся померла вже, подарують
мени всю ин одежу и убранне, бо рид-

ни у нихъ туть ниякои нема? Повезлы
Настусю у Києвь видмолебствуваты. Якъ
що вона ще жыва, та мае оттакь мучы-
тись, то краще бь швыдць померла,
а то ажь жаль на неи дывытись!.. (*Спи-
ва манижучись передь верцадломъ*).

Чомь ты мене, моя маты,

Рано не збудыла,

Ой, якъ тая чумачына

Зь села выходыла!

} 2 раза.

Тымь я тебе, моя доню,

Рано не збудыла,

Пишовь мылый попереду,

Щобь ты не тужыла!

Якъ уберуся у Настыну одежу, то на-
врядь чы й знайдетця навколо краца та
бадернища видь мене! (*Спива*).

Ты думаешь, моя маты,

Що я не журюся,

Ой, якъ выйду за ворота—

Видь витру валюся!

} 2 раза.

Вдвляюся я оце въ себе у верцадлычко и
конче запевняюся, черезь що хлопци, що

разу моргають на мене!.. На кого жь другого имъ и моргаты? (*Снива*).

Ты думаешь, моя маты,
Що я и не плачу,
За дрибными слизоньками
Я свита не бачу!

Пида, та пошукай кращои видь мене!
А яке блескуче намисто, мабутъ, и не дешево! (*Снива*).

Купы мени, моя маты,
Зъ три копы шовку,
За чотыри золотіи.....

(*Ненарокомъ глянула у вишко*). Ой, ненько! Це жь наши хазяинны ідутъ?.. Авжежъ вони! И кони наши и визокъ... Отъ тоби и зибралась до оранды! (*Скыда убранне та хова у шахву та столы*). А цей хропе! Чуешь, лобуряко, вставай! Вставай-бо мерщій, хазяинны приехали!

Тыхонъ (*крызь сонъ*).

Не обдурой, бо такъ и заїду по мармызи!

Лепестына.

Прочумайся-бо, скажений, сатано, су-пысе!.. Отъ бевзъ проклятуый, хропе такы!.. Чы чуешь, господари приехали!

Тыхонъ.

Ой, додратуешься ты сегодня!..

Лепестына.

Сказывся парубокъ! Чуешь-бо, у двиръ вже заїздать!

Тыхонъ.

Заїду я тебе по тварюци, такъ заїду, ажъ симъ тысячъ свичокъ блысоне у очахъ?

Бакаляръ (*за дверыма*).

А корогву и ставныка, нехай Тыхонъ заразъ однесе у церкву, до тытаря!.. (*Входе*).

Ява 2-а.

Ти жь и Бакаляръ.

Бакаляръ.

Чого це вы сюды забралысь?

Тыхонъ (*цилуе ему руку*).

Та тутъ треба було цвяшка знайти... Тамъ поламалася...

Бакаляръ.

Чы не поламалось у тебе яке ребро, видь перелогивъ? Хто то валявся на канапци?

Тыхонъ.

Вже й валявся!

Лепестына (*поправля на канапци кылыма*).

Та то кылымъ самъ зсунувся!

Бакаляръ.

Насоваты бъ вамъ обомъ стусанивъ пидъ боки... Геть зъ очей! (*Тыхонъ и Лепестына хутко пишлы*). Не вспіешъ видмолыты старыхъ грихивъ, якъ вже новыхъ набересся по самисенького коми-ра!.. (*Роздягається*).

Ява 3-я.

Тыхонъ (*вносе покупки*).

Куды це все постановыты?

Бакаляръ.

То зъ восковыми свичками, та зъ оливою. Постановы до завтрего ось сюды, у кутокъ. Ачъ, мордяка розбрыкла, видь баглаивъ!

Тыхонъ.

Якъ разъ розбрыкла! Було мени колы й спочыты? У мене може печинкы розбрыклы, видъ тяжкон праці...

Бакаляръ.

О, певно працювавъ, лежучи до горы черева? Капусту, що дня поливали?

Тыхонъ.

А якъ же?

Бакаляръ.

А чому жъ сегодня не полилы?

Тыхонъ.

Га? сегодня?... Сегодня не було часу,—то за тымъ, то за сымъ...

Бакаляръ.

А бурякы пропололы?

Тыхонъ.

Не вси ще.

Бакаляръ.

Хиба жъ ихъ такъ багато?

Тыхонъ.

Хочъ и не багато... такъ... то за тымъ, то за сымъ.

Бакаляръ.

А ясенкы та кленкы, що передъ ганкомъ посажени—геть поохлы, мабуть, ни разу не поливани? Певно те жъ, то за тымъ, то за сымъ?

Я в а 4 - а.

Степаныда и Лепестына ведутъ пидъ пахвы Настю, Тыхонъ прокрадаецця зъ хаты.

Бакаляръ.

Отъ, донечко, дякувати Господеви, мы й до дому прыехали.

Настя (*тыхо*).

Слава Богу, слава Богу... (*Садовлять ии на канатку*).

Степаныда.

Питы роздягтысь! (*Пшшла*).

Бакаляръ.

Чого жъ такъ журно очыцями поводишь? Всю дорогу тилькы й бажала, колыбъ швидчъ до дому...

Настя.

Жарота... Умливала въ дорози, зовсимъ знесылылась... Тяжко мени дывытыся, що вы такъ багато били мене пеклуецесь.

Бакаляръ.

А били кого жъ намъ и пеклуватись? Одна ты у насъ.

Настя.

Та й та не людськє.

Бакаляръ.

Вси мы въ Божій воли. Дастъ Господь, одужаешь, и пустельныкъ казавъ, що одужаешь, и все пиде на добре здоровля.

Настя.

Подавъ хочъ манійну надію, нею й жыву. Щобъ то було за жытте, безъ надін на Боже мылосерде?

Я в а 5 - а.

Ти жъ и Тетяна.

Тетяна (*вбига*).

Прыехала, живисенька? (*Цилуе Настю*). А тутъ такого наплелы!

Настя.

Поховалы вже мене?

Тетяна.

Не то що, а... (*До Бакаляра*). Выбачайте, я васъ и не привитала! (*Плачлетця*).

Бакаляръ.

Спасыби, Тетяно! Якъ же вы тутъ, чы вси живи, здорови?

Тетяна.

Пожываемъ не тужучы, сподиваемось на краще.

Бакаляръ.

Розмовляйте соби, а я пиду спогляну на хазайство, бо безъ хазяина и товаръ плаче! (*Пшоев*).

Настя.

Хотила вмерты у Кыиви,—не сподобылась.

Тетяна.

Богъ зъ тобою, хйба такъ жытте обрыдло?

Настя (*помовчавшы*).

Важко жыты. И нема чымъ... Що жъ у васъ тутъ?

Тетяна.

Що жъ у насъ? Якъ було позавчора и вчора, такъ и сегодня; и завтра певно такъ буде,—стоимо на однимъ мисцеви, якъ вода у плеси, ось-ось вже й плиснивити почнемо. Розскажи, що ты тамъ бачыла у Кыиви, о то цикаво?

Настя.

Скризь бачыла, тилькы свою недолю... Вдывляючысь на щаслывыхъ, почувала себе ще нещаслывшою... Сама я провныла, сама й мушу спокутуваты свою провynu.

Тетяна.

У чимъ ты провныла? Я зовсимъ не вбачаю ниякои провны! Мало надъ кымъ не трапляетця поглузоваты?

Настя.

Вынна я, вынна!.. Чымъ бильшь вдумуюсь, тимъ бильшь впевняюсь у свой

провны!.. (*Помовчала*). Якъ я хотила зостатысь у Хроливскимъ, вже и игумени сказала про те, але жъ татко якъ почалы благаты, мамка якъ почалы плакаты... И на вищо я имъ? И заразь мене, Таню, маныть чернече жытте. Тамъ, у тій тыши, людына мусыть почуваты себе блыжчою до Бога...

Тетяна (*задала щось*).

Стрывай! Я й забула сказаты, у насъ е такы новына, та ще й не абы-яка!..

Я в а 6 - а.

Ти жъ и Гаврыкъ.

Гаврыкъ.

Здорова була, Настусе! Насылу Богъ прынисъ до дому. Якъ же тебе Господь мылуе?

Настя (*нелюбязно*).

Якъ бачышь... Чыймысь молитвамы волочу ще жытте—никому не потрибне...

Гаврыкъ.

Бо е тутъ таки, що онъ якъ щиро молылся за тебе, щобъ Господь продовжыть тоби вику и оздоровыть!

Настя.

Я, Гаврыку, ледве дыхаю, втомылась въ дорози, не до розмовы мени... Пробачъ! Не въ часъ провидавъ ты мене... Завтра!..

Гаврыкъ.

Якъ зачувъ, що ты прыехала,—не змигъ собою володиты, щобъ заразь не провидаты.

Настя.

Я вдячна... Тилькы сегодня мы не розбалакаемось... знесыленна, я, зовсимъ немощна... Трудно мени.

Гаврыкъ (*зитає*).

Якъ тяжко мени бачыты тебе такою!

Настя.

Я мушу заразы прылягты, чы не полехша мени? Завтра може й покраца!..

Гаврыкъ.

Ну, бувай здорова, очунюй швыдць. Завтра я прыбжу якъ свить!

Настя.

Чого жъ такъ? Хиба тоби ничего робыть?

Гаврыкъ.

Хочь навидаюсь, та спытаюсь про тебе?

Настя.

Рано не прыходь... иды соби!..

Гаврыкъ.

Ну, прощайте! (*У бикъ*). Якъ зъ хреста знята!.. (*Пишовъ*).

Тетяна.

Бачыла, якъ очи его сповнылись слизьмы? Боже, якъ винь тебе кохає!..

Настя.

Може... Ты про вищось почала розсказуваты.

Тетяна.

Такъ винь за тобою свитомъ нудыть, що й Господы!

Настя.

Правдыво спиваетця:

Той мене пече, риже,

Що не люблю—въ вичи лизе!..

Тетяна.

Невже винь тоби и не на думци?

Настя.

Годи про него!.. Ты почала розсказувать про якусь новыну?

Тетяна.

Ага! Стрывай-бо. У насъ проявився борець, усихъ дивчать зъ ума позводывъ, а хлопцямъ такого жалю завдавъ дивчатьмы, що й... И таке по селу вытворяє!.. Его поють и кормлють и ни якъ не вдовольнять!.. Не хоче дали видъ насъ иты та й не хоче!.. Певно и до васъ прыбуде зъ музыкамы!.. Эдывуеся, якъ скажу тоби, хто той борець?

Настя (*полохлыво*).

Хто жъ такый?

Тетяна.

Чутка була пройшла, що его вбыто, а винь жывисенькый! Таке дороге убранне на ему, та якъ вылюднивъ!.. Якъ побаче старця, чы обидранного хлопчыну, то такъ жменямы гроши й жбурля!..

Настя.

Хто жъ винь такый?

Тетяна.

Мыкыта!

Настя (*зъ крикомъ*).

Мыкыта?! Винь жывый? Его не вбыто?

Тетяна.

Жывисенькый же! А якъ прочувъ, що его маты померла и сестра змандрувала свить за очи, то упавъ на стиль, та такъ же голосывъ, що ажъ сумъ всихъ обійнявъ. Дали схопывся та якъ гукне: „музкы, тнитъ! Хочу справыты помынкы, по сестри й по матери!..“ (*Настя падає на вколуюшкы*). Що це зъ тобою?

Я в а 7-а.

Ти жъ и Степаныда.

Степаныда (*побачыла*).

Що зъ нею?

Тетяна.

Хотила певно стати на ноги и немощна впала! (*Пиднима Настю*).

Настя (*ледве промовля*).

До лижка швидчъ... голова! Туманіе въ очахъ! Воды холодной... Тетяно, скажи ему... щобъ... не приходывъ... Охъ!..

Я в а 8 - а.

Ти жъ и Лепестына.

Степаныда (*ведучы зъ Тетяною Настю, тыхо до Лепестыны*).

Побижы заразь по бабу Морозыху! (*Пшлы*).

Лепестына (*сама*).

Отъ тоби и выгоилы, Настю: недужою повезлы у Кыивъ и мало не мертвою привезлы до дому!.. Баба Морозыха казала, якъ тилькы, почне видъ людны землю тхнуты то це прекмета, що хутко вже помре. Не знаю, чы тхне вже видъ Настуси? Чы покласты Настусыни сережки у пуделко, чы въ себе зоставыты докы вмре? (*Выйма зъ кешени сережки*). Та й гарни жъ! Колыбъ вона хочъ швидче померла!

Я в а 9 - а.

Лепестына, Худолій, Худоліха и Дерначъ.

Худоліха.

Здорова! Що ваши господари, чы жыви-здорови повернулисьъ?

Лепестына.

Дайте покой, у насъ лихо!

Худоліха.

Яке?

Лепестына.

Настуся тужъ-тужъ помре! (*Хутко тшыла*).

Худоліха.

Помре? Треба питы та сказаты якъ помиратыме, щобъ свичку далы у руки, та гривнями ій очи позакрывалы, а то чого доброго, за клопотамы и не догадаютця!.. (*Побигла*).

Деркачъ.

Отъ тоби и Настуся. Заразь жыва, а черезъ хвылыну чого доброго и помре?

Худолій.

Оттакъ и кожна людына, живе-живе, а дали й помре!

Деркачъ.

Черезъ те жъ, кожна людына, вожонъ разъ и мусыть буты на поготови. Передъ страшнымъ судомъ, Арханголъ возогра у сурму и вси оживемо и предстанемо гуртомъ передъ судъ, вси якъ одынь!..

Худолій.

И въ пысаніи сказано: „вси якъ одынь“.. Сыла тоди буде людей, страшенна сыла!.. И коженъ предстане зъ своимы грихамы.

Деркачъ.

Вси оживемо и вси станемо поручъ, плече въ плече. Татарва, ляхъ, турчынь, хрыстыянныъ, жыдь...

Худолій.

И стоятымемъ—безъ сваркы, безъ суперекры, безъ ворогуваня...

Деркачъ.

Спокійно и покирно, мовъ диты, або ридни.

Худолій.

И Суддя праведный всихъ розсудыть. Праведныхъ пошле въ царство небесне, а гришныкывъ...

Деркачъ.

Охъ грышни, мы грышни! (*Сйда*).

Худолій.

Сыла грихивъ, вольныхъ и невольныхъ.

Деркачъ (*помовчавъ*).

Куме!

Худолій (*сивъ*).

Га?

Деркачъ.

А скынъ окомъ у ливоручъ, що то за сулія стоить, зъ чымъ вона?

Худолій.

Колыбъ була зъ пытвомъ якымъ, то я почувъ бы давно.

Деркачъ.

Хиба?

Худолій.

Вынныцю я за десять гинъ чую, черезъ те никола ни однои и не обмыну.

Деркачъ.

Отъ нись у васъ такъ нись, ажъ завдыкы беруть! А мене не наградывъ Господь!

Худолій.

А то, пакунокъ у кутку, певно винъ зъ восковымы свичкамы, бо щось воскомъ пахтыть здорово!

Деркачъ.

Отъ якый Гаврыло, винъ и про Бога турбуецця, ажъ зъ Кыива свичокъ привизъ, а мы...

Худолій.

Мабуть, Гаврыло не заїздывъ у Бровары, то й старкы не привизъ; а першъ завжды привозывъ.

Деркачъ (*зита*).

Може не до старкы ему було, сердешному, що дочка хвора?

Худолій.

А може й на Бровары не іхавъ, а другимъ шляхомъ? Бо колыбъ іхавъ поузь Бровары, привизъ бы старкы.

Деркачъ.

Невже привизъ бы?.. А яка старка на вашу думку смаковытица—Кыивська, чы Черкаська?

Худолій.

Кыивська не такъ смаковыта, якъ мицна, а Черкаська смаковитищъ.

Деркачъ.

Певно вынныкы щось пидмишуютъ? И якъ воно чудернацько выходе: одного не додай, а другого передай, вже й не те!..

Худолій.

Эге жъ, вже не той смакъ и пьецця не такъ. А Кыивська старка мени до смаку, черезъ те...

Деркачъ.

Годи, не нагадуйте!.. (*Спасуе*).

Худолій.

Я тилькы кажу, що тимъ вона мени до смаку, що ще й до рота не донесешъ ии, якъ вона вже пошле тобі веселый духъ и въ душу и въ сердце.

Деркачъ.

Мовчить, Бога рады!.. У мене смага на губахъ зъявилася и въ тельбухахъ неначе щось ажъ заворушылось.

Худолій.

И черезъ що у насъ на хутори нема вынныць? Скильки олійныць, млыннивъ, фолюшивъ, а вынныця хочъ бы одна?.. Сказать бы никому пыты, слава жъ Богу, пытуцихъ людей доволи!

Деркачъ.

У мене вже ажъ сохне въ роти...

Худолій.

Та й мени неначе що, ажъ втягуе
языка въ середины.

Деркачь (*помовчавъ*).

Куме?

Худолій.

А що скажете?

Деркачь.

А Даныло загорёванный привизъ гар-
ного спотыкачу.

Худолій (*хутко*).

Хиба куштували?

Деркачь.

Та вчора хыльнули *елько можажу*.

Худолій.

Опаска бере, щобъ часомъ жинка...

Деркачь.

Поки вони тамъ панькатымутця била
недужой, я поспію вернутись.

Худолій.

Та вже що буде то буде, ходимо
заразомъ! (*Пшшлы*).

Я в а 10-а.

Худоліха, Степаныда и Бакаляръ.

Худоліха.

Нехай засне, поки баба зилле зваре,
сонъ то найкращи лыкы.

Степаныда.

Сидайте! (*Сидаютъ*). Охъ, Боже
нашъ мылый! И такъ вже ій було по-
лехчало, якъ исповидали та запырчас-
тылы у Велькомученыци.

Бакаляръ.

Все хапалася до дому, поїдемо, каже,
мерщій до дому, очунию! И отъ...

Худоліха.

А де жъ це мое срібно-золотце? И
Деркачь бувъ зъ нымъ, куды жъ вони
запропастылысь?

Бакаляръ.

Чы не на другій половини? (*Пшшовъ*).

Худоліха.

Ажъ завидкы беруть, що вы и у
святому Кыви побували и святымъ по-
клонылыся и свита навыдалыся... Боже,
Боже, колы-то я сподоблюся? Осила мене
дитвора, якъ галичь, николы и въ гору
глянуты!.. У печеряхъ булы?

Степаныда.

А якъ же? Булы у блыжнихъ и въ
дальнихъ.

Худоліха.

Служылы молебствіе?

Степаныда.

Служылы и въ Лаври, и у Варвары,
и у Михайливскимъ... у Братскимъ ажъ
двичи служылы, а у Хроливскимъ говилы...

Худоліха.

Щаслыви!..

Степаныда.

Бову старого бачылы.

Худоліха.

Бачылы, невже?

Степаныда.

У Межыгорського Спаса, послушны-
комъ. Теперъ его й не пизнаты, зарисъ
бородою, смиренный такый, та поважный,
и промова богобоязна... Якъ выіздылы
вже зъ Кывива, зповъ его провидали, такъ
винъ и наказавъ: „кланяйтесь, каже, зем-
лякамъ, щобъ готувалы талары та дука-

ты, скоро прийду до васъ за лептою,
на построєніе храму Божого“...

Худоліха.

Що жъ; нехай прыбува! Чуєте, му-
зыка гра, чы не до васъ идуть?

Степаныда.

Не до весилля намъ теперь!

Я в а 11-а.

Ти жъ и Лепестына.

Лепестына.

А тамъ иде борець та гука: „до Ба-
каляра у гости прямуймо!“

Степаныда.

Охъ, не до гостей намъ!

Худоліха.

А гляньмо, що тамъ зъ Настею? Ко-
лыбъ не розбудылы іи та не сполохалы?
(*Пишлы*).

Лепестына (*слуха музыку*).

Якъ пидь ногу выграють, сами ноги
хочуть танцювати! (*Спѣва и танцюе*).

Видь Кыива до Лубенъ,
Насіяла конопель,
Дамъ лыха закаблукамъ, } 2 раза.
Закаблукамъ лыха дамъ!

Я в а 12-а.

Мыкыта, за нымъ музыка и челядь.

Мыкыта (*гарно зодягнений спѣва и танцюе*).

Та спасыби батькови,

Та спасыби матери,

Що насъ здобулы! 2 раза.

Якъ насъ здобувалы,

Жыто розсыпалы—

Въ ночи на печи! 2 раза.

Гей, Бакаляре, дукаре! Бравый на
пыху, вдальный на втиху, багатый на ду-
каты, видчиняй—но палаты! Становы на
стиль меды та вына, частуй борця-молод-
ця, покритчыного сына!

Я в а 13-а.

Ти жъ и Бакаляръ.

Бакаляръ (*зъ боковыхъ дверей*).

Я тутъ. Борець цей, лыбонь, по зна-
ку!.. По звичаю давнему прадидивско-
му, гостя не женуть зъ господы, який
бы винь не бувъ, хочъ бы й ворогъ
лютый; але на цей разъ я волю
видкупытыся и пытвомъ и грошыма; а
гульни не могу дозвольты, бо моя дочка,
моя едыная втиха...

Мыкыта (*регоче*).

Заведужала може? Зъ якои жъ хво-
робы: зъ гордощивъ, чы зъ глуму?

Бакаляръ.

Глузуваты надъ батькивскимъ горемъ
може тилькы звирь, а не чоловикъ!

Мыкыта.

А хто жъ мене й озвирывъ, якъ не...

Бакаляръ (*выйма калытку зъ гриш-
мы и кыда до нигъ Мыкыты*).

Я озвирывъ? Ты мене за когось инчого
приймаешъ? На, беры скільки хочешъ,
тилькы дай намъ спокій, дай хворій ско-
наты спокійпо!

Я в а 14-а.

Ти жъ Настя, Тетяна, Степаныда и
Худоліха.

Настя.

Тату!.. Я той звирь!..

Мыкыта (*уздривъ Настю*).

Хто се? Хто?

Настя.

Не признаешь гордой Насте?

Мыкыта.

О, Боже! Це манія!..

Настя.

Покарана я за погорду! (*Хотила пидійти до Мыкыты, але похитнулася*).

Мыкыта (*пидхоплює її*).

Насте! Завищо що жь ты? (*Кыда її на руки Степаныды и Тетяны*). Ни, не жаль мени тебе, не жаль, а ни крихоткы!..

Настя (*пада на коліна*).

Зневажь мене, якь найобразнищ!.. Тилькы, тилькы!

Бакаляръ (*пидхоплює її*).

Доню, доню, опамьятайся! Де твій розумъ, де твои гордоци?

Настя.

Гордоци зсушылы мою красу, гордоци зтруили мои молоди лита, гордоци захмарылы мои свитли мрія, ясни надії!..

Мыкыта (*зхопывъ себе за груди*).

О, серце, чому жь ты не лютуешь, чому не скаженієшь? Музыкы! Юрбо! Назадъ! Не місце тамъ гульни, де смерть косою замахнулася! (*Повертається и хутко иде*).

Настя.

Вернись, Мыкыто!.. (*Пада*).

Зависа.

Д і я 4-а.

Густый садъ. У глыбини помежъ деревами манячытъ Бакалярывъ будынокъ, очерета, лозы и болото. Дубъ, пидъ дубомъ лава.

Я в а 1-а.

Настя (*входе зъ глыбини сада*).

Геть смутку, геть журбо зъ думокъ, сегодня мылый прыбуде, ось-ось небавомъ прылыне!.. Скоро настане умовна доба. Все вже въ будынку спочывають, а моимъ очамъ не до сну, моимъ думкамъ не до спочывку. Надії бижать мылому на зустричь, витають его, роспытують, жалуютъ!.. Уже четвертый мисяць мынае якь бачыла его, чы легко жь? А скільки страшныхъ думокъ зъявлялося у серцеви тоди, колы лыхи люде прыносялы не добри висты?.. И якь мое серце змогло передужаты все ти муки? Охъ, прыбудь же, прыбудь мерщій коханий! Зирочки ясни, блескучи, безгришни, святін, осяйте найяснищимъ свитомъ путьдориженьку моему мыленькому, щобъ не

забудывся винъ, щобъ не зтомывся. Щось заквылыло чайкою? Чы то мени вчулося? О, зновъ! Невже винъ? Теперь чутно посвысть! (*Прислухається*). Винъ, винъ! це жь мій чорнобровый, орель сызокрылый! Смійся серце, радій, пышайся, ось вже мыленькый! (*Побыгла ни зустричь*).

Я в а 2-а.

Гаврыкъ (*входе зъ ливого боку*).

Я постеригъ, що Настуся сюды пишла видъ будынку, де жь подилась? Мушу росказаты ій все, що провидавъ про Мыкыту. О, лютый харпызе, за вищо ты звивъ дивчыну зъ ума? Хто се сюды йде? Настуся и зъ нею... Мыкыта?! Сказалы, що Мыкыту упіймалы десь у ватази и закутого въ зализа погналы до Кыива?!.. Мара це, чы й справди Мыкыта?.. (*Ховається у гущину за дерево*).

Настя.

Бо переплуталася думки, и то поло-
хаютця, то сумніють, а очи ти думки й
одсвичують певно?..

Мыкыта (*оглядається*).

Чы не дійшла до тебе яка надзвы-
чайна чутка?

Настя.

Не багато треба чутокъ, щобъ заля-
каты полохлыве серце...

Мыкыта.

Все бильшь и бильшь загадки ты
труишь мали хвыли щастя, котрыхъ я
такъ довго чекавъ.

Настя (*зъ жахомъ*).

„Мали хвыли?“ Справди ты пры-
бувъ не на довгий часъ?

Мыкыта.

Такъ, вгадала... Що жъ, моя люба,
такий мій таланъ?

Настя (*зъ отчаємъ*).

Пророкувало жъ серденько не даромъ,
не даромъ вищувало! Якъ же я змогла бъ
веселою буты? (*Зъ за дерева пока-
зуетця місяць*).

Мыкыта.

Сумуй же найтяжче, бо ондечки й
бурлацьке сонечко зійшло вже, часъ роз-
лучення прыспивъ.

Настя (*зъ крикомъ*).

Що кажешъ? Ой! Ни, це вчулося
мени?

Мыкыта.

Якъ місяць на неби підійметця, такъ,
якъ сонечко у обидню дѣбу, я мушу вже
буты у Нерубаевському лиси!

Настя (*кынула на шыю*).

Любый, коханий, загайся!.. Скажи,
чого такъ поспипашъ?

Мыкыта.

Я мушу тамъ буты! Ты жъ, доки не
знаешъ ще ничего, краще и не знай,
не забигай лыхови навпереймы!

Настя.

Невже тому правда, що люде про тебе
кажуть?

Мыкыта.

Хочъ и кажутъ та не все... Правда
страшница!.. Краще не знай всего до
случного часу!

Настя.

Ой, загайся жъ хочъ на хвыльну ще!

Мыкыта.

Не загаюсь, не маю воли и не маю
часу!

Настя.

Страшно, страшно! Дай ще хочъ
мить щастя, зостанься хочъ до ранней зори!

Мыкыта.

На зори я мушу буты далеко.

Настя.

Пропала жъ моя доленька, на вика
пропала!..

Мыкыта (*туле їи до серця*).

Вывуй—не вынуй мене, а я мушу
покынуты тебе!.. Якъ що хвортуна не
зрадыть, то сподивайся мене черезъ тыж-
дѣнь и вже на довгий-довгий часъ!

Настя.

Це сонъ, сонъ! Я сплю! Розбуды
мене худчій, доки цей страшный сонъ не
задаввъ мене! (*Прыпада до его грудей*)...

МЫКТА.

Настусе! Ты вдержуешъ мене, не мовъ хочешъ виддаты власными руками лю- тимъ врагамъ?

НАСТЯ (*одступа*).

Що? Якъ? Коли такъ, ідь!

МЫКТА.

Прощай! Тильки ничъ ще й живыть мене и вховуе; а въ день, я муляю врагамъ очи! (*Обійма її*). Вповай на свою хвортуна, то скоро побачимось! Бо моя хвортуна... (*Хутко пишовъ*).

НАСТЯ (*мовъ остовпынила*).

Що?! Що це? Чы навспряжки? Я его упустила? На вищо? Упустила мыленького! (*Промовля чуло*). „Упустила со- коленька, та вже й не ввіймаю!..“ Якъ зиронька, що спада зъ неба и въ останне освичуе на мить свій путь блескучою сму- гою, а потимъ згаса на вики, такъ теперъ згасла на вики и моя остання надія... Щас- тячко блискавкою зъявилосся, ослипыло на мить сердце и згасло!.. Хотила сказаты ему, сказаты багато, сказаты все и не сказала ничего!.. Обступае мене темрява непроглядна, обгортае непросвितтя ничъ... Невже заразъ тутъ бувъ мылий и нема его? Бувъ и нема!.. Зійшовъ мисяць и сполохавъ мылого!.. О, захмарся жъ лютий мисяцю на вики, не треба мени твого зрадльвого, холодного свиту! зирки згаснить на вики, нехай все навколо такъ стемніе, якъ темно теперъ у мой души!.. (*Рыдаючи прытала до дерева*).

Я в а 4-а.

Настя и Гаврыкъ.

ГАВРЫКЪ (*надходить*).

Настусе, не любыть винъ тебе!

НАСТЯ (*полохливо*).

Га? Кто се?

ГАВРЫКЪ.

Отруивъ винъ твое жытте!..

НАСТЯ (*по паузи*).

Ты хто жъ такый, що якъ злодій підкрався и підслухавъ жаль мого сердца, підслухавъ те, чого батько й маты не мусять чути и теперъ не соромыся зъявля- ться передъ моими очыма?

ГАВРЫКЪ.

Я не властенъ въ соби! Одне я тильки знаю, одне тильки тямлю, якъ дуже, якъ безъ миру кохаю тебе!

НАСТЯ.

Сужена я тоби, чы заручена, чы слово тоби подала, чы поглядомъ коли пома- ныла, що ты слидкуешъ за мною?

ГАВРЫКЪ.

Настусе, выслухай мене!

НАСТЯ.

Я зневажаю тебе. Геть!

ГАВРЫКЪ.

Я вволю твою волю... Тильки виръ тому, що я тоби у останне виявлю. Ты николи вже Мыкты не побачышь!

НАСТЯ.

Ты наведешъ на его следъ ворогивъ? О, на лыху одвагу, ты бувъ завжди здатнымъ!

ГАВРЫКЪ.

Знай же, що Мыкты харцызомъ ставъ, розбійныкомъ, его чекае шыбеныця!

НАСТЯ (*схотылась за груди*).

Сестра я тоби, чы ридня? Чы я яка безридня, що ты маешъ захищаты мою честь, або помщатысь за мене?.. У мене е батько, котрый ще зуміе захыстыты мене, якъ треба того буде. Геть зъ очей моихъ, осоружный!.. (*Пшла*).

З а в и с а.

Д і я 5-а.

Вулиця. Ливоручъ тинь, биля тину крыныця и перелазъ; праворучъ хата Худолія, поручъ хата Деркача.

Я в а 1-а.

Лепестына (*набира воду зъ крыныци и стива*).

Ой у степу, степу крыныченька,
Ой тамъ вода прыбувае,

Ой тамъ чумаць, чумаць мо- }
лоденькый, } 2

Сири воли напувае! } 2

Гей, воли ревуть, та воды не пьють,
Бо въ Крымъ дориженьку чують.

Гей, чы на мою, чы на свою } 2
Та голивоньку звищують? } 2

Гей, прылетила сыза зозуленька,

Та все: „куку“, та „куку!“

Гей, подай, подай, молодой чумаче, } 2
Та хочъ правую руку! } 2

Я в а 2-а.

Лепестына и Худоліиха.

Худоліиха (*на порози своєї хаты*).

Здорова, Лепестыно! А що, чы дуже
зрадили твои хазяинны онукови?

Лепестына (*зъ лякомъ*).

Якому онукови?

Худоліиха.

Думаешъ, що Худоліиха ничего не зна?

Лепестына.

Я не збагну, про вищо це вы?

Худоліиха.

Ой, не хытруй, дивко! Признайся
краще, чы вже внесла Настя дытну въ
хату, чы й досы выхове въ садку? А
що їй Богъ давъ—чы хлопчыка, чы див-
чынку? (*Глузуючы*).

„Якъ що буде хлопчыкъ, то виддамо
въ дячки,

Якъ що буде дивчына, то виддамо въ
швачкы,

Щобъ вмила шыты ще й вышиваты,
И такъ саме робыты, якъ робыть маты!“

Лепестына.

Якъ вамъ не соромъ оттаке плесты?

Худоліиха.

Ты не вирышь? То пиды у берегъ
та й подывысь, що тамъ у дупленастій
верби заховане? Пиды, пиды!

Лепестына.

Цуръ вамъ, пекъ! (*Иде черезъ пе-
релазъ у бикъ*). Треба й справди зби-
гаты до дупленастої вербы!

Худоліиха.

Отъ дивка! Жыве тамъ у наймахъ и
не зна, що въ неи пидъ носомъ конця!
Треба буты слипоку совою!..

Я в а 3-я.

Худоліиха и Деркачыха.

Деркачыха.

Зъ кымъ це вы тутъ гомонили, про вищо?

Худоліиха.

Не знаю, чы й казаты вамъ? Баба
Морозыха прохала, щобъ никому не роз-
казуваты... але я тилькы вамъ розкажу.
А вы, пожалуста, мовчить, никому а ни сло-
вечка! „О пивночи, каже, пишла я, у Ба-
каляреву леваду, стерегты папоротныка,
якъ цвистыме, та за мисть папоротныка
постерегла, якъ Настя выховувалась зъ
своимъ соромомъ“...

ДЕРКАЧЫХА.

Що? Отъ тоби и Настя! И хто бѣ мигъ подуматы?

Худоліиха.

Оттакои! Та я завжды певна була, що Настя колысь такы налыхотворыть!

ДЕРКАЧЫХА.

О, стрывайте, я й забула! Выбачайте, николю мени, треба бигты до сестры Палажки, по той... (*Хутко побигла*).

Худоліиха.

Вы жѣ не кажитѣ Палажци про Настю. Це вже росплеце тамъ! И яки тилькы е языкати люде!

Я в а 4 - а.

Худоліиха и Тетяна.

Тетяна.

Здорови булы, зѣ недилею!

Худоліиха.

Спасыби, Куды простуешѣ? Чы не до Бакаляривны?

Тетяна.

До неи та й не знаю: чы йты, чы ни?

Худоліиха.

Хиба ты вже довидалась?

Тетяна.

Вы те жѣ вже чулы?

Худоліиха.

Чула, тилькы ще не бачыла.

Тетяна.

Не бачылы? Та вы про вищо?

Худоліиха.

Та про Настю жѣ! А ты?

Тетяна.

А я про те, що оце свижо повернульсь татко зѣ мѣста, зѣ базару, та прочулы тамъ таку новыну, що бодай краще й не чуты. Кажуть, що нибы-то Мыкыта, зибравъ юрбу гультипакъ, ставъ ватажкомъ и обдерае, та грабуе людей!

Худоліиха.

Я про це давно вже знала. Моя новына, краща твоєї. Пиды на низъ, у леваду Бакаляреву, до дупленастої вербы, тамъ побачышь таку дывыну!

Тетяна.

Яку?

Худоліиха.

Не знаю, чы й казаты тоби? Баба Морозыха не велила... але я тилькы тоби й скажу, а ты гляды, никому!.. Настя вже маты... (*Тетяна жахається*). Боже мій, Боже мій! Що жѣ воно буде теперь зѣ дытною, га? Подумай тилькы?

Тетяна.

Та вы це правду кажете? Ой, страшно! У мене серце терпне! Ой, Боженьку! (*Пшла хутко вулицею, ломаючи руки*).

Худоліиха.

Колыбъ швыдчѣ вечерило, побижу у леваду, та й подывлюсь—чы хлопчыкъ, чы дивчынка?

Я в а 5 - а.

Худоліиха и Деркачыха.

Деркачыха.

Кажете, баба Морозыха вамъ сказала про Настю, а стари ще Бакаляри не знаютъ?

Худоліиха.

Певно ще ни. А вы никому ще не казали?

Дытна (*зъ дверей*).

Мамо, идить у хату мерщій. Пана-сыкъ упавъ зъ печи та геть розбивъ лоба, кровь такъ и юшыть!

Худоліха.

Хай вамъ тряся, не до васъ мени!.. Остогыдлы вже гиришь болячки, бодай васъ! (*У хату*). Га? Ось я тоби дамъ! (*До Деркачыхы*). Може дытны вже й нема? Може Настя задавила, або звирь зъвѣ, або померло?.. Отъ воно, свахо, и справдылось те, що я вамъ давно пророкувала про Настю: що якого покохала, таке и пуття вышло!

Деркачыха.

Эге, такъ такъ воно и спевнылось.

Худоліха (*плачучы*).

А мени, свахо, все такы шкода Насти.

Деркачыха (*хлыпа*).

А якъ же не шкода?

Худоліха.

А стійте, я збигаю до Бакаляривъ та подывлюся, якъ воны соби тамъ маются? Будь ласка, якъ постережете, що диты гармыдеръ пидіймутъ, то прямо поскубить одного-другого, смилыво поскубить моею рукою, а я заразъ! (*Побила*).

Деркачыха.

Такъ, стану я клопотатись била чужыхъ, мало мени бидкання и зъ своны вылушканы? (*Пшла въ хату*).

Я в а 6 - а.

(*Здалеку чутно дивочый свизъ, потимъ свизъ наближається и выходять короводома дивчата*).

Шумъ ходе, по води броне,
А Шумыха рыбу лове,
Що зловыла, то й пропыла,

Сучци дочки не вгодыла!

Жды доню до субботы,
Куплю тоби червони чоботы,
Огиркы-жовтякы,
Старійтеся парубкы,
Огирочки зелененькы,
Вси дивчата молоденькы.
Плету-плету, лись-лись,
На парубкивъ, бись бись,
А на дивчоцькы золотый виночоцькы!
Огиркы и т. д. (*Пшли дали*).

Я в а 7 - а.

Тетяна и Лепестына.

Лепестына (*на перелазы*).

Тетяно, швыдчь сюды!.. (*Тетяна пидходе, вона шепче їй на вухо*). Ей же Богу, правда! Жывисеньке и такъ очыщамы поводе! Якъ глянула я на него, такъ мене слезы и облылы!.. Ой, що жъ це буде?

Тетяна.

И не знаю, чы йты мени до Насти, чы не йты?

Лепестына.

На мою думку, краще не йты!

Тетяна.

И не пиду, страшно, боюсь! Ой, сердешна жъ Настуся, хай вже ии Господь напутыть у такій страшній прыгоди! (*Иде вулицею, Лепестына назадъ*).

Я в а 9 - а.

Тетяна и Худоліха.

Худоліха (*иде через перелазъ*).

Пострывай, Тетяно! Колыбъ ты споглянула, що теперъ коитця у Бакаляривъ у господи, чысты шарвароцькы! Якъ сказала я имъ про Настусынъ грихъ, то тамъ таке заварылося, мовъ у казани!

Тетяна.

На вищо жъ вы сказали?

Худолиха.

Хиба зъ такымъ диломъ выховаеся? Не сегодня, то завтра, выявылося бъ, але чымъ ранишь, тымъ краще! Якъ глянула Настуся на мене, то зразу помитыла, що я все знаю и не мовъ отерпла бидна!..

Тетяна.

Нещасна страдныця!

Худолиха.

Стари, якъ почалы репетуваты, ажъ сумъ пишовъ по хати; а Настусю зразу не мовъ що выявило зъ хаты, такъ и майнула! Я вже й не рада що сположала. Та мерщій утекла, Богъ зъ ными!..

Тетяна.

Ой, бидна жъ, бидна Настуся!

Худолиха.

Такъ мени ин шкода, такъ шкода! (*Плаче*). И на вищо вона покохала харцызяку?

Тетяна.

Така вже ин безщасна доленька! (*Шила плачучы*).

Худолиха.

И вылупытця жъ на лыхо та на горе оттакий зумазводъ! (*Вытира очи*). Чы й досы жъ-то дытына у дупли? Ко-лыбъ, бороны Боже, зверь не розирвавь, або собака не задавила? Вже якъ пиде не безголивье, то лыхо до биды лыпне, якъ репьяхъ до вовны. Ко-лыбъ швидчъ смеркало, кортыть мене збитаты до вербы... А тутъ ще й тисто вчыныла на пироги, чы до тиста жъ мени теперь? Певно вже зйшла опара, якъ ще збижить!.. И на-дало жъ мени не въ часъ вчыныть те тисто! (*Хутко пишла въ хату*).

Я в а 10-а.

Худолий и Деркачъ (*идутъ вулицею*).

Худолий.

Та й забавылся жъ на ради, скоро и смеркне.

Деркачъ.

Ну щожъ, скажете жинци, що по громадському дилу...

Худолий.

Та воно можна... А стрывайте! Отъ же щось тутъ не безпечно, неначе жинчыннымъ духомъ тхне... Чы нема ин де тутъ? (*Придывляеться*).

Деркачъ.

Та що це вамъ що разу вбачаетця? Побачыте стовба—жинка, сояшныка—жинка, корову—жинка... То журавель стовбеніе, била Бакаляровой хаты.

Худолий.

Я вамъ скажу, якъ добрый мысли-вещъ завжды угада де зверь залигъ, такъ и я чую слидъ моеи жинкы понюхомъ!.. Побый мене святыи гримъ, що вона або йде, або свижо тутъ пройшла, у мене на мою жинку собачый нись!

Деркачъ.

Вылась вона вамъ у печинкы?

Худолий.

Усима зубамы вылась... Скоро майну видъ неи свить-за очи!

Деркачъ.

Давно вже вы туды збираетесь!

Худолий.

Ой, не драгуйте мене, бо такъ якъ стою схоплюсь на коня та й полечу, якъ выхорь.

Деркачъ (*сміється*).

На коня? Не вдавайте зъ себе лыцаря. Вы сами на коня не взлизете вже, а я ни за що не пидсажу васъ, хочъ якъ прохатымете!

Худолій.

Не вирите, дратуете? (*Хоче ити*). Дакъ оєь же я вамъ докажу! Де мій кинь?.. Шаблю мени, мушкета?..

Деркачъ (*удержує его*).

Та ну, потерпите ще який часъ, може вона й схаменетця?

Худолій.

Га? Може?.. Тилькы наврядъ! А може...

Деркачъ.

Годи пòрскаты, краще зайдимо до Бакаляра, вивъ намъ по одній, по другій пиднесе.

Худолій.

Пиднесе? Хиба у него є?

Деркачъ.

Учора привизъ оттаке барыло, самъ бачывъ!

Худолій.

Якъ що по такому дилови, то зайдимо. А тилькы я и вамъ и ій, якъ що той, то докажу!.. (*Пийлы через перелазъ стиваючы*).

Колыбъ мени транды-ранды,

Додыбаты до оранды,

Хыльну меду одну краплю } 2

Тай до домоньку потраплю! } раза.

Колыбъ мени вышнивочки,

Або зъ кварту тернивочки,

Я не пывъ бы меду й пыва, } 2

Голивонька бъ не болила! } раза.

Я в а 11-а.

Худоліиха (*выбига зъ хаты*).

Що воно за знакъ, у хати вже такъ стемнило, що й нытки не засилю въ голку,

а на двори й досы выдко? Видколы живу на свити ще такого довгого дня не бачыла! Ой, це неначе мени на злисть, колыбъ швидче смеркало, а то, бороны Боже, занедужаю цикавощами!

Я в а 12-а.

Худоліиха, молодыци, згодомъ Деркачыха.

1-а молодыця.

Адже не даромъ и писня каже:

„У козака виры, якъ на мори пины:

Витерь подмухне пину розжене,

Оттакъ козакъ дивку изъ ума зведе!“

Худоліиха (*прислухається*).

Це вже вони про Настю, хто жъ це имъ расплескавъ? И яки у насъ є языкати люде!

2-а молодыця.

У мене ихъ ажъ семеро дочокъ и всихъ я виддала замижъ, якъ перемыштьхъ, якъ переполисканыхъ. Та я волила бъ скоричъ самотужъ передушыты ихъ властными руками, потруиты ихъ, нижъ придбаты сорому на свою голову!..

Деркачыха.

Може черезъ Настынъ грихъ и засуха цего року, и сарана, и падижъ?..

Худоліиха.

А вы думаете черезъ що? Я ще зъ весны помитыла, що у Бакаляривъ мусыть сконтысь щось не певне. Де жъ, була у мене рябесенька курочка, сказать, якъ цецарочка, якъ зозуля. (*До молодыци*). Горпыно! ты жъ памятаешъ мою рябушечку?

1-а молодыця.

Ту, що зъ чубычкомъ?

Худоліиха.

Эге жъ. Найранищъ всихъ курей вона почынала нестысь, найранищъ всихъ

я ии пидсыпала. А що вже яець було на-
несе, то й... Вирьте, иноди по двоє у
день несла!

Деркачыха.

По двоє? Це щось нечуванне!

Худоліха.

Та у моєи матери була така, що ажъ
по трое несла!

1-а молодыця.

Та про ту и я чула, а про цю?..

Худоліха.

Тото жь-бо й е!

Деркачыха.

Може воно у старовыну и бувало
такъ!

Худоліха.

Всихъ сусидивъ завьдкы брали на
мою рябушечку! Ото жь, якъ разъ на
благовисныка, у обидню добу, дывлюсь,
бижить моя рябушечка зъ току до хаты,
такъ прудко-прудко бижить!.. Прибигла,
стала на порози, головою супроты Бака-
ляривськой будивли, та за мисьць: „куд-
куда-а!“ Якъ закукурика: „кукурику“, тай
„кукурику!“

1-а молодыця.

Такъ, такъ...

Худоліха.

Ей Богу! „Кукурику“, тай „кукурику!“
Переякалася я, ажъ неначе пропасныця
затрясла мене, а ось сюды у бикъ мене:
коль-шпыгъ, коль-шпыгъ!.. Охъ голивонь-
ко моя бидна! Я худчій до бабы Моро-
зыхы. Оттаке кажу, бабусенько, лыхо
вчынылось!..

Деркачыха.

Та це жь було не цiei весны, а по-
заторошнѣи.

Худоліха.

Якъ позаторошнѣи?

1-а молодыця.

Лыбонь и справди позаторошнѣи?

Худоліха.

А хйба не однаково? Ото баба Мо-
розыха и кажуть: „визьмы жь ты сокрыу,
та завтра, до схийъ сонця, видрубай на
хатнимъ порози твой рябушечки голову,
а мясо ии выкынь на покормъ шуликамъ
та яструбамъ!..“

Я в а 14-а.

Ти жь и Морозыха.

Морозыха (*надходе*).

Оттаке, молодыци, у насъ на хутори
завелося. Здрастуйте, зъ недилею!

Вси.

Спасыби, будьте и вы здорови!

Морозыха.

Трыдцять годивъ бабую та пупы
рижу, а й досы не чула такого осудовысь-
ка, щобъ хазайска дочка, та ще й не
абы—якихъ хазяивъ, вчыныла такой
соромъ... Теперь и помиркуйте, черезъ що
Галчына корова мертвымъ телѣмъ отелы-
лася? Черезъ що у Приськы Шмарагды-
хы зъ пидъ двоухъ квочокъ, тилькы се-
меро курчатъ вылупылось?.. Черезъ що...

Молодыци.

Чуете, чуете?

Морозыха.

Черезъ що Хвылымонь у ночи, якъ
разъ пидъ полу-Петра, попавъ у водя-
ный млынъ межъ лотоки? Черезъ що-цего
року конопли по-де куды зовсімъ и не
зійшлы?

Молодці.

Чуете, чуете?

Морозыха.

Через одну яку небудь хвойду, та на всіхь отака напасть? Черезь що Тымохвієвому волови...

Худоліха.

Стійте!.. Цытьте! Бачыте, бачыте?

Вси.

Що, що?

Худоліха.

Ондечкы Настя крадетця!.. Бачыте, у неи на рукахь дытына? Це жь вона певно наважаецця переховаты дытыну, або?..

Вси.

Цс... цс! (*Прытуляюцца за прычылжомз хаты*).

Я в а 15-а.

Настя (*зв саду зв дытыною на рукахь*).

Не выховалась видь лютыхь воротивь, кинець мій прыходе! Не втямлю ни шляху, ни стежки—куды простуваты зв своимь соромомь? Земле сыра, розступыся и проглыны мене!.. Боженьку, пошлы на мене раптомь гримь твій, щобь убывь мене и спалывь...

Худоліха (*тыхо*).

Стривайте, я побижу та дамь звистку батькови й матери, бо щобь, бороны Боже, вона не стратыла дытыну! (*Побигла*).

Настя.

Де жь ты, Мыкыта? Прийды жь, порады мене, порятуй! Невже жь зрадывь мене, не вже жь и досы помщаецця такь люто?.. Охь, якь же мени буты теперь?

Мыкыта зрадывь, насміявся вь волю!.. Охь, холоне сердце, душа мре, терпие у грудяхь! Де жь пораду знайду? Де жь вы подругы мой? Поділитесь жь зо мною моимь жалемь, у цю страшну мою добу, хочь словомь, хочь поглядомь порадыте мене!.. Нема, никого нема, ни дружыны, ни порады! Одна я стою зв своимь соромомь проты всіхь!.. Немовлятко мое, безбаченку мій, порады же хочь ты мене, розважь!.. (*Чуты голосы*). Хтось иде сюды? Гукають? Мене клычуть? Маты гука? Ой, сыночку мій, смерть моя настала!..

Степаныда (*за кономз*).

Насте, Насте!

Настя.

Ноги деревеніють! Духь спираецця, у грудяхь!.. (*Кладе дытыну на цямрыны, сама затуля его плечыма*). Охь, смерти моя, беры мене худчій!..

Я в а 16-а.

Мыкыта (*крадетця до крыныцы*).

Що бачу? Настя.. А то що? Дытына? О, краще помры немовляткомь, ніжь маешь рости на глумь людымь, на поевиряние та знущенне, якь твій батько! (*Кыда дытыну у крыныцю*). А теперь мерщій свить за очи!.. Прощай, Насте! Не згадуй лыхомь, а добромь нема за що!.. (*Побигз*).

Я в а 17-а.

Бакалярь, Степаныда, Худоліха, Деркачь, Худолій и вси останни.

Бакалярь.

Насте!

Степаныда.

Доню, доню! Що жь це ты наробыла?

Настя.

Я? Я прийму кару!.. Я вчыныла тяжкый грихь, мене карайте!.. Осьдечкы моя провны!.. Де? де винь?.. Де мій сынь?

Худолиха.

Ой, лышечко! Вона певно вынула дытynu въ крыницу! (*Подбигаютъ до крыницы*).

Настя.

Въ крыницу?.. (*Де-хто кыдаеця до крыницы*).

Я в а 18-а.

Ти жъ и соцькый.

Соцькый.

Заразъ Мыкыта у волосты переказавъ, що нибы Настя втопыла свою дытynu въ крыници!.. Чы то жъ правда?

Настя.

Переказавъ, самъ?.. О!.. Мыкыто?! (*Пада мертва*).

Степаныда.

Донечко, одыночко моя! За вищо жъ ты виддала насъ на вичный соромъ, на вичне глумованне?..

Бакаляръ (*нахыляеця до Насти*).

Не нарикай стара... Вона вже мертва! Богъ намъ тебе, доню, давъ, Богъ взявъ, Богъ тебе и судытyme!..

З а в и с а.

Головни друкарськи помилкы.

Страница.	Строчка.	Надруковано.	Помилко буты.	Страница.	Строчка.	Надруковано.	Помилко буты.
13—2	13	Отаки	таки	121—1	33	обдурты...	обдурты...“
15—1	12	Отоди-то	О, тоди-то	123—1	22	пущены	пущеныя
23—2	27	коханпя	коханья	— 2	13	смиштыть	смишить
36—1	22	спершу	зпершу	130—1	29—30	Хведирь	Хведирь
36—1	32	розвидаю	розвидаю	133—1	21	зберетесь	зберетесь
41—2	19	дасть Богъ	дасть Бигъ	137—2	2	Мене	Мени
42—2	21	Ото	ото:	— 2	30	прудохвынъ	продохвынъ
43—2	20	велькы	вельки	140—2	20	Ни	Чы
44—1	33	все жъ такы	все жъ... таке	146—2	37	хвалылы	вхвалылы
61—2	12	вколюшки	вколюшкы	147—1	29	не,	ни,
63—2	2	передъ „смачниця“	тире не треба	148—1	25	вчытця...	вчытця?..
64—1	11	обгорилы	обгорили	149—2	5	Доки—	Доки
—	19	казакъ	козакъ	157—2	8	Бчора	Вчора
66—2	25	спершу	зпершу	158—1	3	старатця	старатьця
69—2	33	тоби	тоди	161—1	26	казавъ	чытавъ
70—1	19	я	Я	—	33	казала	чытала
76—1	29	спершу	зпершу	—	33—34	я жъ и чую	я жъ чую
77—2	20	сполохайсь	сполохайсь	172—1	15	животиты	животиты
86—1	18	спершу	зпершу	173—1	38	ничи	ничи
96—1	16	някъ	ни якъ	178—1	33	Докижы-	доки жы-
—	43	сырены	сырены	— 2	5	котрымъ	котрымъ
97—2	25	Покатылось	Покотылось	—	8	котрыхъ	котрыхъ
100—1	4	животыть	животить	180—1	3	засапавшысь	засапався
112—1	15	Вдлыла	вылыла	—	24	Тетьяна	Тетьяна
118—2	7	ниче	инде	— 2	6	Татьяна	Тетьяна
119—1	14	скрющи	скрыпци	181—2	6	не	ни
120—2	15	мылостыни	мылостыны	183—2	28	чы іла чы не іла	чы іла, не іла
—	24	то	що	190—1	3	крявы	крявы
—	32	дывчына...	дывчына...“	192—2	13	по всімъ	по всему
121—1	9	Ту	„Ту	193—2	38—39	Безталанная	безталанна
—	29	Беры	„Беры	—	39	втишная	втишна

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ

А. С. КЕТЛЕРОВОЙ,

Николаевская нл., № 29.—Екатеринославская ул., № 34.

въ харьковѣ.

PG. 3948

K73

1895

v. 3

